

ШАРЛОТТА

БРОНТЕ

ШЕРЛИ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Шарлотта Бронте
Шерли

«Издательство АСТ»

1849

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Бронте Ш.

Шерли / Ш. Бронте — «Издательство АСТ»,
1849 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-105078-8

В небольшом провинциальном английском городке действует жестокое тайное общество, плетутся интриги и хранятся опасные тайны самых богатых и респектабельных семейств. Но прежде всего в нем разыгрывается драма двух сильных молодых женщин – бедной сироты Каролины Хэлстоун, тайно влюбленной в состоятельного фабриканта Мура, и ее лучшей подруги – богатой наследницы Шерли Килдар, подарившей сердце младшему брату Мура – скромному молодому учителю Луи. Мур, умный и энергичный, но не отличающийся светскими манерами, уверен: Каролина, получившая прекрасное образование, презирает его. Луи, в свою очередь, понимает: он не ровня очаровательной Шерли. Кажется, соединить эти пары может только чудо...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-105078-8

© Бронте Ш., 1849
© Издательство АСТ, 1849

Содержание

Глава 1. Кураты	6
Глава 2. Фургоны	14
Глава 3. Мистер Йорк	23
Глава 4. Мистер Йорк	28
Глава 5. Дом у лощины	34
Глава 6. Кориолан	44
Глава 7. Кураты за чаем	56
Глава 8. Ной и Моисей	70
Глава 9. БрайрмЕнс	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Шарлотта Бронте

Шерли

© Школа перевода В. Баканова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1. Кураты

В последние годы кураты¹ так и хлынули на север Англии: они густо населили горы, и в каждом приходе непременно найдется один, а то больше. Кураты достаточно молоды, чтобы проявлять недюжинную активность, и вроде бы творят добро. Однако речь пойдет вовсе не о недавнем времени, мы обратимся к началу века. Нынешние годы засушливы, выжжены солнцем, жарой, бесплодны, поэтому зенита мы будем избегать и погрузимся в полуденный отдых, проведем середину дня в дреме, мечтая о рассвете.

Читатель, если данная прелюдия наводит тебя на мысли о романтических историях, то ты ошибаешься. Предвкушаешь сантименты, поэзию и грезы? Ожидаешь любовных страстей, экзальтации и мелодрам? Умерь свой пыл, спустись с небес на землю. Тебя ждет история подлинная, чинная и обстоятельная, столь же неромантическая, как утро понедельника, когда всякий труженик просыпается и вздыхает, что пора вставать и отправляться на работу. Вряд ли можно сказать наверняка, что мне не удастся раздражить твой аппетит, по крайней мере к середине или к концу трапезы, однако первое блюдо будет таким, которое добрый католик вкушает в Великую пятницу на Страстной неделе: холодная чечевица с уксусом, без масла; к ней подадут опресноки с горькими травами, и никакой тебе жареной баранины.

В последние годы, как уже сказано выше, на север Англии кураты хлынули настоящим ливнем, но в 1812 году до этого изобилия было еще далеко. Лица духовного звания встречались крайне редко: тогда ведь не существовало ни Общества помощи пастырям, ни Общества вспоможения куратам, чтобы протянуть руку помощи измученным заботами старым приходским священникам, снабдив их необходимыми средствами для содержания энергичных молодых коллег из Оксфорда или Кембриджа. В то время нынешних питомцев профессора Пьюзи² и орудия пропаганды заботливо укачивали в люльках либо омывали в купелях. При взгляде на них никому бы и в голову не пришло, что отутюженные оборки накрахмаленных чепчиков обрамляют личики тех, кому на роду написано стать непогрешимыми преемниками святого Павла, святого Петра или святого Иоанна. В складках ночных рубашонков ты вряд ли смог бы разглядеть белые стихари тех, кто в будущем начнет вбивать Слово Божье в души прихожан и ставить в тупик старых священников, яростно жестикулируя над кафедрой в одеянии, которое прежде лишь робко мелькало за аналоем.

Тем не менее даже в те скудные времена кураты кое-где встречались. На благодатных нивах Уэст-Райдинга, что в Йоркшире, в радиусе двадцати миль произрастали целых три бесценных отпрыска Аарона. Сейчас ты их увидишь, читатель. Входи в уютный домик посреди сада на окраине Уиннбери, затем в гостиную. Они обедают. Позволь их тебе представить: мистер Донн, курат прихода Уиннбери; мистер Мэлоун, курат Брайрфилда; мистер Свитинг, курат Наннели. Мистер Донн любезно пригласил собратьев откусать с ним. Заглянем на огонек, посмотрим и послушаем. Впрочем, сейчас они просто едят, а мы отойдем пока в сторонку и поговорим.

Все трое джентльменов – в расцвете лет, им свойственна типичная для их возраста кипучая энергия, которую престарелые главы приходов тщатся направить в благое русло, однако юных левитов мало привлекают духовные обязанности вроде исправного надзора за приходскими школами и частых визитов к недужным. Они находят эти обязанностями скучными, предпочитая расточать энергию на занятие более приятное для них, хотя в глазах прочих оно

¹ В широком смысле куратом можно назвать любого католического священника (*от лат. cura*) как целителя душ; в англоязычных странах кураты – помощники приходских священников, недавно завершившие обучение и наделенные рядом полномочий. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Пьюзи Эдвард Бувери (1800–1882) – британский англиканский богослов, историк церкви.

и кажется не в пример тягостнее и однообразнее, вроде рутинной работы ткача за станком. Им же подобный досуг служит неиссякаемым источником удовольствия.

Я говорю про беготню в гости друг к другу. Эти джентльмены носятся взад-вперед, однако их маршрут представляет собой вовсе не круг, скорее он имеет форму треугольника, по которому они снуют день и ночь, будь то зима, весна, лето или осень. Время года и погодные условия совершенно неважны: с необъяснимым рвением наши кураты бросают вызов метели и граду, дождю и ветру, слякоти и пыли, желая пообедать, попить чаю или отужинать вместе. Сложно сказать, что именно привлекает их в подобных встречах: вряд ли дружба, поскольку они постоянно ссорятся, и вряд ли религия – о ней они даже не упоминают. Теологические диспуты между ними случаются, но о благочестии речь не идет никогда. Вряд ли их привлекает еда и питье: кусок мяса и пудинг они могут съесть и дома, чай там ничуть не менее крепкий, гренки не менее сочные, чем подают их собратьям. Миссис Гейл, миссис Хог и миссис Уипп – соответственно, их квартирные хозяйки – утверждают, будто они делают это, лишь бы досадить ближнему. Очевидно, под «ближним» эти добрые женщины подразумевают самих себя, поскольку данная система взаимных набегов оборачивается для хозяек сплошной нервотрепкой.

Мистер Донн и его гости, как я уже сказала, обедают. Миссис Гейл им прислуживает, и в глазах ее сверкают отблески жаркого кухонного огня. Она полагает, что в последнее время жилец чересчур часто пользуется привилегией приглашать друга откусать (без дополнительной платы, поскольку жилье она сдает именно на таких условиях). Сейчас только четверг, тем не менее в понедельник на завтрак заглянул мистер Мэлоун, курат Брайрфилда, и остался обедать. Во вторник мистер Мэлоун и Свитинг зашли на чай, потом задержались на ужин, заняли свободную кровать и почтили хозяйку своим обществом за завтраком в среду. Теперь четверг, и вот они оба обедают, да еще наверняка останутся на ночь. Владей хозяйка французским, она выразилась бы так: *C'en est trop*³.

Мистер Свитинг крошит на мелкие кусочки свой ростбиф и жалуется, что тот жестковат; мистер Донн утверждает, будто пиво выдохлось. В том-то и беда: веди они себя приличнее, миссис Гейл так не возмущалась бы; довольствуйся они тем, что им дают, она не возражала бы против частых посещений, однако «юные кураты кичливы и на всех взирают свысока. Обращаются с ней бесцеремонно лишь из-за того, что она не держит служанку и выполняет работу по дому сама, как делала ее мать; и всегда-то они бранят Йоркшир и его обитателей». Поэтому миссис Гейл не считает их джентльменами. «Старый приходской священник стоит целого гурта огольцов из колледжа – он-то знает, что такое хорошие манеры, он добр к людям всякого звания».

– Хле-ба! – кричит Мэлоун.

Даже по двум слогам в нем можно распознать уроженца родины клевера и картофеля. Миссис Гейл не выносит Мэлоуна больше двух других куратов, однако побаивается его из-за высокого роста и крепкого телосложения. У него мощные конечности и типично ирландская физиономия – не исконно ирландская, вроде Дэниела О'Коннела⁴, а лицо североамериканского индейца, что свидетельствует о принадлежности к определенному типу ирландских джентри. Вид у него надменный и спесивый, больше подходящий рабовладельцу, нежели помещику над свободными крестьянами. Отец Мэлоуна считал себя джентльменом: он был беден и вечно в долгах, с огромным гонором; сын весь пошел в него.

Миссис Гейл принесла еще хлеба.

³ Это уже слишком (*фр.*).

⁴ О'Коннел Дэниел (1775–1847) – ирландский политический деятель, активный сторонник католической эмансипации, а также отмены Акта об унии Великобритании и Ирландии 1800 г.

– Порежь, женщина! – велел гость, и «женщина» порезала, хотя первым ее побуждением было порезать самого курата – свободолюбивая йоркширская душа отчаянно бунтовала против его командного тона.

Аппетитом кураты всегда отличались отменным, и «жестковатое» мясо поглощали с большим успехом. «Выдохшееся» пиво тоже легко проскочило, в то время как йоркширский пудинг и две миски овощей были проглочены мгновенно, будто листва под натиском саранчи. Сыр также удостоился заслуженного внимания. Кекс с пряностями, поданный на десерт, исчез без следа. Его горько оплакал в кухне Абрахам, сын и наследник миссис Гейл, мальчик шести лет. Он надеялся отведать кусочек, и когда мать внесла пустое блюдо, зарыдал в голос.

Кураты без особого удовольствия потягивали довольно посредственное вино. Мэлоун предпочел бы, разумеется, виски, но Донн, будучи англичанином, подобных напитков не держал. За вином они спорили, только вовсе не о политике, философии или литературе. Эти темы их совершенно не интересовали, впрочем, как и богословие – ни практическое, ни теоретическое. Они с упоением препирались из-за теологических нюансов, которые все остальные сочли бы пустыми, словно мыльные пузыри. Мэлоун угостился двумя бокалами вина, в то время как его собраты выпили по одному, и понемногу разошелся в свойственной ему манере, то есть начал дерзить, говорить грубости менторским тоном и шумно хохотать над своими же шутками.

Мэлоун поочередно насмехался над каждым из собеседников. У него имелся запас шуточек, которые он регулярно пускал в дело во время попок вроде этой и редко уклонялся от привычного набора острот, поскольку не видел в том необходимости: не считал их однообразными и ничуть не заботился о мнении окружающих. Донну вечно доставалось за худобу, курносый нос и потертый сюртук шоколадного цвета, в который сей джентльмен облачался в дождливую погоду или при малейших признаках надвигающегося ненастья, а также за набор фраз из лексикона кокни и «прононс», коими он весьма гордился и считал, что они придают его речи некое изящество и выразительность.

Над Свитингом он подтрунивал из-за телосложения (тот был маленького роста и хрупок; по сравнению с Мэлоуном – совершенно мальчишка) и потешался над его музыкальными достижениями, поскольку тот играл на флейте и распевал гимны точно серафим, как считали юные леди в приходе. Глумился над тем, что он любимец женщин; дразнил матушкой и сестрами, к которым бедный Свитинг питал трепетные чувства и о каких имел глупость частенько упоминать в присутствии преподобного Пэдди, начисто лишённого родственных чувств.

Жертвы относились к наскокам Мэлоуна по-разному: Донн – с напыщенным самодовольством и хладнокровием, что помогало ему сохранять пошатнувшееся достоинство; Свитинг – с легкомысленным равнодушием, свойственным людям покладистого нрава, которые не претендуют ни на какое «достоинство».

Когда насмешки Мэлоуна стали чересчур оскорбительными, что произошло весьма скоро, они объединили усилия и набросились на противника с его же оружием. Для начала спросили, сколько мальчишек в тот день прокричали ему вслед «ирландский Петр» (Мэлоун был тезкой апостола, полное имя – преподобный Питер Огаст Мэлоун), когда он шагал по дороге. Осведомились, действительно ли в Ирландии среди духовенства принято носить в карманах заряженные пистолеты и дубинки в руках, отправляясь с визитами. И еще они поинтересовались об особом значении некоторых слов вроде «флер-р-р», «твер-р-рдый», «штур-р-рвал», «бур-р-ря» (так Мэлоун всегда произносил слова «флер», «твердый», «штурвал», «буря»), а также нанесли и прочие подобные контрудары, изошрясь кто во что горазд.

Такого ирландец, разумеется, не вынес. Поскольку Мэлоун не отличался ни добродушием, ни выдержкой, он впал в неистовство: выкрикивал ругательства, размахивал руками – Донн со Свитингом лишь смеялись. Он костерил их во всю силу могучей кельтской глотки, именуя саксами и снобами; они же дразнили его уроженцем завоеванных земель. Мэлоун угро-

жал им мятежом от имени своей «стр-р-раны», изрыгая лютую ненависть к господству англичан, они же попрекали его родину нищетой и эпидемиями. Гвалт в маленькой гостиной поднялся немыслимый: после столь ожесточенных нападков можно было ожидать, по меньшей мере дуэли, – однако мистер и миссис Гейл почему-то не встревожились и посылать за констеблем не стали. К подобным представлениям они давно привыкли и знали, что кураты никогда не обедают или не пьют чай без легкой разминки. Хозяева относились спокойно к последствиям этих невинных, хотя и шумных, ссор, понимая, что, в каких бы отношениях кураты ни расстались вечером, утром они вновь встретятся лучшими друзьями.

Достопочтенная супружеская чета сидела у кухонного очага, слушая звучный стук кулака Мэлоуна по столешнице красного дерева и последующий звон графинов и стаканов, насмешливый хохот объединивших усилия англичан и запинаящийся от негодования голос ирландца, оставшегося в меньшинстве. Вдруг на крыльце загрели шаги и настойчиво застучал дверной молоток. Мистер Гейл пошел открывать.

– Кто там у вас наверху? – раздался голос в высшей степени выдающийся – гундосый и отрывистый.

– Ох! Это вы, мистер Хелстоун? Как теперь быстро темнеет! Я едва могу вас разглядеть. Пройдете, сэр?

– Сначала хочу узнать, надо ли мне входить. Кто там у вас наверху?

– Кураты, сэр.

– Что? Все трое?

– Да, сэр.

– Обедают?

– Да, сэр.

– Ясно.

Порог перешагнул мужчина в летах, весь в черном. Он прошел через кухню к внутренней двери, открыл ее, сунул голову в щель и прислушался. Шум наверху тем временем достиг апогея.

– Ого! – воскликнул он и повернулся к мистеру Гейлу. – И часто у вас так весело?

Будучи церковным старостой, мистер Гейл относился к куратам весьма снисходительно.

– Видите ли, сэр, они еще так молоды, – смиренно заметил он.

– Молоды? Палка по ним плачет! Негодные мальчишки! Даже будь вы протестантом, Джон Гейл, а не добрым сыном англиканской церкви, потакать подобному поведению все равно было бы недопустимо! Я не позволю...

Не закончив фразы, мужчина проследовал внутрь дома, закрыл за собой дверь и бросился вверх по лестнице. На пороге гостиной помедлил и прислушался, потом вошел без стука и предстал перед куратами.

Они остолбенели и притихли, нежданный гость тоже молчал. Невысокий, зато с прямой осанкой и широкоплечий, благодаря зоркому цепкому взгляду и крючковатому носу он напоминал коршуна. Шляпу с широкими загнутыми полями гость ни снять, ни хотя бы приподнять не потрудился и теперь стоял, скрестив руки на груди, и не спеша оглядывал своих так называемых юных друзей.

– Ну надо же! – начал он, уже не гнуся, голосом глубоким и даже нарочито глухим, отчетливо выговаривая каждое слово. – Неужели чудо первой Пятидесятницы повторилось? Все снова заговорили на разных языках и перестали друг друга понимать? Где же они? Только что во всем доме стоял гам. Я слышал сразу семнадцать наречий: парфян и мидян, и эламитов, жителей Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Азии, Фригии и Памфилии, Египта и тех частей Ливии, что возле Кириanei, выходцев из Рима, иудеев и прозелитов, критян и аравийцев, – наверное, пару минут назад эта комната вмещала представителей всех перечисленных мною народов!

– Прошу прощения, мистер Хелстоун, – произнес Донн, – умоляю вас, присядьте! Не угодно ли бокальчик вина?

Его любезность осталась без внимания. Коршун в черном облачении продолжил:

– К чему я толкую о даре речи? Вот уж дар так дар! Я ошибся главой, книгой и заветом – принял Моисеев закон за благую весть, книгу Бытия за Деяния апостолов, долину Сеннаар за град Иерусалим. Оглушивший меня гам – вовсе не дар, а вавилонское столпотворение! Вы – апостолы? Это вы-то? Разумеется, нет! Вы трое зарвавшихся вавилонских каменщиков!

– Уверяю вас, сэр, мы просто болтали за бокалом вина после дружеского обеда. И тут принялись распекаать протестантов...

– Ах так! Значит, протестантов распекали? Вот чем занимался Мэлоун? А по мне, так он разносил в пух и прах собратьев-апостолов. Вы пререкались друг с другом, поднимая втроем гвалта не меньше, чем Моисей Барраклау, портной-проповедник, и его паства в секте методистов, когда впадут в религиозный экстаз. Знаю я, кто во всем виноват. Это ты, Мэлоун!

– Почему сразу я, сэр?

– Кто же еще! До твоего появления Донн и Свитинг вели себя тихо, и без тебя буянить перестали бы. Свои ирландские привычки тебе следовало оставить по ту сторону пролива. Дублинские студенческие нравы священнику не к лицу. Может, среди диких болот и гор Коннахта подобные художества и сходят с рук, однако в благоприличном английском приходе они бросают тень на того, кто их совершает, или, что гораздо хуже, на святую церковь, чьими смиренными служителями вы являетесь.

Пожилой священник читал юношам мораль не без высокопарности, держался чопорно, глядя на них коршуном; вопреки шляпе, черному сюртуку и гетрам, он больше смахивал на боевого офицера, распекающего подчиненных, чем на почтенного священника, наставляющего духовных сынов на путь истинный. От сурового загорелого лица не веяло ни евангельской кротостью, ни апостольским добросердечием; напротив, на нем прочертили глубокие борозды проницательность и твердость духа.

– Я видел Саплхью, – продолжил он, – бредущего по грязи этим дождливым вечером читать проповедь в Милдин. Как я уже говорил, во время службы в сектантской молельне Барраклау ревет, словно рехнувшийся бык, а вы, джентльмены, расселись тут за полпинтой мутного портвейна и бранитесь будто сварливые старухи. Неудивительно, что недели две назад Саплхью сумел обратить шестнадцать душ за день. Понятно теперь, как Барраклау, хотя он мерзавец и притворщик, удастся собирать полную молельню разрядившихся в ленты и цветы девушек-ткачих, чтобы они могли убедиться, насколько костяшки его рук крепче краев деревянной купели. Понятно, что вы, будучи предоставлены сами себе, когда я, Холл и Боултби не прикрываем вас, частенько проводите службы в пустых стенах и читаете свою сухую проповедь лишь псаломщику, органисту да церковному сторожу. Но довольно об этом! Я пришел повидаться с Мэлоуном. У меня слово до тебя, военачальник⁵.

– В чем дело? – недовольно осведомился Мэлоун. – Для похорон вроде уже поздновато.

– Ты во всеоружии?

– Ну да, руки есть, ноги есть. – И он поднял свои могучие конечности.

– Ишь какой прыткий! Я спрашиваю про настоящее оружие.

– Есть пистолеты, которые вы мне дали. Я не расстаюсь с ними. Ночью кладу заряженными на стул возле кровати. Еще есть трость-дубинка.

– Прекрасно. Сходи-ка ты на фабрику в лошине.

– А что там затевается?

⁵ Ветхий Завет. 4 Книга Царств, 9:5.

– Пока ничего. Может, и обойдется, но Мур остался совсем один. Рабочих послал в Стилбро, в доме только он и две женщины. Самое время для его «почитателей» нанести визит, если они проведуют, как легко это сделать.

– Ну, сэр, уж я-то к его «почитателям» не отношусь. Мне до него дела нет.

– Ха! Духу не хватает, Мэлоун?

– Вовсе нет. Если бы намечалась буза, я непременно пошел бы. Мур странный и нелюбимый, я никогда не понимал его, так что и шага не сделаю ради сомнительного удовольствия побыть в его компании.

– Буза вполне вероятна; может, даже бунт случится. Хотя шансов и маловато, спокойной ночь точно не будет. Мур заказал новые машины и вечером ждет доставки из Стилбро двух подвод ткацких и стригальных станков. Старший мастер Скотт с несколькими лучшими работниками отправились их забирать.

– Сэр, они наверняка доставят все в целости и сохранности.

– Мур говорит то же самое и никого не желает в помощь. И все же свидетель ему не помешает – так, на всякий случай. Что за беспечность! Сидит себе в конторе с открытыми ставнями, после наступления темноты разгуливает по лощине, по дороге в Филдхед и вдоль окрестных полей, будто он всеобщий любимец или же заговоренный... Злоключения Пирсона и Армitedжа – в обоих стреляли: в одного в собственном доме, в другого – на пустоши – ничему его не научили.

– Муру следует поостеречься и принять меры, сэр! – подхватил Свитинг. – Думаю, доведись ему услышать то, что слышал на днях я, он непременно бы так и поступил.

– И что ты слышал, Дэви?

– Вы ведь знаете Майка Хартли, сэр?

– Ткача-антиномийца?⁶ Да.

– Когда Майк пьет несколько недель подряд, он, как правило, заканчивает тем, что приходит в дом священника в Наннели, чтобы высказать мистеру Холлу свои соображения по поводу его проповедей, изобличить тенденциозность учения о добрых делах и предупредить о том, что и он, и все прихожане блуждают в кромешной тьме.

– При чем здесь Мур?

– Сэр, помимо того, что Майк антиномиец, он вдобавок и страстный якобинец и левеллер⁷.

– Знаю. Напившись, всегда бредит убийством монарха. Майк немного знаком с историей, поэтому частенько вспоминает тиранов, которых умертвили «мстители за кровь»⁸. Этот малый буквально помешан на убийствах венценосных особ и любых других лиц по причинам политическим. Мне доводилось слышать, будто к Муру он питает прямо-таки нездоровую тягу. Ты имеешь в виду это, Свитинг?

– Вы выразились как нельзя точнее, сэр. Мистер Холл считает, что Майк не испытывает к Муру личной вражды. Майку даже нравится с ним потолковать, и он к нему привязан, однако вбил себе в голову, что пример Мура должен послужить для острастки прочих. Недавно он расхваливал Мура перед мистером Холлом, назвав его самым башковитым мануфактурщиком в Йоркшире, и объявил, что по этой причине Мур должен стать искупительной жертвой... Как думаете, сэр, Майк в своем уме? – спросил Свитинг.

– Сложно сказать, Дэви. Он может быть безумен, себе на уме или же и то и другое сразу.

– Сэр, у него якобы бывают видения.

⁶ Антиномизм – пренебрежение законами Ветхого Завета.

⁷ Левеллеры – радикальная мелкобуржуазная демократическая группировка в период английской буржуазной революции XVII в.

⁸ Ветхий Завет. Числа, 35:19.

– По части видений он почище Иезекииля или Даниила. Явился ко мне в прошлую пятницу, когда я уже ложился, и сообщил, будто в тот день ему было видение.

– Рассказывайте, сэр! Что ему привиделось?

– Дэви, твой орган любопытства чрезвычайно развит. У Мэлоуна он отсутствует вовсе. Его не интересуют ни убийства, ни видения. Взгляни-ка на этого здоровущего, равнодушного ко всему Сафа!

– Какого-такого Сафа, сэр?

– Так я и думал, что ты не знаешь. Это из Ветхого Завета, почитай на досуге. Мне известно лишь его имя и племя, но с молодых ногтей я привык считать его добродетельным здоровяком, нескладным и невезучим. Саф погиб в Гобе от руки Сивхая...

– Сэр, так что там за видение?

– Подожди, Дэви, сейчас услышишь. Донн кусает ногти, Мэлоун зевает, так что я расскажу тебе одному. К сожалению, Майк остался без работы, как и многие другие. Недавно его нанял мистер Грейм, дворецкий сэра Филиппа Наннелийского, для выполнения кое-каких работ. Если верить Майку, после обеда он ставил изгородь и вдруг услышал вдали оркестр – горны, флейты и трубу. Звуки доносились из леса, и он принялся гадать, откуда там взяться музыке. Майк всмотрелся. Среди деревьев двигалось нечто красное, как маки, и белое, как цветы боярышника. В лесу таких пятен виднелось много, потом они хлынули в парк. Майк решил, что это солдаты – тысячи и даже десятки тысяч, однако шуму от них было не больше, чем от мошкеры теплым летним вечером. Майк утверждал, что они построились и промаршировали по парку полк за полком. Он последовал за ними на выгон, вдалеке все так же играла музыка. На выгоне они устроили маневры. В центре стоял человек в алом и отдавал приказы. Майк прикинул, что они растянулись акров на пятьдесят. Он наблюдал за ними полчаса, потом они молча промаршировали прочь. За все это время он не слышал ни голоса, ни поступи – лишь музыканты играли торжественный марш.

– Куда они пошли, сэр?

– В направлении Брайрфилда. Майк последовал за ними. Когда они проходили мимо Филдхеда, откуда ни возьмись появился столб дыма, какой мог бы изрыгнуть целый дивизион артиллерии, бесшумно растекся над полями, над дорогой, над выгоном и подкатился к самым его ногам синей дымкой. Облако рассеялось, и Майк огляделся в поисках солдат, однако они исчезли... Он поступил как мудрый Даниил: не только описал видение, но и дал свое толкование. Заявил, что оно предрекает кровавую бойню и гражданскую войну.

– Вы ему верите, сэр?

– А ты, Дэви? Мэлоун, почему ты еще здесь?

– Сэр, странно, что вы сами не остались с Муром. Вам ведь нравятся подобные приключения...

– Мне следовало бы остаться, но, увы, я договорился поужинать с Боултби, когда он вернется с собрания Библейского общества в Наннели. Я обещал прислать в качестве своего заместителя тебя, чему Мур, кстати, вовсе не обрадовался, поскольку предпочел бы меня. Питер, будь угроза реальна, я непременно отправился бы с тобой. В случае нужды ударь в фабричный колокол. Ты давай иди, если только... – пастор повернулся к Свитингу и Донну, – если только Дэви Свитинг или Джозеф Донн не захотят тебя подменить. Что скажете, джентльмены? Поручение весьма почетное, не без привкуса опасности, ведь в стране нынче неспокойно, а Мур и его мануфактура раздражают многих. Не сомневаюсь, что под вашими жилетами бьются отважные рыцарские сердца. Пожалуй, я чересчур благоволю своему любимцу Питеру. В качестве паладина мне следовало выбрать малютку Давида или непогрешимого Иосифа! Мэлоун – большой неуклюжий Саул и годится лишь для того, чтобы передать свое оружие вам. Доставай же пистолеты, давай сюда свою дубинку!

Многозначительно усмехнувшись, Мэлоун вынул пистолеты и протянул собратьям. Энтузиазма они не проявили. С изящной скромностью оба джентльмена попятились от предложенного оружия.

– Я к ним даже не прикоснусь! – заявил Донн. – Сроду оружия в руках не держал.

– С мистером Муром я едва знаком, – пробормотал Свитинг.

– Если ты в руки не брал пистолетов, попробуй же, каковы они на ощупь, великий сатрап Египта! Что же до тебя, малыш менестрель, ты наверняка предпочитаешь сражаться с филистимлянами при помощи своей флейты. Передай им шляпы, Питер. Пусть идут оба!

– Нет-нет-нет, сэр! Моей матушке это не понравится, мистер Хелстоун!

– А у меня есть правило: никогда не встревать в подобные дела, – сообщил Донн.

Хелстоун сардонически ухмыльнулся, а Мэлоун, заржав как лошадь, убрал пистолеты, взял шляпу и дубинку, потом заметил, что настроен хорошенько побузить и надеется, что шайка грязных ткачей не преминет нагрянуть нынче к Муру. С этими словами он удалился, перепрыгивая через две ступеньки, и хлопнул входной дверью так, что весь дом содрогнулся.

Глава 2. Фургоны

Тьма была непроглядная, звезды и луну затянули тяжелые серые тучи. Точнее, серыми они выглядели бы при свете дня, вечером же казались густо-черными. Мэлоун не питал склонности к наблюдениям над природой, по большей части он вообще не замечал происходящих в ней перемен. Мэлоун мог прошагать много миль прелестным апрельским днем и даже не увидеть извечных забав земли и небес – как солнечный луч целует зеленые холмы, и они светлеют, улыбаясь, или как над ними проливает слезы дождь, укрывая вершины растрепанными локонами облаков. Он не замечал разницы между сегодняшним небом – расплывчатым протекающим сводом, черным везде, кроме полосы на востоке, где плавильные печи металлургических заводов Стилбро отбрасывают на горизонт дрожащие огненные всполохи, – и тем же небом в безоблачную морозную ночь. Он не задавался вопросом, куда исчезли созвездия и планеты, и не сожалел об иссиня-черной безмятежности воздушного океана, который прежде пронзали эти белые островки, теперь поглощенные другим океаном, гораздо более буйным и густым. Он упорно неся своим путем, чуть склонившись вперед и сдвинув шляпу на затылок в типично ирландской манере.

«Топ-топ», – прогремел Мэлоун по мощеному участку, где дорога могла похвастать подобными усовершенствованиями. «Плюх-плюх», – пронесся он по заполненной водой колее, где щебень сменила мягкая грязь. Он обращал внимание лишь на надежные ориентиры: шпиль церкви в Брайрфилде, огни «Редхауса». Это был трактир, и, проходя мимо, Мэлоун так засмотрелся на свет, лившийся из окон с короткими занавесками, стаканы на круглом столе и гуляк на длинной дубовой скамье, что едва не свернул с пути. Он с тоской подумал о виски с содовой. В другом месте курат непременно осуществил бы заветную мечту, однако за столом собрались прихожане мистера Хелстоуна, прекрасно его знавшие. Мэлоун вздохнул и отправился дальше.

С большой дороги пришлось свернуть, поскольку расстояние до фабрики можно было изрядно сократить, пройдя полями, сейчас пустыми и унылыми. Мэлоун зашагал напрямик, перепрыгивая через живые изгороди и каменные ограды. Он миновал всего одно строение – похожее на помещичий дом, хотя и неправильной формы. Высокий фронтон, длинный фасад, затем фронтон пониже и густой ряд дымовых труб. Позади дома росли несколько деревьев. В темном здании не горело ни одно окошко. Царила полная тишина, которую нарушал только звук льющейся с крыш воды и завывание ветра среди дымоходов и ветвей.

Мэлоун миновал особняк, ровные прежде поля резко пошли под уклон. Внизу лежала лощина, из которой доносился шум воды. Во тьме мерцал огонек. На свет этого маяка он и устремился.

В густой темноте проступили очертания маленького белого домика. Мэлоун приблизился и постучал. Открыла молоденькая служанка. Свеча в ее руках осветила узкий коридорчик и лестницу. Двойные двери, обитые алым сукном, и ковер того же цвета удачно контрастировали со светлыми стенами и белым полом, придавая убранству ощущение чистоты и свежести.

– Полагаю, мистер Мур дома?

– Да сэр, но он вышел.

– Куда?

– В контору.

И тут открылась одна из алых дверей.

– Сара, фургоны приехали? – раздался женский голос, и выглянула его обладательница.

Не богиня, о чем недвусмысленно свидетельствовали папилютки в волосах, но и не горгона, хотя Мэлоун склонялся ко второму варианту. Несмотря на свой внушительный рост, он съезжился, сконфуженно попятился обратно под дождь, бормоча: «Схожу-ка я к нему», – и поспешно ринулся по дорожке через темный двор к огромной черной фабрике.

Рабочий день закончился, люди разошлись по домам. Станки бездействовали, все было заперто. Мэлоун обогнул здание. Сбоку в чернильной темноте светился еще один огонек. Курат оглушительно забарабанил в другую дверь, воспользовавшись толстым концом дубинки. В замке повернулся ключ, и дверь открылась.

– Джо Скотт, это ты? Что там с фургонами?

– Нет, это я. Меня послал мистер Хелстоун.

– А, мистер Мэлоун... – В голосе прозвучало едва уловимое разочарование. Немного помолчав, Мур подчеркнуто вежливо продолжил: – Прошу вас, входите. Я чрезвычайно сожалею, что мистер Хелстоун решил вас озадачить в столь поздний час. Я ведь говорил ему: в такой ненастный вечер в том нет ни малейшей необходимости... Прошу, входите.

Мэлоун последовал за ним через темное помещение, в котором ничего было не разглядеть, в освещенную комнату, показавшуюся ему особенно яркой и светлой после часа скитаний во тьме и тумане. Несмотря на пылающий камин и изящную лампу на столе, обстановка была самая простая: дощатый пол, три-четыре выкрашенных зеленой краской стула с жесткими спинками, вероятно, позаимствованных с кухни фермерского дома, крепкий добротный стол, на серых стенах – планы зданий и озеленения территории, чертежи станков.

Впрочем, Мэлоуна обстановка вполне устроила. Он снял промокшие сюртук и шляпу, повесил сушиться, пододвинул колченогий стул к камину и сел, едва не касаясь коленями раскаленной решетки.

– Удобно же вы устроились, мистер Мур. Тут весьма уютно.

– Моя сестра будет рада принять вас в доме, если пожелаете.

– Ох, нет! Лучше оставим дам в покое. Я никогда не искал их общества. Мистер Мур, вы же не путаете меня с моим другом Свитингом?

– А кто из них Свитинг? Джентльмен в коричневом пальто или мелкорослый джентльмен?

– Тот, что помельче, из Наннели: кавалер мисс Сайкс, влюбленный во всех шестерых сестер! Ха-ха!

– Думаю, в данном случае лучше влюбиться в шестерых сразу, чем в одну.

– Одна мисс Сайкс нравится ему особенно. Когда мы с Донном принудили его наконец определиться с избранницей, что за птичку в этой прелестной стае он назвал – как вы думаете?

– Разумеется, Дору или Гарриет, – со странной улыбкой ответил Мур.

– Ха-ха! Угадали. Но почему именно эти две?

– Они самые статные и красивые, а Дора обладает пышными формами. Поскольку ваш друг Свитинг мелкий и тощий, я заключил, что он выберет свою противоположность, следуя общеизвестной истине.

– Вы правы, это Дора. Только шансов у него никаких, не так ли, Мур?

– Что есть у Свитинга, кроме сана?

Вопрос невероятно развеселил Мэлоуна. Он хохотал минуты три, прежде чем ответить.

– Что есть у Свитинга? Ну, у Дэвида есть арфа... точнее, флейта, что почти одно и то же. Еще часы дутого золота, кольцо и монокль – вот и все его богатство.

– Как же он собирается наскрести хотя бы на наряды для мисс Сайкс?

– Ха-ха! Отлично сказано! Обязательно спрошу у него при встрече. Я вдоволь над ним покуражусь! Свитинг наверняка рассчитывает, что старик Сайкс расщедрится. Ведь он же богат? Они живут в большом доме.

– Кристофер Сайкс – крупный делец.

– Значит, богат.

– Ему есть куда вложить средства. В наши тревожные времена Сайксу тратить капитал на приданое дочерям все равно что мне снести свой домик и построить на его руинах особняк размером с Филдхед.

– Знаете, что я недавно слышал, Мур?

– Нет. Вероятно, что я собираюсь предпринять нечто подобное. Ваши брайрфилдские сплетники способны и не на такие домыслы.

– Что вы собираетесь взять в аренду Филдхед (проходя сегодня мимо, я подумал: что за мрачное местечко!) и привести туда мисс Сайкс в качестве хозяйки. Короче говоря, жениться на ней! Ха-ха! И на ком же – разумеется, на Доре! Вы ведь сами сказали, что она красивее своих сестер.

– Хотел бы я знать, сколько раз молва едва меня не женила с тех пор, как я перебрался в Брайрфилд. Мне по очереди прочили буквально каждую девицу на выданье в округе. Сначала двух мисс Уинн – сначала брюнетку, потом блондинку, затем рыжеволосую мисс Армитедж и перезрелую Анну Пирсон. И вот вы взваливаете мне на плечи все племя девиц Сайкс! Бог знает, на чем основываются эти сплетни. В гости я не хожу, женского общества избегаю не менее усердно, чем вы, Мэлоун. Если я и бываю в Уиннбери, то лишь затем, чтобы наведаться в контору к Сайксу или к Пирсону, и разговариваем мы вовсе не о брачных союзах; мысли наши заняты отнюдь не матримониальными планами и приданым. Сердца наши полны забот о тканях, каких нам никак не продать, о рабочих, кого мы не можем нанять, о фабриках, которые простаивают, и прочих превратностях жизни. Посему в них не остается места глупостям вроде ухаживаний.

– Я с вами совершенно согласен, Мур. Мне ненавистна сама идея брака – я имею в виду обычный, заурядный брак из сентиментальных побуждений – двое нищих дуралеев решают создать союз, скрепив его узами бредовых чувств. Что за чушь! Однако выгодная партия, которая основывается на взаимном уважении и стабильном доходе, вовсе не так уж плоха, верно?

– Да, – рассеянно кивнул Мур, словно предмет беседы его нисколько не интересовал. Он сидел у камина, глядя на огонь с озабоченным видом, и вдруг насторожился: – Что это? Вы слышите стук колес?

Поднявшись, Мур распахнул окно, прислушался и снова прикрыл створки.

– Ветер усиливается, – заметил он, – да и воды в ручье прибавилось, вот он и шумит, струясь по лощине. Я ждал фургоны к шести часам, а сейчас почти девять.

– Неужели вы всерьез считаете, что установка новых машин поставит вас под удар? – спросил Мэлоун. – Похоже, Хелстоун в этом уверен.

– Лишь бы только станки прибыли благополучно и оказались в стенах фабрики! Тогда разрушители машин будут мне не страшны. Пусть попробуют сунуться! Моя фабрика – моя крепость!

– Незачем бояться этих жалких проходимцев, – глубокомысленно заметил Мэлоун. – Вот если бы они заявили сегодня, я бы им показал! Увы, по дороге я вообще никого не встретил. Просто тишь да гладь.

– Вы шли мимо «Редхауса»?

– Да.

– Оттуда нам ничто не грозит. Опасность может прийти со стороны Стилбро.

– Думаете, угроза есть?

– Если эти парни нападали на других, то и ко мне могут заявиться. Разница вот в чем: во время нападений большинство мануфактурщиков буквально цепенеют от страха. Взять, к примеру, Сайкса: когда подожгли и спалили дотла его цех, а ткани посрывали с сушилок, разорвали в клочья и расшвыряли по округе, злоумышленников он даже искать не стал. Опустил лапки, будто кролик в пасти у хорька! Уж я-то им спуска не дам – буду защищать свое дело, фабрику и станки!

– Хелстоун говорит, что они – ваши божества, королевские указы⁹ вы считаете семью смертными грехами, политик Каслри для вас – антихрист, а партия войны – его легионы.

– Да, я их ненавижу, потому что они несут мне разорение. Они стоят у меня на пути. Из-за них я не могу претворить свои планы в жизнь. Они мешают мне на каждом шагу!

– Мур, вы же вроде богаты и успешны?

– Я весьма богат сукном, которое мне не продать. Загляните на склад, и увидите, что он под крышу забит рулонами. Роукс и Пирсон находятся в тех же обстоятельствах. Раньше они отправляли ткань в Америку, но королевские указы лишили их рынка сбыта.

Мэлоун не был готов поддерживать подобный разговор, поэтому он начал постукивать каблуком о каблук и зевать.

– А тем временем, – продолжил Мур, увлекшись течением собственных мыслей и не замечая признаков скуки, которые стал проявлять его гость, – в Уиннбери и Брайрфилде обо мне распускают нелепые сплетни и за глаза сватают одну девицу за другой! Будто в жизни человеку и заняться нечем, кроме как поухаживать за какой-нибудь юной леди, потом отправиться с ней в церковь и в свадебное путешествие, по возвращении нанести визиты всей родне и, наконец, «зажить семейной жизнью». *Oh, que le diable emporte!*¹⁰ – Он оборвал свою страстную речь и уже спокойно добавил: – Похоже, ни о чем, кроме брака, женщины не говорят, да и думают только об этом; неудивительно, что того же они ждут от мужчин.

– Конечно-конечно, – закивал Мэлоун, – только нужно ли из-за этого переживать?

И он засвистел, нетерпеливо оглядываясь, словно чего-то ждал. На сей раз Мур намек понял.

– Мистер Мэлоун, после прогулки под дождем вам наверняка требуется подкрепиться. Я совершенно забыл про гостеприимство!

– Ничего страшного, – заверил священник, однако вид у него стал такой, будто хозяин угодил в самую точку.

Мур поднялся, открыл шкаф и произнес:

– Я люблю, когда под рукой есть все необходимое и мне не приходится полагаться на милость женщин и обращаться в коттедж за каждым куском или глотком. Я часто провожу здесь вечера, ужинаю и ночую на фабрике с Джо Скоттом. Иногда даже заменяю сторожа. Сна мне требуется немного, вдобавок люблю побродить ясной ночью часок-другой по округе с мушкетом. Мистер Мэлоун, вы сумеете пожарить баранью котлету?

– Давайте попробуем. В колледже я жарил их сотнями.

– Тогда вот вам котлеты, вот рашпер. Переворачивайте их пошустрее. Вы же знаете секрет приготовления сочных котлет?

– Доверьтесь мне, и увидите! Давайте нож и вилку, Мур.

Курат засучил рукава и энергично принялся за струю. Фабрикант поставил на стол тарелки, хлеб, бутылку темного стекла и два стакана. Затем извлек из своих тайных запасов медный чайничек, наполнил его водой из большого глиняного кувшина в углу, повесил над огнем возле шипящего рашпера, достал лимоны, сахар и небольшую фарфоровую чашу для пунша. Мур принялся смешивать пунш, и вдруг его отвлек стук в дверь.

– Это ты, Сара?

– Да, сэр. Вы придете ужинать?

– Нет, сегодня останусь ночевать на фабрике. Запри двери и передай хозяйке, чтобы ложилась спать. – Мур вернулся к пуншу.

⁹ В ответ на экономическую блокаду со стороны французов в Великобритании были приняты королевские указы, воспрепятствовавшие судам любых наций торговлю с портами, недоступными для британских кораблей. В результате торговля с Америкой прекратилась.

¹⁰ Ах, черт побери! (*фр.*)

– У вас в хозяйстве полный порядок, – одобрительно заметил раскрасневшийся Мэлоун, переворачивая котлеты над огнем. – Вы-то не подкаблучник в отличие от бедняги Свитинга, который... Ух! Как сильно брызжет жир! Руку обжег... Удел которого – находиться под властью женщин. Уж мы-то с вами, Мур – эта поджаристая и сочная котлетка для вас, – мы-то точно будем хозяевами в своем доме!

– Не знаю, никогда об этом не задумывался. Если хозяйка будет красивая и кроткая, то почему бы и нет?

– Котлеты готовы. Как там пунш?

– Уже налил. Попробуйте. Когда вернется Джон Скотт со своими подручными, налью им тоже, если только станки придут в целости.

За ужином Мэлоун совсем разошелся: громко хохотал над пустяками, плоско шутил и сам себе аплодировал. Мур неизменно сохранял спокойствие. Настало время, читатель, познаться с ним поближе. Пока Мур сидит за столом, я нарисую его портрет.

Поначалу Мур производит довольно странное впечатление. Худощавый, смуглый, лицо землистого цвета, темные волосы свободно падают на лоб – все в нем выдает иностранца. Похоже, на туалет он тратит совсем мало времени, иначе одевался бы с бóльшим вкусом. Видимо, он не догадывается, что красив: черты у него изящные, с присущей южанину симметричностью, четкостью и правильностью линий. Наблюдатель этого не заметит, пока не взглянет пристальнее, поскольку выражение тревоги на осунувшемся лице скрадывает его красоту. Глаза у Мура большие и серьезные, взгляд сосредоточенный и задумчивый, скорее пытливый, чем приветливый. Когда он складывает губы в улыбку, лицо его преобразается – не то чтобы оно становится открытым или веселым, однако на нем проступает сдержанное обаяние, свидетельствующее о чуткой, возможно даже – доброй, душе и о чувствах, которые он проявляет к своим близким: терпении, снисходительности и преданности. Мур еще молодой, лет тридцати, высокий и стройный. Говорит с несуразным акцентом, и хотя пытается сгладить его нарочитой небрежностью произношения, это режет слух британца, особенно йоркширца.

И в самом деле Мур британец лишь наполовину. Он родился и вырос на чужой земле. Смешанная кровь отражается и на его симпатиях (взять, к примеру, патриотизм) Мур не способен примкнуть ни к партии, ни к религиозному течению, ни даже приспособиться к климату или к обычаям страны, поэтому стремится отмежеваться от любой компании, в которой оказывается, и неизменно руководствуется собственными интересами Роберта Жерара Мура, не считаясь с филантропическими соображениями общественного блага, с коим упомянутый не желает иметь ничего общего.

Наследственное призвание Мура – торговля: антверпенские Жерары занимались коммерцией на протяжении двух столетий. Некогда они были богаты, потом пустились в сомнительные сделки и запутанные махинации, катастрофические последствия которых и подорвали их кредит. С дюжину лет торговый дом балансировал на шатком фундаменте, и в конце концов окончательно рухнул, не пережив потрясений Французской революции. За собой он потянул английскую и йоркширскую фирмы Муров, напрямую зависевших от антверпенского торгового дома. Один из партнеров, проживавший в Антверпене Роберт Мур, женился на Гортензии Жерар в надежде, что невеста унаследует долю акций своего отца, Константина Жерара. Как видим, она унаследовала лишь долговые обязательства фирмы, и эти же обязательства, хотя и надлежащим образом оговоренные с кредиторами, в свою очередь получил по наследству ее сын Роберт, который, по слухам, мечтал когда-нибудь все выплатить и возродить рухнувший торговый дом Жерара и Мура в прежнем величии. Видимо, он принял прошлые неудачи фирмы слишком близко к сердцу, и детство, проведенное под боком унылой матери в предчувствии грядущего краха, а затем юность, смятая безжалостной бурей, отпечатались в его памяти отнюдь не золотыми буквами.

Однако если Мур и намеревался возродить былое величие торгового дома, то вложить в дело значительные средства оказался не в силах. Пришлось довольствоваться малым. Прибыв в Йоркшир, он – чьи предки владели многочисленными складами в порту и фабриками в городе, особняком и поместьем – смог лишь арендовать фабрику по производству сукна в самой глуши, поселиться в домике по соседству и добавить к своим владениям несколько акров прилегающей земли на обрывистом склоне лощины, где журчал фабричный ручей. Там Мур выпасал лошадь и установил сушильни. За это он вносил немалую арендную плату (во время войны все обходится недешево) опекунам наследницы поместья Филдхед.

К моменту начала нашей истории Мур прожил в округе всего пару лет, однако успел показать себя арендатором деятельным. Обшарпанный домик превратился в опрятное, со вкусом обставленное жилище. На прилегающем участке Мур разбил огородик, который возделывал с истинно фламандским усердием и аккуратностью. Что касается фабрики, то здание было обветшалое, станки давно устарели, поэтому Мур с самого начала испытывал величайшее презрение к организации производства и способу ведения дел. Он нацелился на радикальные преобразования, однако этому препятствовало отсутствие достаточных средств, что чрезвычайно угнетало его. Мур всегда рвался вперед – таков был его девиз, – но нищета неизменно обуздывала эти порывы. Образно выражаясь, с удил Мура даже пена летела, когда они натягивались слишком сильно.

От человека в подобном состоянии не следует ожидать размышлений о том, не причинит ли он своими действиями вреда другим. Не будучи уроженцем или хотя бы старожилом здешних мест, Мур не особо заботился, что его нововведения оставят многих местных без работы. Не задавался вопросом, где станут находить хлеб насущный те, кому он перестал платить зарплату, и в своем небрежении мало чем отличался от тысяч других фабрикантов, которым нужды голодающей бедноты Йоркшира были ничуть не ближе.

Описываемый мной период британской истории выдался мрачным, особенно для жителей северных провинций. Война была в разгаре, и в ней участвовала вся Европа. Длительное сопротивление если и не изнурило, то порядком вымотало Англию и половину ее жителей, и они жаждали мира на любых условиях. Гордость нации превратилась в пустой звук и обесценилась в глазах многих, чьи взоры затуманил голод, за кусочек мяса они готовы были продать свое право первородства.

Королевские указы, спровоцированные миланским и берлинским декретами Наполеона, запрещали нейтральным государствам торговать с Францией и тем самым оскорбили Америку, отрезав от рынка сбыта йоркширских производителей сукна, что поставило их на грань разорения. Более мелкие зарубежные рынки быстро переполнились, на пару лет вперед оказались забиты даже рынки Бразилии, Португалии и Сицилии. В это непростое время на мануфактурах севера страны стали внедряться усовершенствования, которые помогли значительно сократить количество рабочих рук, необходимых для управления станками, в результате чего тысячи людей потеряли работу и остались без средств к существованию. Вдобавок год выдался неурожайный, и бедствия достигли апогея. Терпение народа переполнилось, стали вспыхивать мятежи. Гористые северные графства содрогались от гула недовольства, предвещавшего грядущие катастрофы.

Увы, как и всегда в подобных случаях, мало кто обратил внимание на тревожные знаки: голодный бунт в фабричном городе, сожженный дотла цех, нападение на дом фабриканта с выбрасыванием мебели из окон и отчаянным бегством членов семьи. Местные власти реагировали вяло – порой зачинщика находили (хотя часто ему удавалось ускользнуть), газеты писали о происшествии, и на этом все завершалось. Страданиям несчастных, чьим единственным наследием был труд, которого они лишились и не могли получить ни работы, ни денег, ни хлеба, не виделось конца. Технический прогресс и победоносное шествие науки продолжа-

лись, война была в разгаре, и облегчение не наступало. Помощи ждать было неоткуда, поэтому безработным пришлось покориться судьбе и сесть на голодный паек.

Нужда порождает ненависть. Несчастные возненавидели станки, которые якобы забрали у них хлеб, здания, где они стоят, и фабрикантов, владеющих этими зданиями. В приходе Брайрфилд, где мы сейчас находимся, самым ненавистным местом стала фабрика Мура, самым ненавистным человеком – Жерар Мур, одновременно иностранец и ярый сторонник прогресса. Всеобщая ненависть вполне согласовывалась с его характером, особенно учитывая, что он верил в свою правоту, надеялся на выгоду и был настроен весьма воинственно, сидя вечером в конторе в ожидании груженных станками фургонов. Похоже, приход Мэлоуна и его общество изрядно тяготили Мура. Он предпочел бы остаться в одиночестве, поскольку ему нравилось ощущение мрачного, безмолвного предвкушения опасности. Муру вполне хватило бы компании мушкета, и журчание ручья по дну лощины было ему приятнее пустой болтовни.

Минут десять фабрикант косо поглядывал на ирландского курата, налегавшего на пунш, потом выражение серых глаз внезапно изменилось, будто между ним и Мэлоуном возникло видение. Мур поднял руку.

– Тише, вы! – прищипнул он на французский манер, стоило ирландцу звякнуть стаканом. Мур прислушался, встал, надел шляпу и вышел из конторы.

Вечер выдался тихий, темный и унылый, лишь вдалеке шумел ручей, в полной тишине наводивший на мысли о паводке. Однако чуткий слух Мура уловил еще один звук, прерывистый и резкий – стук тяжелых колес по каменистой дороге. Он вернулся в контору, зажег фонарь и направился открывать ворота. Показались большие фургоны, огромные копыта ломовых лошадей расплескивали грязь и воду.

– Эй, Джо Скотт! Все в порядке? – окликнул Мур.

На приветствие никто не ответил. Вероятно, из-за расстояния Джо Скотт не расслышал.

– Я спрашиваю, все в порядке? – снова крикнул Мур, когда массивный нос головной лошади едва не коснулся его носа.

Из передней повозки на дорогу кто-то выпрыгнул и воскликнул:

– Еще как, дьявол проклятуший! Мы их все расколошматили!

Послышался топот. Фургоны стояли недвижно.

– Джо Скотт! Мергатройд! Пигхиллз! Сайкс!

Мур поднял фонарь и заглянул в фургоны. Ни людей, ни станков – внутри пусто. Понятно, что Мур души не чаял в этих станках. Он рискнул остатками капитала, вложившись в новое оборудование. С его помощью Мур рассчитывал существенно поправить свои дела. Так куда же делись машины?

В его ушах звенело слово «расколошматили». Как сказала на нашем герое эта беда? Он не дрогнул. Фонарь осветил улыбку на лице Мура – улыбку твердого духом человека на распутье, которому требуется собрать все силы и мужество, чтобы выдержать удар судьбы. Он молча стоял, не зная, что сказать и сделать. Поставив фонарь на землю, Мур скрестил руки на груди и вперил взгляд в землю.

Одна из лошадей нетерпеливо топнула копытом, и Мур поднял голову. Он заметил, что к упряжи прикреплено что-то белое. При свете фонаря увидел сложенную бумагу – записку. Не было ни адреса, ни адресата, зато внутри имелась надпись: «Дьяволу с фабрики в лощине».

Мы не станем воспроизводить весьма своеобразную манеру письма автора, приведем лишь суть послания. Оно гласило:

«Твои адские машины разбиты вдребезги и валяются на вересковой пустоши под Стилбро, твои люди связаны по рукам и ногам и лежат в придорожной канаве. Это тебе предупреждение от мужчин, которые голодают! Сделав свое дело, они вернутся домой, где их ждут голодные жены и дети. Если

купишь новые машины или будешь продолжать в том же духе, мы снова дадим о себе знать. Берегись!»

– Снова дадите о себе знать? Ну погодите, я тоже дам о себе знать! Причем лично. Прямо сейчас и отправлюсь на пустошь под Стилбро!

Заведя фургоны во двор, Мур поспешил к домику. Открыв дверь, переговорил с двумя женщинами, встретившими его у порога. Успокоив сестру смягченной версией произошедшего, он велел второй: «Сара, вот тебе ключ, беги на фабрику и звони в колокол изо всех сил. После возьми фонарь и помоги мне зажечь везде свет».

Вернувшись к лошадям, Мур быстро и аккуратно распряг их, задал им корму и отвел в конюшню, прислушиваясь к ударам колокола. Тот гудел сбивчиво, зато громко и тревожно. Торопливый взволнованный перезвон звучал более настойчиво, чем размеренные удары опытного звонаря. В поздний час той тихой ночью его было слышно издалека. Посетители трактира всполошились и решили: на фабрике в лощине творится что-то не то, – схватили фонари и поспешили туда. Едва они высыпали на освещенный двор, как раздался цокот копыт и вперед проворно выехал низкорослый человек в шляпе с загнутыми полями, сидевший очень прямо на коренастой лохматой лошадке, вслед за ним – его помощник на лошади покрупнее.

Тем временем Мур оседлал свою лошадь и с помощью Сары зажег фонари на всей фабрике, чей длинный фасад теперь светился вовсю, давая достаточно света, чтобы покончить с неразберихой во дворе. Послышался гул голосов. Мэлоун наконец покинул контору, предвзвешенно обдав голову и лицо водой из глиняного кувшина, и эта мера предосторожности, вместе с внезапным переполохом, отчасти помогла ему стряхнуть истому, навеянную пуншем. Он стоял, сдвинув шляпу на затылок, с дубинкой в правой руке, и кое-как отвечал на вопросы прибывшего из трактира отряда. Подошел Мур, и к нему сразу устремился человек в круглой шляпе, восседавший на лохматой лошадке.

– Ну, Мур, к чему вы нас созвали? Я так и думал, что сегодня мы вам понадобится – я и мой командир, – он похлопал лошадку по шее, – и Том со своим конем. Услышав колокол, я не смог усидеть на месте и оставил Боултби завершать ужин в одиночестве. Где же враг? Не вижу ни масок, ни вымазанных углем лиц, да и окна не побиты. На вас уже напали или вы только ожидаете этого?

– Нет, об этом и речь не идет, – невозмутимо ответил Мур. – Я приказал бить в колокол, потому что хотел оставить пару-тройку соседей здесь, в лощине, пока я с парой добровольцев съезжу на пустошь под Стилбро.

– На пустошь под Стилбро? Зачем? Встретить фургоны?

– Фургоны прибыли час назад.

– Тогда все в порядке. Чего же вам еще нужно?

– Фургоны пустые, а Джо Скотт с парнями валяются связанные на пустоши, станки там же. Прочитайте послание, что эти мерзавцы накорябали!

Хелстоун внимательно изучил текст, содержание которого мы привели выше.

– Они обошлись с вами так же, как с остальными. Впрочем, бедолаги в канаве наверняка с нетерпением ожидают помощи. Ночь сегодня промозглая. Мы с Томом отправимся с вами. Мэлоун останется и присмотрит за фабрикой. Кстати, что это с ним? Глаза того и гляди вылезут из орбит.

– Съел баранью котлету.

– Оно и видно. Питер Огаст, будь начеку! Хватит с тебя котлет на сегодня. Будешь тут за старшего. Заметь, должность почетная!

– Со мной кто-нибудь останется?

– Сейчас решим. Ребята, кто побудет здесь, а кто желает немного прогуляться со мной и Муром до дороги на Стилбро, чтобы выручить бедолаг, на которых напали разрушители станков?

Идти на выручку изъявили желание всего трое, прочие предпочли остаться. Пока Мур взнуздывал лошадь, приходской священник тихо осведомился, надежно ли он спрятал котлеты, чтобы Питер Огаст не смог до них добраться. Фабрикант утвердительно кивнул, и отряд спасателей пустился в путь.

Глава 3. Мистер Йорк

Похоже, настроение зависит целиком и полностью от состояния дел как внутри, так и снаружи нас. Я делаю это банальное замечание, потому что знаю: преподобный Хелстоун и Мур пустились рысью от ворот фабрики во главе своего маленького отряда в самом приподнятом расположении духа. У каждого из трех всадников было по фонарю. Когда свет падал на смуглое лицо Мура, в глазах его вспыхивали задорные искорки, внезапное оживление преображало облик. Когда же освещалось лицо Хелстоуна, суровые черты священника сияли от восторга. По идее ни ненастная ночь, ни довольно рискованная вылазка не должны были радовать тех, кто сейчас ехал под дождем навстречу опасностям. Попадись отряд на глаза шайке, орудовавшей на пустоши под Стилбро, по нему наверняка начали бы стрелять, однако у обоих мужчин были стальные нервы и храбрые сердца, и опасность их лишь пьянила.

Поверь, читатель, я знаю, что воинственность священнослужителю совсем не к лицу, и понимаю, что он должен быть человеком миролюбивым. Я отчасти представляю, какова миссия священника, и помню, чьим слугой он является, чье слово несет нам, чьему примеру должен следовать, однако если ты ярый ненавистник духовенства, то не жди, что я вступлю вслед за тобой на путь скользкий и христианину неподобающий. Не жди, что я подхвачу твои проклятия, примитивные и огульные, разделю отвратительную злобу, лютую и нелепую, что ты питаешь к духовенству. Не надейся, что я воздену руки к небу подобно Сапплхью или взреву во всю мощь легких вместе с Барраклау, срывая личину с этого дьявольского отродья, священника прихода Брайрфилд.

Ничего дьявольского в нем нет. Увы, в свое время преподобный Хелстоун ошибся с призванием – так уж сложились обстоятельства. Ему следовало стать воином, а не священником. Он добросовестно относится к своему делу, суров, храбр, непреклонен и надежен, практически лишен сострадания, предвзят и косен. При этом верен принципам, мыслит здраво, прямодушен и искренен. Порой бывает сложно подогнать человека под профессию, и не стоит клясть его за то, что профессия ему не очень-то подходит. Поэтому я не стану клеймить Хелстоуна за то, что он был воинствующим священником. Проклинали его многие, в том числе собственные прихожане, однако и любили тоже многие, что свойственно людям, которые к друзьям снисходительны, а к врагам нетерпимы, и которые в равной степени держатся как за свои убеждения, так и за предрассудки.

Хелстоун и Мур, пребывая в превосходном расположении духа и объединившись ради общего дела, вроде бы должны в пути беседовать по-дружески. Вот уж нет! Нрав у обоих суровый и желчный, поэтому при редких встречах они неизменно портят друг другу настроение. В настоящее время камень их преткновения – война. Хелстоун придерживается консервативных взглядов, Мур – убежденный либерал, во всяком случае, в том, что касается войны, поскольку тут страдают его личные интересы; остальные аспекты британской политики ему совершенно безразличны. Муру нравится раздражать Хелстоуна, заявляя о непобедимости Бонапарта, насмехаться над Англией и Европой, которые не в силах ему противостоять, и спокойно утверждать, что рано или поздно им придется покориться, ведь Наполеон сокрушит всех своих противников и станет властвовать безраздельно.

Вынести подобное кощунство Хелстоун не может. Единственное, что смиряет его желание отлупить наглеца тростью и заставляет выслушивать такие сентенции, это осознание, что тот изгой и чужак, в жилах которого британская кровь отравлена примесью иностранной. Кроме того, раздражение священника несколько смягчают сочувствие и уважение к тому, кто так упорно идет к своей цели, несмотря на все невзгоды.

Когда отряд свернул на дорогу в Стилбро, подул ветер и захлестал дождь. Прежде Мур лишь слегка подкалывал своего собеседника, но под действием ударивших в лицо порывов ветра и острых капель совсем разошелся и начал уже откровенно издеваться над ним.

– Вас все еще радуют новости с Пиренеев? – осведомился Мур.

– В каком смысле? – хмуро уточнил священник.

– Вы до сих пор веруете в своего Ваала – в лорда Веллингтона¹¹?

– Я вас не вполне понимаю.

– Вы все еще верите, что этот кумир Англии с деревянным лицом и каменным сердцем в силах призвать огонь с небес и сжечь французов дотла?

– Я верю, что Веллингтон загонит маршалов Бонапарта в море, стоит ему шевельнуть пальцем.

– Вряд ли вы серьезно, глубокоуважаемый сэр! Маршалы Бонапарта – великие мужи, действующие под руководством всемогущего гения войны. Ваш Веллингтон – заурядный солдафон, а наше невежественное правительство сковывает его неспешные механические передвижения.

– Веллингтон – душа Англии! Веллингтон – лучший выбор в борьбе за правое дело, он достоин представлять могучий, решительный, разумный и добродетельный народ.

– Правое дело, насколько я понимаю, заключается в том, чтобы восстановить поганого слабака Фердинанда¹² на троне, который он опозорил. Ваш достойный представитель добродетельного народа – тупоголовый погонщик скота на службе у такого же тупоголового фермера, а противостоит им победоносный гений, не знающий поражения!

– На законную власть посягает узурпатор; скромный, прямодушный, добродетельный и отважный народ борется за правое дело, сражаясь с лживым, двуличным, корыстным и коварным захватчиком. Бог да поможет победить правому!

– Чаше он помогает сильному.

– Что? Значит, кучка иудеев, перешедших Красное море, не замочив ног, была сильнее войска египтян, выстроившегося на африканском берегу? Или их было больше? Или они были лучше вооружены? Они были более могущественными? Не отвечайте, Мур, иначе солжете. Они были жалкими перепуганными рабами, тираны угнетали их четыре сотни лет, их хилые ряды составляли в основном несчастные женщины и дети. Холеные военачальники-эфиопы, сильные и яростные, словно ливийские львы, гнали солдат вслед за ними в разверзшиеся морские воды. Египтяне прекрасно вооружились, ехали верхом и на колесницах, а бедные еврейские скитальцы брели пешком. Вряд ли кто-либо из них владел оружием, не считая пастушеских посохов или орудий каменотесов. Смирный и великий предводитель евреев и сам держал в руках лишь посох. Однако дело их было правое – задумайтесь об этом, Роберт Мур! – и бог войны встал на их сторону. Войсками фараона правили окаянство и падший ангел, и кто же одержал победу? Мы это прекрасно знаем! «И избавил Господь в день тот Израильян из рук Египтян, и увидели Израилевы Египтян мертвыми на берегу моря» да, сын мой, и «Пучины покрыли их: они пошли в глубину, как камень»¹³. Десница Господня прославилась силою, десница Господня сокрушила врагов!

– Вы совершенно правы, но на самом деле параллель иная: Франция – иудей, Наполеон – Моисей. Европа с ее зажавшимися империями и прогнившими династиями – развращенный

¹¹ Веллингтон Артур Уэлсли (1769–1852) – английский полководец и государственный деятель. Прославился рядом побед, одержанных над французами в Испании (1808–1813), а в дальнейшем победой над Наполеоном при Ватерлоо (18 июня 1815 г.). – *Примеч. ред.*

¹² Фердинанд VII – испанский король, взошедший на престол в 1814 году с помощью англичан, очистивших Испанию от французов. – *Примеч. ред.*

¹³ Ветхий Завет. Исход, 14:30, 15:5.

Египет, доблестная Франция – двенадцать колен Израилевых, а ее воинственный завоеватель – пастырь с горы Синай!

– Я даже отвечать вам не стану!

Мур ответил себе сам, по крайней мере, приобщил к уже сказанному еще одно наблюдение.

– В Италии Наполеон проявил себя не хуже Моисея, – произнес он. – Там-то он сделал то, что нужно: встал во главе войск и принял меры для возрождения народов! Меня изумляет, как победитель сражения при Лоди дошел до того, чтобы сделаться императором – как он мог унизиться до такого гнусного вздора? Еще больше меня удивляет, как быстро народ, некогда провозгласивший республику, снова вверг себя чуть ли не в рабство. За это я Францию презираю! Если бы Англия смогла настолько продвинуться в развитии, как Франция, вряд ли бы она отступилась от своих прав столь же бесстыдно.

– Неужели вы хотите сказать, что в случае Франции опьяненная победами империя хуже кровавой республики? – воскликнул Хелстоун.

– Говорить ничего такого я не собираюсь, однако думать могу все, что мне заблагорассудится, мистер Хелстоун, и о Франции, и об Англии, а также о революциях, убийствах суверенов и реставрации монархий, как, впрочем, и о правах помазанников Божиих, которые вы так часто отстаиваете в своих проповедях, о непротавлении злу, о разумности войны...

Мура прервала на полуслове громыхающая двуколка, внезапно остановившаяся посреди дороги. Они слишком увлеклись дискуссией, чтобы заметить ее приближение.

– Ну что, хозяин, фургоны уже дома? – раздался голос из двуколки.

– Неужто ты, Джо Скотт?

– Еще бы! – откликнулся второй голос. При свете лампы выяснилось, что в двуколке сидят двое, вдалеке виднелись люди с фонарями. Они немного отстали, точнее, ездоки опередили тех, кто шел пешком. – Да, мистер Мур, это Джо Скотт. Правда, он в весьма плачевном состоянии. Нашел его на пустоши вместе с тремя остальными. Чего мне полагается за возвращение вашей пропажи?

– Скажу вам спасибо, ведь разве я смогу обойтись без такого работника? Судя по голосу, это вы, мистер Йорк?

– Да, я. Возвращался себе с ветерком с рынка в Стилбро (времена нынче беспокойные, будь неладно наше правительство!), и в аккурат на середине пустоши услышал стоны. Подъехал. Может, кто другой бросился бы оттуда во всю прыть, но я-то никого не боюсь! Вряд ли в наших краях кто сунется ко мне – во всяком случае, постоять за себя сумею. Спрашиваю: «Случилось что?» – а мне отвечают: «Еще как случилось» – и голос будто из земли доносится. «Что там у вас? Не тяни, говори скорее», – прошу я. «Да так, лежим себе в канаве. Нас четверо», – тихо-тихо отвечает Джо. Я велел им не позориться и вылезать поскорее, не то задам кнута – думал, пьяные. «Мы бы, – говорит, – уже час как выбрались, да веревка не дает». Спустился к ним и перерезал пути ножом. Потом Скотт поехал со мной, чтобы рассказать все по дороге, остальные побрели следом.

– Что ж, я вам чрезвычайно обязан, мистер Йорк.

– Неужели? Не стоит благодарностей. А вот и остальные подходят. Теперь, именем Господа, у нас есть отряд, спрятавший факелы в кувшины, как маленькая армия Гидеона, и поскольку священник с нами – добрый вечер, мистер Хелстоун, – все будет в порядке.

Хелстоун ответил на приветствие весьма сухо. Человек в двуколке продолжил:

– Тут теперь одиннадцать крепких мужчин, у нас есть и лошади, и колесницы. И попадись нам те голодные оборванцы, так называемые разрушители станков, мы одержали бы великую победу! Каждый стал бы Веллингтоном – думаю, вам бы это понравилось, мистер Хелстоун, – и только представьте, что бы о нас написали в газетах! Брайрфилд бы прославился. Пожалуй, мы и так уже заслужили в «Курьере Стилбро» столбца полтора, не менее!

– Ручаюсь вам, мистер Йорк, полтора столбца вы точно получите, поскольку статью напишу я сам, – заверил священник.

– Ну еще бы! И не забудьте написать, что они разломали станки на мелкие части и связали Джо Скотта, и их повесить надо без отпущения грехов! За подобное преступление нужно непременно вешать!

– Если бы их судил я, то не стал бы медлить с приговором! – вскричал Мур. – Однако на сей раз ничего предпринимать не стану: дам им уйти, пусть лучше сами свернут себе шею.

– Вы позволите им уйти, Мур? Вы обещаете?

– Вот еще! Я имел в виду, что не стану утруждаться их поимкой, разве что они сами попадутся мне на пути.

– Разумеется, тогда вы на них накинётесь. Вы ждете, пока они натворят чего-нибудь похуже, и наконец сведете с ними счеты. Ладно, хватит об этом. Мы у дверей моего дома, джентльмены, и я надеюсь, что вы ко мне заглянете. Немного подкрепиться никому не помешает.

Мур и Хелстоун принялись возражать, однако хозяин настаивал весьма любезно, вдобавок ночь выдалась столь ненастная, а свет из окон, завешенных муслиновыми занавесками, лился так приветливо, что все согласилось. Йорк выбрался из двуколки, отдал поводья слуге и повел гостей в дом.

Следует отметить, что слог мистера Йорка отличается разнообразием. То он разговаривает на йоркширском диалекте, то выражается на чистом английском. Так же разнятся и его манеры. Он может держаться любезно и учтиво, а может быть грубым и бесцеремонным. Поэтому определить его статус по речи и манере поведения сложно. Посмотрим, не поспособствует ли нам в этом убранство дома мистера Йорка.

Работников он отправил в кухню и сказал, что «распорядится насчет перекусить». Джентльменов провел через главный вход в усланный коврами холл, где картины висели чуть ли не до самого потолка, в просторную гостиную с ярко пылающим камином. На первый взгляд комната производит весьма приятное впечатление, при ближайшем рассмотрении оно лишь усиливается. Ее нельзя назвать роскошной, зато везде чувствуется вкус, причем довольно необычный – вкус путешественника, ученого и джентльмена. Стены украшают пасторальные итальянские пейзажи – все истинные произведения искусства, подлинники, и весьма ценные. Выбрать их мог лишь настоящий знаток. Даже в полумраке комнаты глаз радуют безоблачные голубые небеса, мягкие линии горизонта, туманные очертания гор в синей дымке, сочная зелень, игра теней и солнечных бликов. На диване лежат гитара и ноты, повсюду камеи и прекрасные миниатюры, на каминной полке стоят несколько греческих ваз, в двух изящных книжных шкафах аккуратно расставлены книги.

Йорк предложил гостям садиться и позвонил в колокольчик. Слуга принес вино, и хозяин распорядился позаботиться о работниках. Священник остался стоять и к вину не притронулся – видимо, жилище Йорка ему не понравилось.

– Как вам угодно, – пожал плечами тот. – Похоже, мистер Хелстоун, вы вспомнили восточные обычаи и поэтому отказываетесь есть или пить в моем доме, чтобы не пришлось водить со мной дружбу. Не волнуйтесь, я выше подобных предрассудков. Можете потягивать содержимое моего графинчика, можете прислать мне лучшего вина из своих запасов, и все равно я не перестану противостоять вам при первом удобном случае – будь то в церкви или в суде.

– Иного я от вас и не жду, мистер Йорк.

– Неужели вам по душе, мистер Хелстоун, гоняться за мятежниками верхом, да еще в такую промозглую ночь?

– Мне по душе все, что велит долг, и в данном случае исполнять долг – сплошное удовольствие. Поимка вредителей – занятие благородное, достойное самого архиепископа.

– Вас-то оно точно достойно. А где же ваш курат? Наверняка отправился к какому-нибудь бедняге, прикованному к постели, или же отлавливает вредителей в другом месте.

– Он несет гарнизонную службу на фабрике.

– Надеюсь, Боб, ты оставил ему глоток вина для храбрости? – Йорк не стал дожидаться ответа Мура, который тем временем сел в старомодное кресло у камина. – А ну-ка вставай, сынок! Это мое место. Садись на диван или на любое из трех кресел, только не на это. Оно мое, и только мое!

– Почему вы так привередливы, Йорк? – поинтересовался Мур, нехотя освобождая хозяйское кресло.

– Прежде его любил мой отец, и этим все сказано. Довод ничуть не хуже причин, которые мистер Хелстоун приводит в оправдание своих взглядов.

– Мур, вы уже готовы идти? – спросил священник.

– Нет, Роберт не готов, точнее, это я не готов с ним расстаться. Он парень дурной, и без моих наставлений не обойдется.

– Почему я дурной, сэр? Что я такого сделал?

– Нажил себе врагов.

– Мне-то что с того? Какая разница, любят меня йоркширские деревенщины или ненавидят?

– В том-то и беда. Этот парень – чужак среди нас. Его отец ни в жизнь бы такого не сказал! Вот и езжай себе в Антверпен, где ты родился и вырос, *mauvaise tête!*¹⁴

– *Mauvaise tête vous-même; je ne fais que mon devoir; quant à vos lourdauds de paysans, je m'en moque!*¹⁵

– *En revanche, mon garçon, nos lourdauds de paysans se moqueront de toi; sois en certain!*¹⁶, – ответил Йорк почти с таким же чистым французским прононсом, как у Жерара Мура.

– *Comme tu voudras!*¹⁷.

– Твои друзья? Да где они, твои друзья?

– Вот и я говорю, где те друзья? Мне даже приятно, что вместо них откликается только эхо. К черту друзей! Я еще помню времена, когда мой отец и дядя Жерары звали своих друзей на помощь, и один Бог знает, поспешили они им на помощь или нет! Послушайте, мистер Йорк, слово «друг», меня раздражает, слышать его не хочу!

– Как тебе угодно.

Пока Йорк сидит, откинувшись на треугольную спинку любимого резного дубового кресла, я воспользуюсь возможностью набросать портрет этого джентльмена, прекрасно говорящего по-французски.

¹⁴ Дурная голова (фр.).

¹⁵ Сами вы дурная голова! Я лишь делаю свое дело, и плевать мне на ваших неуклюжих крестьян! (фр.)

¹⁶ Смотри, мой мальчик, как бы наши неуклюжие крестьяне не наплевали на тебя (фр.).

¹⁷ Вот и отлично! Поскольку мне все равно, пусть и мои друзья не беспокоятся (фр.).

Глава 4. Мистер Йорк

(продолжение)

Мистер Йорк – джентльмен с головы до пят. Лет ему около пятидесяти пяти, выглядит свежим и бодрым, из-за седых волос кажется старше. Лоб широкий и невысокий, в чертах проглядывает северная суровость, слышная также и в голосе; по всем признакам он типичный англосакс, без малейшей примеси норманнской крови; лицо его нельзя назвать ни изящным, ни классическим, ни аристократичным. Люди благородных кровей сочли бы его физиономию плебейской, разумные нарекли бы ее типической, практичные восхитились бы внутренней силой и остротой ума, его грубой, но яркой индивидуальностью, проглядывающей в каждом контуре, прячущейся в каждой морщинке. Однако вместе с тем это лицо человека непокорного, презрительного и насмешливого, которым трудно командовать и которого невозможно принуждать. Он высокий, крепкий и жилистый, осанка горделивая – одним словом, в нем нет ни единого намека на чудинку.

Описывать облик мистера Йорка непросто, еще сложнее показать склад его ума. Читатель, если ты ожидаешь увидеть верх совершенства или хотя бы эдакого добродушного пожилого филантропа, то напрасно. В разговоре с Муром он выказал немало здравого смысла и симпатии, однако из этого вовсе не следует, что со своими собеседниками он всегда объективен и доброжелателен.

Начнем с того, что мистер Йорк начисто лишен способности испытывать почтение к кому-либо, – ужасный недостаток, из-за которого он частенько попадает в неприятные ситуации. Мистер Йорк лишен способности сравнивать и проводить аналогии и не испытывает ни к кому ни малейшего сочувствия. Ему почти не свойственна терпимость и склонность видеть в людях лучшее, благодаря чему деликатность характера и великодушие также обошли его стороной; впрочем, и сам он вовсе не склонен ценить эти качества в других.

Неспособность испытывать почтение сделала мистера Йорка нетерпимым по отношению к властям предержащим – королям, знати и священникам, династиям, парламентам и прочим учреждениям, со всеми их деяниями, с большей частью их законов, формальностей, требований, – все это вызывает у него лишь отвращение. Он не находит в них ни необходимости, ни удовольствия и считает, что человечество выиграет, если троны рухнут, а сильные мира сего падут. Эта неспособность также лишила Йорка волнительного наслаждения, которое дарует восхищение всем, что достойно восхищения, – она лишила его тысячи источников истинной радости; убила всякую прелесть тысячи упоительных развлечений. Религии он не чуждается, хотя не принадлежит ни к одной из концессий, и все же вера у него своеобразная: он верит в Бога и в Царствие Небесное, однако при этом остается человеком без священного трепета, воображения и экзальтации.

Неспособность сравнивать и проводить аналогии сделала Йорка личностью противоречивой: исповедуя возвышенные принципы взаимопонимания и взаимотерпимости, к определенным классам он относится заведомо предвзято и неприязненно. О служителях церкви и знати отзывается резко, порой даже пренебрежительно, и неприятно наблюдать, насколько несправедливо! Йорк не может поставить себя на место тех, кого честит, соотнести их ошибки со стремлениями, пороки со слабостями, понять влияния сходных обстоятельств на него самого, и часто высказывает самые беспощадные и деспотичные пожелания в адрес тех, кто, по его мнению, действует беспощадно и деспотично. Сам же мистер Йорк готов применять суровые, даже жестокие меры, продвигая идеи свободы и равенства. Равенство! Да, мистер Йорк говорит о нем, однако в душе он гордец: относится с большой добротой к своим рабочим, очень хорошо обращается со всеми, кто ниже его, и покорно мирится с этим; с теми же, кто стоит

выше его, держится надменно, как Вельзевул, поскольку ничьего превосходства не признает. Бунтарство у Йорка в крови – он не желает подчиняться никому и ничему; такими же в свое время были его отец и дед, такими же выросли и дети.

Отсутствие терпимости делает Йорка непримиримым по отношению к скудоумию и всем недостаткам, которые неимоверно раздражают его сильную, проницательную натуру; от едкого сарказма спасения нет никому. Поскольку милосердия Йорк не знает, порой он наносит себе-суднику раны снова и снова, даже не замечая, насколько сильно или глубоко тот уязвлен.

Что до скудости воображения, то вряд ли это можно считать серьезным недостатком: тонкий музыкальный слух, острый глаз, способный улавливать особенности цвета и формы, наделили Йорка хорошим вкусом. Кому нужно воображение – свойство опасное и несуразное, сродни слабости и даже легкому безумию, скорее болезнь, чем талант?

Наверное, так думают все, кроме тех, кто обладает воображением или считает, что обладает. Послушать их, так поневоле поверишь, что без этого живительного эликсира их сердца бы заиндевели, без этого очистительного пламени их взоры бы затуманились, и жилось бы им очень одиноко, если бы этот странный спутник их покинул. Надо полагать, что воображение придает радостные надежды весне, теплое очарование лету, безмятежную отраду осени и некое утешение зиме, однако всем прочим людям подобные чувства недоступны. Разумеется, это лишь иллюзия, однако фанатики отчаянно цепляются за свою грезу и не променяют ее даже на золото.

Мистер Йорк не обладает ни поэтическим даром, ни силой воображения и считает их самыми никчемными из людских качеств. Художников и музыкантов еще терпит, даже одобряет, поскольку в результатах их творчества находит удовольствие и может оценить хорошую картину или порадоваться приятной музыке, однако тихий поэт – какие бы чувства и страсти ни кипели в его груди, – неспособный стать клерком или торговцем шерстью, мог бы всю жизнь прозябать и даже помереть с голоду прямо на глазах у Хайрама Йорка.

А поскольку Хайрамов Йорков на свете немало, то хорошо, что истинный поэт часто скрывает свой мятежный дух и проницательность под внешней смиренностью и спокойствием, ведь он способен оценить по достоинству тех, кто смотрит на него сверху вниз, верно определить бремя и цену отвергаемых им честолюбивых стремлений, чем вызывает презрение таких вот Йорков. К счастью, поэту доступно иное блаженство – круг близких друзей и лоно природы; он далек от тех, кто не любит его и кого не любит он сам. Хотя мир и обстоятельства часто поворачиваются к поэту темной, холодной стороной (собственно, он первый демонстрирует им свою темную, холодную сторону), в сердце поэта – свет и огонь, которые согревают и освещают его путь, в то время как остальным его существование представляется полюсом холода, где никогда не проглядывает солнце. Истинного поэта вовсе не следует жалеть – он еще и посмеется тайком над теми бестолковыми утешителями, кто будет иметь глупость пустить слезу над его невзгодами. Даже когда приверженцы утилитаризма провозглашают поэзию и его самого бесполезными для блага общества, он выслушивает приговор несчастных фарисеев с таким явным, глубоким, всеобъемлющим и безжалостным презрением, что заслуживает скорее упрека, чем сочувствия. Впрочем, мистер Йорк об этом даже не задумывается, а мы сейчас говорим именно о нем.

Тебе, читатель, уже известны недостатки нашего персонажа, что же касается достоинств, то он один из самых уважаемых и толковых жителей Йоркшира, его вынуждены уважать даже те, кому он не нравится. Мистера Йорка очень любит беднота, потому что к ней он всегда по-отечески добр. К своим работникам внимателен и радушен. Когда приходится кого-нибудь уволить, он старается найти ему иное занятие или помогает перебраться с семьей туда, где работу найти легче. Йорк, как и многие из тех, кто ненавидит подчиняться, вполне способен подчинить другого, и если порой кто-нибудь из его работников выказывает неповиновение, то он душист начинающийся мятеж в зародыше, выпалывая как сорняк, поэтому в его владениях

беспорядки никогда широко не распространяются. Дела Йорка обстоят наилучшим образом, и он считает себя вправе отчитывать своих менее удачливых соседей со всей строгостью, приписывая неудачи им самим, становясь на сторону работников, а не провинившихся хозяев.

Род Йорков – один из старейших в приходе, и хотя мистер Йорк не самый богатый в округе, зато пользуется всеобщим уважением. Образование он получил хорошее. В юности, до Французской революции, много путешествовал по континенту, в совершенстве овладел французским и итальянским языками. Во время двухлетнего пребывания в Италии Йорк приобрел множество прекрасных картин и антикварных вещей, которыми украсил свой дом. При желании держится как настоящий джентльмен старой закалки, ведет интересные и оригинальные беседы. Если же вместо изысканного светского языка он выражается на родном йоркширском диалекте, то лишь потому, что ему так хочется. «Картавость йоркширца, – говаривает он, – намного приятнее шепелявости лондонца из низов, как рев быка приятнее крысиного писка».

Мистер Йорк знает всех и вся и известен всем на мили вокруг, однако близких друзей у него не много. Будучи оригиналом, он не терпит посредственности: характер колоритный, пусть и грубый, независимо от происхождения, им всегда приветствуется, а пресная серость, пусть и со светскими манерами и высоким статусом, вызывает отвращение. Йорк может поговорить битый час с собственным ушлым работником или с чудаковатой, но мудрой старушкой из своих арендаторов, и в то же время поскупиться на беседу с ничем не примечательным джентльменом или с элегантной и легкомысленной леди. Свои предпочтения в подобных вопросах доводит до крайности, забывая, что среди тех, кому не предназначено быть оригиналом, вполне могут обнаружиться натуры приятные и даже достойные восхищения.

Впрочем, иногда Йорк делает исключения. Странно, но особенно ему нравятся люди простые, бесхитростные, не отличающиеся тонкостью вкуса, не обремененные интеллектом и не умеющие отдать должного его блестящему уму; в то же время им никогда не претит его грубость, их не ранит сарказм, они не разбирают по косточкам его слова, поступки или взгляды. Среди подобных личностей он чувствует себя легко и непринужденно. Подчиняясь влиянию мистера Йорка безоговорочно, они ни за что не признали бы его превосходства, потому что не отдают себе в нем отчета; таким образом, их податливость ничуть не грозит обернуться услужливостью, а бездумная, безыскусная индифферентность вполне устраивает Йорка, как и кресло, в каком он любит сидеть, или земля, по которой ходит.

Читатель, наверное, уже заметил, что к Муру мистер Йорк проявляет определенное участие. И тому есть две или три причины. Первая из них – иностранный акцент Мура, с которым он говорит по-английски, в то время как по-французски изъясняется очень чисто; к тому же смуглое худощавое лицо Мура с тонкими изящными чертами выглядит совершенно не по-британски и тем более не по-йоркширски. Вроде бы незначительные детали, которые едва ли могут повлиять на человека, подобного Йорку, однако они будят в нем давние, наверняка приятные, воспоминания – о путешествиях, о юности. В итальянских городах ему случалось видеть лица как у Мура, в парижских кафе и театрах он слышал голоса как у Мура. Тогда мистер Йорк был молод, теперь же, глядя на иностранца и слыша его речь, он вновь чувствует себя юным.

Йорк знал отца Мура и вел с ним торговые дела. Эти узы более крепкие, хотя и не такие приятные, поскольку его предприятие в определенной степени пострадало от банкротства Мура.

Сам Роберт – ловкий делец. Йорк понимает, что в конце концов Роберт разбогатеет, уважает в нем твердость намерений и остроту ума, а также, вероятно, стойкость.

Мистер Йорк является одним из опекунов поместья, к которому принадлежит фабрика в долине, соответственно Муру приходится часто обсуждать с ним свои многочисленные перестройки и усовершенствования.

Что же касается второго гостя, мистера Хелстоуна, то между ним и хозяином существует взаимная неприязнь, причем вызванная не только разницей их характеров, но и жизненными

обстоятельствами. Вольнодумец ненавидит догматика, приверженец свободы презирает сторонника авторитарной власти; вдобавок, по слухам, некогда оба они добивались руки и сердца одной юной леди.

В юности мистер Йорк, следуя общему правилу, предпочитал женщин веселых и задорных: эффектных, остроумных, бойких на язык. Впрочем, никому из этих блистательных красоток он так и не сделал предложения – напротив, внезапно всерьез увлекся и начал усердно ухаживать за той, которая представляла собой полную им противоположность: девушкой с лицом Мадонны, прекрасной, как мраморная статуя, и такой же безмятежной. Йорка не смущало, что на все его фразы она отвечала односложно, не замечала тяжких вздохов, не возвращала ему пылких взглядов, не разделяла убеждений, редко улыбалась шуткам, не уважала его и не обращала на него никакого внимания. Не имело ни малейшего значения, что ей не было присуще ни одно из тех качеств, которые прежде так восхищали его в женщинах. Для мистера Йорка Мэри Кейв казалась верхом совершенства, и он ее полюбил.

Мистер Хелстоун, в те времена еще только курат прихода Брайрфилд, тоже любил Мэри или, по крайней мере, ухаживал за ней. Ею восхищались многие, потому что она была прекрасна, словно изваяние ангела на кладбище, однако девушка предпочла именно Хелстоуна благодаря тем перспективам, какие открывались перед молодым священником. Видимо, прельстившись саном будущего мужа, мисс Кейв отвергла прочих кавалеров – юных перекупщиков шерсти. Хелстоун никогда не питал к Мэри ни всепоглощающей страсти, которую испытывал Йорк, ни благоговейного трепета, отличавшего большинство ее поклонников. Хелстоун видел ее истинную суть, что другим было не дано, вследствие чего с легкостью добился благосклонности. Она с радостью приняла его предложение, и они поженились.

По своей природе мистер Хелстоун никогда бы не стал хорошим мужем, особенно для женщины кроткой и бессловесной. Он считал, что если жена молчит, то ее все устраивает. Если она не жалуется на одиночество, каким бы продолжительным оно ни было, значит, ей оно не в тягость. Если жена не лезет в разговор и не мозолит глаза, не выказывает склонности или отвращения к чему-либо, значит, не имеет вообще никаких склонностей, и ее мнение можно не принимать в расчет. Понять женщин Хелстоун даже не пытался и не сравнивал их с мужчинами. Женщины виделись ему иными существами, вероятно, низшего порядка. Жена не может быть мужу ни другом, ни советчиком, ни тем более опорой. После года-двух супружеской жизни Мэри не значила для него практически ничего, и когда совершенно неожиданно – по крайней мере, он едва ли заметил ее постепенное угасание в отличие от всех остальных, – она покинула и его, и земную жизнь, Хелстоун изумленно взирал на лежавшую на супружеском ложе неподвижную, но еще прекрасную брентную оболочку, белую и холодную как статуя. Кто знает, насколько глубоко он переживал свою утрату. Со стороны судить трудно, ведь Хелстоун был не тем мужчиной, который способен рыдать от горя.

Его сдержанная скорбь возмутила старуху экономку и сиделку, ухаживавшую за миссис Хелстоун. Наверняка за это время она имела возможность узнать о характере покойной, ее способности чувствовать и любить куда больше, чем муж за два года совместной жизни. Сидя у гроба, старухи перемыли все косточки обоим супругам, обменялись наблюдениями, дополнили подробностями ее затяжной недуг и его вероятную причину. Короче говоря, они дружно ополчились на сурового маленького человечка, который сидел за бумагами в соседней комнате, не подозревая, какому поруганию подвергается.

Не успела миссис Хелстоун упокоиться в могиле, как поползли слухи, будто она умерла от разбитого сердца. Стали поговаривать о грубом обращении со стороны мужа, потом и до рукоприкладства додумались, и эта явная клевета вскоре захватила многих. Мистер Йорк слышал все, чему-то даже верил. Хотя он и сам успел жениться, выбрав полную противоположность Мэри Кейв во всех отношениях, однако позабыть величайшего разочарования своей жизни был не в силах. Он и прежде не питал добрых чувств к счастливому сопернику, а когда про-

знал, что тот не проявлял к его ненаглядной должного внимания и заботы и, возможно, даже поднимал на нее руку, то в нем вспыхнула глубокая ожесточенная вражда.

Сам мистер Хелстоун не вполне сознавал природу и силу этой неприязни. Он понятия не имел, как сильно Йорк любил Мэри Кейв, что испытал, утратив ее, да и клевета о жестоком обращении молодого священника с женой была на слуху у всех, кроме него самого. Хелстоун считал, что их с Йорком разделяют исключительно политические и религиозные разногласия. Если бы он сообразил, в чем истинная причина, едва ли поддался бы на уговоры и переступил порог дома своего бывшего соперника.

С наставлениями Роберту Муру было покончено, и разговор перешел на общие темы, хотя сварливый тон остался. Непокойная обстановка в стране, всевозможные бесчинства, которым подвергаются владельцы мануфактур, служили предметом яростных споров, тем более что взгляды троих присутствующих джентльменов на текущие события сильно разнились. Хелстоун считал, что хозяева страдают незаслуженно, а работники ведут себя безрассудно. Он осуждал недовольство властями и растущее день ото дня нежелание мириться с неизбежным, на его взгляд, злом. В качестве лекарства прописывал решительные правительственные меры, суровые судебные приговоры, незамедлительное вмешательство армии.

Мистер Йорк поинтересовался, смогут ли эти крутые меры накормить тех, кто голодает, и обеспечить работой тех, кто остался без нее и кого никто не хочет нанимать. Идею неизбежности зла он с презрением отверг. Считал, что народное терпение – верблюд, на чью спину уже возложена последняя соломинка, и нет теперь иного выхода, кроме сопротивления. Повсеместное недовольство действиями властей Йорк полагал самой прогрессивной приметой времени. Он допускал, что владельцы мануфактур и действительно терпят убытки, однако основной вред им наносит прогнившее, подлое и кровожадное правительство (именно так он и выразился). Государственные деятели вроде Питта, Каслри и Персиваля – проклятие для страны, губители ее торговли. Их сумасбродное упорство в неправомерной, безнадежной и разорительной войне довело нацию до нынешнего критического положения. Чудовищные налоги, позорные королевские указы повесили Англии мельничный жернов на шею, и они заслуживают суда и виселицы больше, чем кто бы то ни было из британских общественных чиновников!

– Что проку в разговорах? – воскликнул Йорк. – Разве голос разума будет услышан в стране, где правят король, духовенство и пэры? В стране, которую номинально возглавляет помешанный, а на деле над ней стоит беспринципный распутник¹⁸; где терпят такое издевательство над здравым смыслом, как наследственных законодателей и епископов-законодателей – вы только вдумайтесь в этот бред! – где терпят и даже почитают разжиревшую, душащую свободу мысли церковь; где регулярная армия и толпа лентяев клириков с их нищими домохозяевами пользуются всеми благами земными!

Хелстоун вскочил, надел шляпу и заметил, что за свою жизнь пару раз встречал людей с подобными умонастроениями, которые придерживались их, пока были здоровы, сильны и богаты. Однако для всех наступит время, когда «задрожат стерегущие дом и согнутся мужи силы; и высоты будут им страшны, и на дороге ужас»¹⁹, и оно станет испытанием для поборников анархии и бунта, врагов религии и порядка. Однажды его позвали читать молитвы, которые церковь предназначила для здоровья болящих, к постели умирающего – одного из самых непримиримых врагов веры, и того терзали страшные муки совести, он жаждал покаяния и не мог отыскать этот путь, хотя слезно к нему стремился... И долг его – предостеречь мистера Йорка, что возводить хулу на Бога и короля – смертный грех, и что грядет судный день.

Мистер Йорк вовсе не отрицал, что судный день наступит. Будь оно иначе, трудно и представить, что без воздаяния остались бы негодяи, которые безнаказанно разбивают невин-

¹⁸ Имеется в виду Георг III, временами страдавший от душевного расстройства.

¹⁹ Ветхий Завет. Екклесиаст, 12:3,5.

ные сердца, злоупотребляют незаслуженными привилегиями, позорят благородное призвание, вырывают кусок хлеба у бедноты, нагоняют смертный страх на безответных, раболепствуют перед богатыми и знатными. Однако, добавил хозяин, стоит ему впасть в уныние от подобной несправедливости, царящей на этом куске навоза, что мы зовем своей планетой, как он берет в руки вон ту книгу (он указал на Библию в книжном шкафу), открывает наугад и натывается на стих, сияющий синим серным огнем, и тогда успокаивается. Уж он-то знает, куда кое-кто попадет после смерти, будто к нему на порог явился ангел с огромными белыми крыльями и возвестил это.

– Сэр, – возразил Хелстоун со всем достоинством, на какое еще был способен, – человек должен познавать себя и учитывать пределы своих возможностей!

– Ну да, ну да. Вспомните, мистер Хелстоун, как двое ангелов связали Невежду по рукам и ногам, подняли и понесли по воздуху до двери на склоне горы, которая вела прямо в ад, и бросили его вон во тьму крошечную!²⁰

– А еще я помню, мистер Йорк, что Самоуверенный, не видя перед собой дороги, продвигался на ощупь, упал в глубокую яму, специально для этого вырытую владельцем тех мест для самонадеянных и самоуверенных безумцев, и разбился насмерть!

– Послушайте, – вмешался Мур, до этого момента лишь молчаливый, но благодарный слушатель их словесной баталии. Вследствие безразличия к политике своего времени и местным сплетням он сохранял полную безучастность, что делало его вполне непредвзятым арбитром. – Вы достаточно избивали друг друга и выказали самую искреннюю неприязнь и презрение. Что касается меня, то я ненавижу тех, кто разломал мои станки, и тратить силы на споры с друзьями или на обсуждение абстрактных вопросов вроде веры или политики правительства не намерен. Джентльмены, вы оба выставили себя в весьма невыгодном свете – оказались хуже, чем я о вас думал. Вряд ли я теперь отважусь оставаться под крышей бунтаря и богохульника вроде вас, мистер Йорк, да и возвращаться домой в компании столь жестокого и деспотичного пастыря как мистер Хелстоун мне тоже представляется рискованным.

– Мур, я действительно ухожу, – сурово заявил священник. – Со мной вы или нет – воля ваша.

– Ну нет, пусть уж отправляется с вами, – заметил Йорк. – Время за полночь, и я не потерплю в своем доме никого ни минутой дольше! Вам пора. – Он позвонил в колокольчик. – Деб, – велел Йорк служанке, – выведи ребят из кухни, запри двери и ложись спать. Джентльмены, вам сюда, – обратился он к гостям и, посветив в холле, выпроводил их через парадный вход.

Тем временем с черного хода гурьбой вывалились работники, которых тоже поспешно выставили. Лошади ждали их у ворот, негодующий Хелстоун и посмеивающийся Мур сели верхом и уехали.

²⁰ Речь идет о романе Д. Беньяна (1628–1688) «Путешествие пилигрима».

Глава 5. Дом у лощины

Бодрость духа не покинула Мура и на следующее утро. Вместе с Джо Скоттом он заночевал в конторе на фабрике, воспользовавшись спальными принадлежностями, извлеченными из разных укромных уголков. Хозяин всегда был ранней пташкой, но в то утро встал раньше обыкновения. Он разбудил Джо французской песенкой, которую напевал, приводя себя в порядок.

– Так вы не унываете, хозяин? – воскликнул Джо.

– Ни на грош, *mon garçon*, что значит «мой друг»! Поднимайся, и давай пройдемся по фабрике, пока не пришли рабочие, – хочу поделиться с тобой планами на будущее. Станки мы все равно раздобудем, Джо! Слышал когда-нибудь о Брюсе?

– Вы про ту легенду, где паук научил короля не сдаваться? Еще бы. Читал я историю Шотландии, и знаю ее не хуже вашего. Значит, мы тоже проявим упорство?

– Еще бы!

– И много таких упорных на вашей родине?

– Вот как! И что у меня за родина, по-твоему?

– Конечно же, Франция – или нет?

– Разумеется, нет! Факт, что французы захватили Антверпен, где я родился, вовсе не делает меня французом.

– Тогда Голландия?

– Я не голландец. Теперь ты путаешь Антверпен с Амстердамом.

– Фландрия?

– Джо, что за инсинуации? Я фламандец? Разве у меня лицо фламандца – несуразный нос торчком, узкий лоб с залысинами, водянистые глазки *à fleur de tête*?²¹ Или у меня короткие ноги и длинное тело, как у фламандца? Ты даже не знаешь, как выглядят жители Нидерландов, Джо! Я уроженец Антверпена. Там родилась моя мать, а в роду у нее были французы, поэтому я и говорю по-французски.

– Отец ваш из Йоркшира, вы и сами немного йоркширец. Сразу видно, что вы нам не чужой, потому как ловко зашибаете деньгу и ломитесь напролом.

– Джо, ты наглый пес, но к хамству мне не привыкать! Так называемый *classe ouvrière* – то есть трудовой люд в Бельгии – настоящие дикари, и со своими работодателями они держатся – как это будет по-английски? В общем, *brutalement* – можно перевести как «необузданно».

– В этой стране мы всегда говорим то, что думаем, и потому юные кураты да всякие знатные господа из Лондона шарахаются от нашей, так сказать, сиволапости. А нам просто нравится их оглушивать и глядеть, как они закатывают глаза, вскидывают руками, будто с них живьем шкуру сдирают, да еще повторяют как заведенные: «Ах, ох! Что за дикари! Что за манеры!»

– Так вы и есть дикари, Джо. Неужели ты считаешь себя цивилизованным человеком?

– Я-то? Нет, хозяин, я середнячок. Полагаю, фабричные парни на севере смысленнее, нежели трудяги земледельцы на юге. Ремесло развивает ум, на механике волей-неволей поумнеешь, как я. Знаете, следя за машинами, я дошел до того, что гляжу на результат и мгновенно вижу его причину, и сразу за нее хватаюсь. Вдобавок люблю почитать, и меня занимает, что там для нас подделывает наше правительство или что оно вытворяет с нами. А ведь есть парни и поумнее меня – среди перепачканных машинной смазкой ребят или среди красильщиков с сине-черными руками попадаютя головастые, которые в законах разбираются не хуже, чем вы

²¹ Навыкате (фр.).

или старый Йорк, и гораздо лучше, чем простофиля Кристофер Сайкс из Уиннбери или хамло вроде Питера-ирландца, курата Хелстоуна.

– Похоже, ты и себя считаешь парнем смышленным, Скотт.

– Ха! Я-то уж смогу отличить творог от мела и прекрасно знаю, что не зарыл свои таланты в землю, как бы ни задирали нос те, кто мнит себя повыше меня. Да только у нас в Йоркшире тысячи парней ничуть не хуже, и две трети таких, что поумнее меня будут.

– Да уж, человек ты выдающийся и достоинств в тебе хоть отбавляй, но при этом самодовольный зануда и спесивый дурень! Не думай, что, нахватавшись по верхам прикладной арифметики в конторе и отыскав пару скудных азов химии на дне красильного чана, ты стал гениальным ученым. Торговля не всегда идет гладко, и поэтому такие, как ты, порой сидят без работы и без куска хлеба, только вам не следует считать себя мучениками под игом никудышного правительства. Скажу более: даже не предполагай, будто добродетели навсегда покинули крытые черепицей особняки и поселились под соломенными крышами. Смею тебя заверить, подобного вздора я терпеть не могу, поскольку прекрасно знаю, что человеческая природа везде остается себе верна, будь то под черепицей или под соломой, и в каждом ее представителе, который еще дышит, есть и пороки, и добродетели, пусть и в разных пропорциях, ведь зависит это вовсе не от места проживания. Видел я злодеев богатых, бедных, а также тех, кто ни богат, ни беден, потому как претворяет в жизнь желание Агари и живет в скромном достатке. Часы вот-вот пробьют шесть. Хватит болтать, Джо, пора звонить в фабричный колокол!

Была середина февраля, и к шести часам забрезжил рассвет, касаясь бледным лучом бурого мрака зимней ночи и придавая густым теням прозрачности. В то утро луч был особенно блеклым: на востоке не появилось ни отсвета, краски ничуть не потептели. День медленно поднял тяжелые веки, бросил тусклый взгляд на окрестные холмы, будто ливень прошлой ночи совсем погасил огонь солнца. Дыхание утра оказалось таким же неприветливым, как и его вид: сырой ветер развеял ночные тучи и явил миру бесцветное, отливающее серебром кольцо по всему горизонту и гряды палевых слоистых облаков вдалеке. Дождь прекратился, но земля была еще сырая, всюду стояли лужи, ручьи набухли от воды.

В окнах фабрики горел свет, колокол громко звонил, и детишки торопливо спешили к зданию. Будем надеяться, что они не слишком замерзли, и утро показалось им даже приветливым, ведь порой бедняжкам случается идти на работу в метель, в проливной дождь или в мороз.

Мистер Мур стоял на входе, наблюдал и считал проходивших мимо детей. Тех, кто опоздился, ругал за опоздание; затем на них накидывался Джо Скотт, уже на рабочем месте. Ни хозяин, ни мастер не лютовали. Они вовсе не были людьми жестокими, хотя, пожалуй, казались суровыми, потому что оштрафовали правонарушителя, явившегося позднее всех. Мур взыскал с него пенни и пригрозил, что в следующий раз опоздание обойдется ему в два пенса.

В подобных случаях правила, несомненно, необходимы, а грубые и жестокие хозяева принимают грубые и жестокие меры, которые во времена, о коих мы тут рассказываем, применялись весьма деспотично. Однако, хоть я и описываю персонажей неидеальных (каждый персонаж в этой книге несовершенен в той или иной степени, поскольку мое перо отказывается выводить образцовые линии), я не стану иметь дело с личностями, вконец опустившимися или совсем скверными. Мучителей детей, рабовладельцев и погонщиков рабов я отдаю в руки правосудия. Романисту вполне можно простить нежелание пачкать свои страницы их гнусными выходками.

Вместо того чтобы терзать душу читателя и поражать его сердце эффектными описаниями порки и прочих телесных наказаний, я с радостью сообщаю, что ни мистер Мур, ни его мастер не ударили ни единого ребенка на своей фабрике. Конечно, однажды Джо высек родного сына за вранье и запирательство, однако, как и его работодатель, будучи человеком

невозмутимым и спокойным, а вдобавок и разумным, прибегал к телесным наказаниям лишь в исключительных случаях.

Мур метался по своей фабрике, по двору, по красильне и складу, пока рассвет наконец не перешел в день. Даже солнце изволило встать – в небе возник абсолютно бесцветный диск, похожий на кусок льда. Он заглянул за вершину темного холма, посеребрил краешек свинцового облака над ней и мрачно обозрел ущелье, точнее, узкую долину, в которой мы сейчас находимся. Пробило восемь, огни на фабрике потушили. Начали звонить к завтраку, и дети, на полчаса освобожденные от тяжелого труда, потянулись к жестянкам с кофе и корзиночкам с хлебом. Давайте надеяться, что еды у них вдоволь, иначе нам будет их очень жаль.

Наконец Мур покинул фабричный двор и направился к своему жилищу. От фабрики оно находится совсем недалеко, зато живая изгородь и насыпи по обе стороны ведущей к нему дороги создают ощущение уединенности. Это небольшой беленый домик с зеленым крыльцом и навесом над дверью, возле нее и под окнами из земли торчат редкие коричневые стебли, сейчас – голые и безжизненные, летом же они наверняка покроются бутонами и цветами. Перед коттеджем – лужайка, окаймленная клумбами. Пока на них нет ничего, кроме голой земли, лишь кое-где проглядывают изумрудно-зеленые всходы подснежников и крокусов. Весна запаздывает, зима выдалась долгая и суровая. Последний снег растаял незадолго до вчерашнего дождя, остатки до сих пор белеют в оврагах и на вершинах холмов. Лужайка еще не зазеленела, трава на берегу ручья и под изгородью тоже пожухлая. Позади коттеджа – три стройных деревца. Не особо раскидистые, но поскольку растут на просторе, то смотрятся неплохо и даже внушительно. Таково жилище Мура – уютное гнездышко для отдыха и размышлений, в котором человек деятельный и целеустремленный не может долго сидеть сложа руки.

Похоже, дух скромного уюта ничуть не привлек владельца домика. Вместо того чтобы войти внутрь, он взял из сарайчика лопату и принялся работать в саду. С четверть часа он непрерывно копал, потом открылось окно и Мура окликнул женский голос:

– *Eh, bien! Tu ne déjeûnes pas ce matin?*²²

Вся последующая беседа велась на французском, но поскольку это английская книга, я переведу ее для тебя, читатель.

– Завтрак готов, Гортензия?

– Конечно, уже полчаса как.

– Тогда я тоже готов. Я голоден как волк!

Мур отбросил лопату и вошел в дом. Узкий коридорчик привел его в небольшую гостиную, где стол уже был накрыт к завтраку: кофе, хлеб, масло и вдобавок нетипичные для английской кухни тушеные груши. Над этими яствами возвышалась леди, которая разговаривала с Муром через окно. Прежде чем продолжить повествование, непременно должна описать ее.

Она кажется немного старше, чем Мур, – вероятно, ей лет тридцать пять. Высокая и крепкая с хорошей фигурой, волосы темные, в данный момент накрученные на папильотки, щеки румяные, носик маленький, глазки черные. Нижняя часть лица несколько великовата по сравнению с верхней, лобик узкий, в морщинках. Физиономия капризная, но не злобная, и впечатление Гортензия производит своеобразное: глядя на нее, не знаешь, то ли сердиться, то ли смеяться. Самое курьезное в ее облике – наряд из шерстяной нижней юбки и полосатой кофточки. Юбка короткая, обнажающая не особо стройные лодыжки.

Не думай, читатель, будто я описываю чудовищную нерыху. Вовсе нет! Гортензия Мур, сестра мистера Мура, – особа весьма опрятная и хозяйственная. Нижняя юбка, полосатая кофточка и папильотки – утренний наряд, в котором она с утра и до полудня привыкла хлопотать по дому у себя на родине. Гортензия не переняла местных обычаев лишь потому, что живет в

²² Как! Ты решил сегодня не завтракать? (фр.)

Англии; напротив, она с удовольствием придерживается старых бельгийских привычек и даже видит в этом особую заслугу.

Мадемуазель о себе прекрасного мнения, и это отчасти заслуженно, поскольку она действительно обладает некоторыми достоинствами, кои, впрочем, изрядно переоценивает в количестве и качестве и при этом совершенно упускает из виду всевозможные мелкие изъяны, их сопровождающие. Гортензию не убедить в том, что она пристрастна и подвержена многим предрассудкам, слишком носится с собственным достоинством и важностью, склонна обижаться из-за мелочей. Однако это так. Впрочем, когда ее претензии на исключительность не подвергаются сомнению, а предрассудки не оспариваются, она умеет быть доброй и дружелюбной. Гортензия весьма привязана к своим двум братьям (кроме Роберта есть и еще один Жерар Мур). В качестве последних представителей семейства Мур оба для нее окружены чуть ли не священным ореолом.

Между тем Луи она знает меньше, чем Роберта. Его отослали в Англию еще в детстве, и выучился он в английской школе. К торговле Луи не годился, потому как не имел ни соответствующего образования, ни склонности, и после окончательного упадка семейного дела ему пришлось заняться собственной карьерой, избрав весьма тягостную и при этом весьма скромную ниву учительства. Сначала он устроился младшим учителем в школу, потом стал гувернером в одном семействе. Гортензия, упоминая Луи, отзываясь о нем как о человеке способном, но при этом медлительном и мягком.

Ее похвалы Роберту выражаются в ином ключе и менее сдержанны: Гортензия им очень гордится, считая его величайшим деятелем Европы; все, что он говорит и делает, представляется ей значительным, и того же отношения к нему она ожидает от других. Для нее ничего нет безрассуднее, чудовищнее и постыднее, чем ставить палки в колеса Роберту, разве что мешать ей самой.

Соответственно, едва Роберт сел завтракать, сестра вручила ему порцию тушеных груш, сделала внушительных размеров бутерброд по-бельгийски и сразу разразилась потоками негодования, недобрым словом поминая события прошлой ночи.

– *Quelle idée! Уничтожать станки... Quelle action honteuse! On voyait bien que les ouvriers de ce pays étaient à la fois betes et méchants. C'était absolument comme les domestiques anglais, les servantes surtout: rien d'insupportable comme cette Sara, par exemple!*²³

– Она кажется мне опрятной и трудолюбивой, – заметил Мур.

– Не знаю, кем она кажется, и не стану утверждать, будто она грязнуля или лентяйка, *mais elle est d'une insolence!*²⁴ Вчера спорила со мной четверть часа о том, как готовить говядину, и заявила, что я развариваю ее в лоскуты; что англичане не стали бы есть наш *bouilli*, и что бульон – лишь жирная теплая вода, а что до *choucroute*²⁵, то она к ней даже не прикоснулась бы! Тот бочонок, что стоит у нас в подвале – я весьма удачно заквасила его, – она обозвала помоями, то есть кормом для свиней! Эта девчонка меня изводит, и все же расстаться с ней я не могу, потому что другая будет еще хуже. Представляю, как ты мучишься со своими рабочими, *pauvre cher frère!*²⁶

– По-моему, ты не очень-то счастлива в Англии, Гортензия.

– Мой долг – быть там, где находишься ты, брат. Однако я действительно имею тысячу причин тосковать по нашему родному городу. Здесь буквально весь свет кажется мне дурно воспитанным. Мои привычки тут считаются несуразными. Если девушка с фабрики заглянет к нам в кухню и увидит, как я готовлю обед в этих юбочке и кофточке (ты ведь знаешь, что я не

²³ Что за нелепая идея! ... Какой позор! Ясно, что рабочие в этой стране глупы и злобны, да и английская прислуга не лучше, особенно служанки. Взять, к примеру, нашу поистине невыносимую Сару! (фр.)

²⁴ Но она такая нахалка! (фр.)

²⁵ Квашеная капуста (фр.).

²⁶ Бедный дорогой брат (фр.).

могу доверить Саре ни одного блюда), то она станет надо мной насмехаться. Если я принимаю приглашение на чай, что случалось раз или два, то ощущаю, как меня задвигают на задний план; я вовсе не получаю того внимания, которого достоина. Подумать только, из каких славных родов мы с тобой происходим, – взять хоть Жераров, хоть Муров! Мы имеем право требовать определенного уважения и чувствовать себя уязвленными, когда нам в нем отказывают. В Антверпене со мной всегда обращались с почетом, а здесь, стоит мне открыть рот, как все полагают, будто я разговариваю по-английски с нелепым акцентом, в чем я лично сомневаюсь – ведь я произношу звуки идеально!

– Гортензия, в Антверпене мы были богачами, в Англии нас считают за бедняков.

– Да! Люди здесь корыстные. Опять же, дорогой брат, в прошлое воскресенье, как ты помнишь, было очень сыро, поэтому я отправилась в церковь в своих опрятных черных сабо – в большом городе такие, конечно, не наденешь, но ходить по деревенской грязи обуви лучше нет. И вот, пока я шла по проходу между скамьями, вся такая сдержанная и умиротворенная, как обычно, четыре леди и столько же джентльменов засмеялись и закрыли лица молитвенниками!

– Ну надо же! Не носи больше свои сабо. Я ведь говорил, что они не вполне годятся для этой страны.

– Роберт, это же не обычные сабо, какие носят крестьянки! Говорю тебе, брат, это *sabots noirs, très propres, très convenables!*²⁷ В Монсе и Лёзе – городах, расположенных не так уж далеко от элегантного Брюсселя – люди почтенные редко носят зимой иную обувь. Пусть бы кто попробовал пробираться по грязи фламандских *chausses*²⁸ в парижских ботиночках, *on m'en dirait des nouvelles!*²⁹

– Забудь про Монс с Лёзом и фламандские *chausses*! Знаешь, как говорят: когда ты в Риме, поступай как римляне. Кстати, насчет нижней юбки и полосатой кофточки я тоже не уверен. Прежде мне не доводилось видеть английскую леди в подобном наряде. Спроси у Каролины Хелстоун.

– У Каролины? Мне – спрашивать у Каролины? Советоваться с ней насчет платья?! Да это ей надо со мной советоваться по каждому поводу! Она лишь дитя.

– Ей лет семнадцать-восемнадцать, так что она уже должна разбираться в платьях, юбках и обуви.

– Умоляю тебя, брат, не порти мне Каролину! Не то с твоей подачи она заважничает. Сейчас она скромна и неприязнительна, такой пусть и остается.

– Всем сердцем с тобой согласен! Она придет сегодня?

– Да, в десять часов утра у нее, как всегда, урок французского.

– Тебе ведь не кажется, что Каролина над тобой насмехается?

– Отнюдь. Она ценит меня больше, чем кто-либо здесь. Впрочем, Каролина ведь и знает меня лучше других. Видит, что у меня есть образование, ум, манеры, принципы – короче говоря, все то, что отличает благовоспитанную женщину из хорошей семьи.

– Ты ее хотя бы немного любишь?

– «Любишь» – слишком громко сказано. Я не из тех, кто предается неистовым страстям, поэтому на мою дружбу действительно можно положиться. Я отношусь к ней как к родственнице и сочувствую ее обстоятельствам. Поведение Каролины на уроках скорее способствует приязни, которая проистекает из вышеназванных причин, нежели ее уменьшает.

– Значит, на уроках она ведет себя хорошо?

– На мой взгляд – да, но ведь ты знаешь, брат, что у меня есть обыкновение пресекать любую фамильярность, добиваться почтения и внушать уважение. Тем не менее, будучи жен-

²⁷ Черные сабо, вполне качественные и приличные (фр.).

²⁸ Дороги (фр.).

²⁹ Вот это была бы новость! (фр.)

щиной пронизательной, я вижу, что Каролине свойственны недостатки, с которыми нужно усиленно бороться.

– Налей мне еще кофе напоследок и позабавь рассказом о ее прегрешениях!

– Дорогой брат, приятно видеть, что после утомительной ночи ты кушаешь с удовольствием. Так вот, Каролина – девушка испорченная, однако под влиянием моего авторитета и почти материнской заботы она еще может исправиться. Есть в ней порой некая скрытность, которая мне не по душе, потому что в результате ей не достает девичьей кротости. Вдобавок Каролине свойственны пылкие порывы, и это выводит меня из себя. Впрочем, по большей части она молчалива, грустна и погружена в размышления. Не сомневаюсь, что со временем мне удастся сделать из нее степенную и благовоспитанную леди, искоренив ее непонятную задумчивость. Не одобряю я этой невнятицы!

– Гортензия, я не понял ни слова! Что ты имеешь в виду под «пылкими порывами»?

– Пожалуй, лучше объяснить на примере. Как ты знаешь, иногда для отработки произношения я задаю ей учить французскую поэзию. За время своего обучения она прочитала много Корнеля и Расина, причем весьма ровным, рассудительным тоном, что я вполне одобряю. Однако порой Каролина проявляет вялость и неуважение к этим прославленным авторам, сдержанность уступает место равнодушию, а вынести его в своих учениках я не в силах, к тому же оно совершенно неуместно в изучении классиков! Недавно я вручила ей томик коротких стихотворений-однодневок и послала ее к окну выучить что-нибудь из них наизусть. И что ты думаешь? Вскоре она принялась судорожно перелистывать странички, кривя губы с явным пренебрежением. Я сделала ей замечание. «*Ma cousine*, – ответила она, – *tout cela m'ennuie à la mort*»³⁰. Я сказала ей, что леди так выражаться не подобает. «*Dieu!* – воскликнула она, – *il n'y a donc pas deux lignes de poésie dans toute la littérature française?*»³¹ Я потребовала объяснить, что она имеет в виду. Тогда Каролина с надлежащей покорностью извинилась и вскоре снова пришла в себя. Я видела, как она улыбается над книгой. Прилежно принялась что-то учить и через полчаса подошла, сложила руки, как я того требую, и начала декламировать стишок Шенье – «*La Jeune Captive*»³². Если бы ты слышал, в какой манере она это проделала и как прошептала пару сбивчивых замечаний после, ты бы понял, что я имею в виду под «пылкими порывами»! Можно подумать, что Шенье трогает за душу больше, чем Корнель и Расин вместе взятые. Будучи человеком острого ума, брат, ты распознал бы в этом несурзном предпочтении сумасбродность ума. Впрочем, Каролине повезло с наставницей: я дам ей систему, научу думать и снабжу набором мнений, которые позволят обрести полный контроль над своими чувствами!

– Ничуть не сомневаюсь, Гортензия. А вот и Каролина! Я видел, как за окном мелькнула ее тень.

– Ах! Верно. Она пришла слишком рано – занятие только через полчаса. Дитя мое, что привело тебя сюда до того, как я успела позавтракать?

Вопрос был обращен к вошедшей девушке, укутанной в зимнюю накидку, полы которой изящно облегли стройную фигурку.

– Я так спешила узнать, как ваши дела, Гортензия, да и о Роберте тоже волновалась! Ведь наверняка вы оба горюете из-за вчерашнего. Я услышала только сегодня утром. Дядя рассказал за завтраком.

– Ах, это чудовищно! Ты нам сочувствуешь? Твой дядя тоже?

– Мой дядя ужасно зол! Неужели он ездил вместе с Робертом на пустошь под Стилбро?

³⁰ Кузина, это нагоняет на меня смертельную тоску (фр.).

³¹ Боже! Неужели во всей французской поэзии не найдется пары стоящих строк? (фр.)

³² «Юная пленница» (фр.).

– Да, Каролина, мы выехали как настоящий боевой отряд, однако пленники, которых мы отправились освобождать, встретили нас на полпути.

– Надеюсь, никто не пострадал?

– Нет, только у Джо Скотта ссадины на запястьях из-за того, что его скрутили слишком крепко.

– Тебя там не было? Тебя ведь не было возле фургонов, когда на них напали?

– Нет. Редко бывает, что удастся присутствовать при событиях, в которых желаешь принять участие.

– Куда ты собираешься сегодня? Я видела, что Мергатройд седлает твою лошадь.

– В Уиннбери, на рынок.

– Мистер Йорк тоже поедет. Я встретила сейчас его двуколку. Возвращайся с ним вместе, Роберт!

– Почему?

– Вдвоем лучше, чем одному, а мистера Йорка все любят – по крайней мере, беднота уважает.

– Значит, он послужит защитой мне, которого все ненавидят?

– Скорее недопонимают. Пожалуй, так будет вернее. Ты задержишься? Он часто задерживается, кузина Гортензия?

– Наверняка задержится. У Роберта нередко бывает много дел в Уиннбери. Ты захватила свою тетрадку, дитя мое?

– Да. Во сколько ты вернешься, Роберт?

– Обычно я приезжаю к семи часам. Хочешь, чтобы сегодня я приехал пораньше?

– Попробуй успеть к шести – теперь в это время не очень темно. К семи дневной свет гаснет совсем.

– Какая же опасность нависнет надо мной, Каролина, когда дневной свет угаснет? Что за угрозы таятся в темноте?

– Вряд ли я смогу облечь свои страхи в слова, но в данный момент мы все тревожимся о своих друзьях. Мой дядя называет эти времена опасными. И еще он говорит, что владельцев фабрик сейчас не любят.

– По-твоему, меня не любят больше прочих? Это известно всем. Ты не хочешь говорить прямо, зато в душе убеждена, что мне грозит участь Пирсона, которого подстрелили, причем не где-нибудь из-за изгороди, а в собственном доме, когда он поднимался по лестнице, собираясь лечь спать.

– Анна Пирсон показывала мне пулю, застрявшую в двери спальни, – мрачно произнесла Каролина, складывая накидку и пристраивая ее с муфтой на пристенный столик. – Между прочим, вдоль дороги в Уиннбери тянется живая изгородь, да еще нужно проехать через рощу возле Филдхеда. Ты же вернешься к шести?

– Непременно, – кивнула Гортензия. – Теперь, дитя мое, повтори заученный отрывок, пока я схожу замочить горох для пюре на обед.

Отдав распоряжение, она покинула гостиную.

– Значит, Каролина, ты считаешь, что у меня много врагов, и уверена, что друзьями я обделен?

– Не то чтобы обделен, Роберт. У тебя есть сестра и брат Луи, которого я никогда не видела, еще есть мистер Йорк и мой дядя – ну и, конечно, многие другие.

– Вряд ли ты смогла бы назвать еще хоть кого-нибудь, – улыбнулся Роберт. – Покажи мне свою тетрадь. До чего аккуратный почерк! Похоже, моя сестра весьма дотошный учитель. Она хочет вылепить из тебя настоящую фламандскую школьницу. Что за жизнь тебя ждет, Каролина? Что ты будешь делать со своим французским, рисованием и другими навыками, когда овладеешь ими?

– В том-то и дело! Когда Гортензия взялась меня учить, я не умела практически ничего. Что же касается моей судьбы, то ответа у меня нет. Думаю, буду жить с дядей и вести домашнее хозяйство, пока...

– «Пока» что? Пока он не умрет?

– Нет! Не надо так говорить! Я никогда не думаю о его смерти. Дяде всего пятьдесят пять лет. Я имела в виду иное – пока мне не придется заняться чем-нибудь другим.

– Туманная перспектива! Неужели она тебя устраивает?

– Раньше устраивала. Дети не особо склонны к размышлениям, точнее – их мысли крутятся вокруг вещей менее приземленных. Впрочем, в иные моменты меня далеко не все устраивает.

– Почему же?

– Я не работаю, точнее – ничего не зарабатываю.

– Так вот в чем дело, Лина. Значит, ты тоже хочешь зарабатывать деньги?

– Да. Мне нужно найти себе какое-нибудь занятие. Будь я мальчиком, было бы гораздо проще. Я бы с легкостью и удовольствием научилась настоящему делу и далеко пошла!

– И в каком же направлении?

– Я смогла бы обучиться деловым премудростям у тебя – мы же родственники, хотя и дальние. Начала бы работать у тебя в конторе, вела бухгалтерию и писала письма, пока ты едешь на рынок. Я знаю, ты хочешь разбогатеть, чтобы выплатить отцовские долги. Может, я сумела бы помочь тебе этого добиться.

– Помочь мне? Ты должна подумать и о себе.

– Про себя-то я не забываю, но разве можно думать только о себе?

– О ком же еще нам думать? Бедняки не имеют права на лишние привязанности, их долг – сосредоточиться на главном.

– Нет, Роберт!

– Да, Каролина. Бедность обязывает быть эгоистичным, пресмыкаться и тревожиться по пустякам. Порой сердце бедняка озарят некие лучи, оно отогреется и почувствует в себе силы, чтобы распуститься подобно весенней листве или даже покрыться цветами, однако он обязан подавить этот порыв и воззвать к благоразумию, которое обдаст его ледяным дыханием, будто северный ветер.

– И тогда никому не будет счастья!

– Говоря о бедности, я имею в виду не естественную, привычную бедность рабочего, а постыдное положение человека, обремененного долгами. Я измученный заботами негоциант, вечно пытающийся найти выход из практически безвыходной ситуации.

– Ты должен лелеять надежду, а не тревогу! Хватит постоянно думать о своих бедах! Не хочу досаждать тебе советами, только порой мне кажется, будто в твоих представлениях о счастье есть некий изъян, как и в твоей манере.

– Я весь внимание, Каролина.

– В твоей манере... – «Мужайся, Каролина, ты должна сказать правду!» – Так вот, в твоей манере, всего лишь в манере обращения с простыми йоркширцами.

– Похоже, тебе часто хотелось мне это сказать.

– Да, очень!

– Полагаю, изъян проистекает вовсе не из моих душевных качеств. Гордость тут ни при чем. Разве человеку в моем положении есть чем гордиться? Я всего лишь скуп на слова, невеселым и невесел.

– Ты обращаешься с рабочими так, будто они машины! Дома ведешь себя совсем по-другому.

– Для своих домашних я вовсе не чужой в отличие от этих английских деревенщин. Я мог бы изображать доброхота, только в фиглярстве не силен. Я считаю их безмозглыми и порочными; они чинят мне всяческие препятствия. Подобным обращением я воздаю им должное!

– Ты ведь не ждешь, что за это тебя будут любить?

– Вот еще!

– Ах! – воскликнула юная нравоучительница, качая головой и вздыхая. Этим возгласом она дала понять, что какой-то болтик внутри Роберта раскрутился, и она не в состоянии устранить неполадку.

– Пожалуй, я не очень привязчив. Мне вполне хватает узкого ближнего круга.

Каролина склонилась над грамматикой и отыскивала нужное правило с упражнениями.

– Роберт, ты не мог бы починить мне пару перьев?

– Сначала позволь разлиновать твою тетрадь, Каролина, а то у тебя строки вечно получаются косые... Ну вот. Теперь перья. Любишь поострее?

– Сделай так, как всегда чинишь Гортензии и мне, а не с широкими концами, как для себя.

– Будь я похож на Луи, остался бы дома и посвятил это утро тебе и твоим занятиям, однако мне нужно отправляться к Сайксу, на склад шерсти.

– Ты заработаешь деньги.

– Скорее потеряю.

Когда Мур закончил чинить перья, к садовой калитке подали оседланную и взнузданную лошадь.

– Ну вот, Фред уже ждет, пора ехать, но сначала схожу поглядеть, что там творится на южной границе участка.

Мур вышел из комнаты и отправился в сад позади фабрики. У освещенной жаркими лучами солнца стены вовсю пробивалась первая травка, распускались цветы – подснежники, крокусы и примулы. Мур собрал маленький букетик, окружил его листочками, вернулся в гостиную, достал из корзинки для рукоделия сестры шелковую нить, затем перевязал его и положил на письменный стол перед Каролиной.

– Хорошего тебе дня!

– Спасибо, Роберт. Чудесный букетик! Смотрю на него, и будто солнышко сверкает и ясное небо проглядывает. Тебе тоже хорошего дня!

Мур замер на пороге, словно хотел что-то добавить, но промолчал и вышел. У калитки он вскочил в седло, потом внезапно спешился, бросил поводья Мергатройду и вернулся в дом.

– Забыл перчатки, – пояснил он, беря что-то с пристенного столика, и как бы между прочим поинтересовался: – Каролина, тебя не ждут дома неотложные дела?

– У меня их не бывает. Миссис Рэмсден велела связать детские носочки для «еврейской корзинки», но это может подождать.

– Далась вам эта «еврейская корзинка»! И название выдумали удачное: баснословные цены при самом скромном содержимом вполне ему соответствуют. В уголках рта ты прячешь улыбку – значит, понимаешь все не хуже меня. Забудь про «корзинку» и погости денек у нас! Дядюшка ведь не станет предаваться грусти в твое отсутствие?

– Нет, – улыбнулась Каролина.

– Так я и думал. Тогда оставайся и пообедай с Гортензией, она будет рада, если ты составишь ей компанию. А вечером немного почитаем вслух. Луна появится примерно в половине девятого, я провожу тебя до дому часов в девять. Согласна?

Она радостно кивнула. Мур промедлил немного. Он склонился над столом Каролины и заглянул в ее грамматiku, попробовал пальцем перо, повертел в руках букетик. Лошадь нетерпеливо била землю копытом, Фред Мергатройд многозначительно покашливал у калитки, недоумевая, почему хозяин не идет.

Мур еще раз пожелал кузине хорошего дня и наконец удалился.

Гортензия вернулась в гостиную минут через десять и с удивлением обнаружила, что к упражнениям Каролина даже не приступила.

Глава 6. Кориолан

В то утро мадемуазель Мур досталась весьма рассеянная ученица. Каролина постоянно пропускала мимо ушей объяснения наставницы. Несмотря на суровые упреки в невнимательности, настроение у нее оставалось безоблачным. Она сидела у окна, и казалось, будто впитывает не только весеннее тепло, но и ласковое воздействие солнечного света, благодаря которому становится счастливой и красивой. Сегодня Каролина выглядит хорошенькой, как никогда, и смотреть на нее одно удовольствие.

Надо заметить, что она не лишена дара красоты. Каролина невероятно хороша собой и нравится всем с первого взгляда. Девичьи формы вполне соответствуют ее возрасту – стройная, гибкая, ладно сложенная, все при ней: выразительное и нежное лицо, прелестные губы, а дивные большие глаза порой озаряются сиянием, способным проникнуть прямо в душу и расположить к себе. Прекрасная кожа, роскошные каштановые волосы, которые она умеет изящно завивать в прическу; лежащие на плечах локоны ей к лицу. Одевается Каролина со вкусом: несмотря на скромный фасон и недорогую материю, ее наряды по цвету и крою ей очень идут, подчеркивая достоинства фигуры. Сегодня она в коричневом платье из мериносовой шерсти того же мягкого оттенка, что и ее локоны, маленький воротничок оживляет розовая ленточка, впереди повязанная бантом. Других украшений девушка не носит.

Ну вот и все о внешности Каролины. Что касается характера и ума, если таковые у нее имеются, то в положенное время они сами себя проявят.

Ее историю можно изложить в двух словах. Родители не сошлись характерами и расстались вскоре после рождения ребенка. Мать Каролины – сводная сестра отца мистера Мура, поэтому, хотя по крови они не родные, в каком-то смысле ее можно считать дальней кузиной Роберта, Луи и Гортензии. Отец Каролины – брат мистера Хелстоуна – обладал тяжелым характером, и родственники предпочитают его не вспоминать, поскольку смерть сводит все счеда. Жена была с ним несчастна. Слухи о его семейной жизни, весьма достоверные, придали правдоподобия и слухам о его брате, который отличается гораздо более твердыми моральными устоями.

Матери Каролина не видела почти с рождения, отец умер в сравнительно молодом возрасте, и единственным ее опекуном стал дядя, приходской священник. Как мы уже знаем, ни по характеру, ни по образу жизни мистер Хелстоун не слишком годится для воспитания юной девицы. Он мало заботится об ее образовании – пожалуй, ему вообще не пришло бы в голову им заняться, если бы Каролина сама не поняла, что ей не уделяют должного внимания, и не стала напоминать о себе и своих скромных нуждах, стремясь получить хотя бы минимальный запас знаний. И все же она с огорчением чувствовала ущербность и понимала, что девушки ее возраста и положения обладают большими знаниями и навыками, поэтому с восторгом откликнулась на любезное предложение кузины Гортензии, сделанное вскоре по прибытии той в дом у лощины, обучать ее французскому языку и рукоделию. Мадемуазель Мур в свою очередь тоже обрадовалась, потому что эти занятия придали ей значимости: ей понравилось иметь в подчинении столь способную ученицу. На первых порах она сочла Каролину совершенно невежественной, и когда девушка начала делать успехи, сразу приписала их вовсе не ее таланту и стараниям, а своей превосходной методике преподавания. Обнаружив, что неопытная в бытовых делах ученица обладает разнообразными, хотя и отрывочными знаниями в самых различных областях, Гортензия ничуть не удивилась и сочла, что кладезем этих сокровищ стало общение с наставницей. Разубедить ее не могло даже то, что Каролина многое знала о предметах, от которых сама Гортензия была совсем далека. При всей нелогичности идея эта крепко засела в голове мадемуазель Мур.

Гортензия гордилась тем, что обладает *un esprit positif*³³, и любому развлечению предпочитала сухую цифирь, поэтому держалась с ученицей строго. Она без устали гоняла ее по грамматике французского языка, заставляя заниматься нескончаемыми *analyses logiques*³⁴ – самым эффективным упражнением, которое смогла изобрести. Эти *analyses* ни в коей мере не служили Каролине источником удовольствия; она полагала, что вполне освоила бы французский и без них, и очень жалела времени, убитого на *propositions, principales* и *incidentes*³⁵, на определение *incidente determinative* или *incidente applicative*³⁶ и на разграничение предложений на *pleine, elliptique* или *implicite*³⁷. Порой впадала в полную растерянность и тогда, воспользовавшись отсутствием Гортензии (та частенько перетряхивала и перекладывала содержимое платяных шкафов наверху, предаваясь этому занятию большую часть дня), шла с учебником к Роберту в контору и с его помощью постигала нелегкую науку.

Мур обладал ясным и спокойным складом ума. Стоило ему лишь взглянуть на незначительные затруднения Каролины, как они сразу исчезли. Решение головоломки он выдавал буквально в двух словах. Если бы Гортензия могла учить с той же легкостью, насколько быстрее продвигалось бы обучение Каролины! Одарив кузена восхищенной и благодарной улыбкой, брошенной скорее к его ногам, чем в лицо, она неохотно возвращалась в дом и садилась за упражнение или задачу (мадемуазель Мур учила Каролину также и арифметике) и вздыхала, что природа не создала ее мальчиком, ведь тогда бы она попросилась клерком к Роберту и работала рядом с ним в конторе, вместо того чтобы сидеть с Гортензией в гостиной.

Иногда, хотя и редко, Каролина оставалась в доме у ложины на весь вечер. Бывало, во время этих визитов Мур уезжал на рынок, к мистеру Йорку или сидел с посетителем в другой комнате. А порой он не занимался ничем и мог поговорить с Каролиной. И в такие вечера во всей Англии не нашлось бы гостиной приятнее той, где собрались эти трое. Когда Гортензия не изображала строгую наставницу, не стряпала и не устраивала разнос прислуге, нрав ее смягчался. Под вечер она расслаблялась и бывала весьма добра к своей юной кузине англичанке. Если же попросить ее сыграть на гитаре и что-нибудь спеть, она приходила в совсем уж прекрасное расположение духа. Поскольку музицировала Гортензия искусно, а голос у нее был хорошо поставлен, слушать ее можно было не без удовольствия, а если бы не церемонность и напыщенность, которые неизменно отражались на манере исполнения и проступали в выражении лица, слушать ее было бы сплошным удовольствием.

Сбросив бремя дневных забот, Мур если и не оживлялся сам, то весьма благосклонно наблюдал за своей оживленной кухней, слушал внимательно и с готовностью отвечал на вопросы. Каролине нравилось сидеть рядом с ним, что-нибудь рассказывать или просто на него смотреть. Иногда он и сам приходил в почти веселое настроение и становился ласковым и дружелюбным.

Увы, на следующее утро Мур снова превращался в ледышку. Как бы ни были приятны ему эти тихие совместные вечера, он никогда не настаивал на их повторении. Данное обстоятельство озадачивало его наивную кузину. «Если бы у меня имелась возможность счастливо провести время, я пользовалась бы ею всю. И уж точно не дала бы ей пылиться и ржаветь в углу неделями!»

Тем не менее Каролина отнюдь не спешила претворять свою теорию в жизнь. Как бы ей ни нравились совместные вечера, она не являлась без приглашения. Довольно часто отвечала отказом на предложение Гортензии, если Роберт к ней не присоединялся или делал это без

³³ Положительный настрой (фр.).

³⁴ Логический анализ (фр.).

³⁵ Главные и второстепенные предложения (фр.).

³⁶ Придаточные определительные или аппликативные (фр.).

³⁷ Полные, неполные или эллиптические (фр.).

достаточного энтузиазма. В то утро он впервые пригласил ее сам, а потом был к ней так добр, что хорошего настроения Каролине хватило на целый день.

Утро прошло как обычно. Мадемуазель словно угорелая носилась из кухни в гостиную, то распекая Сару, то проверяя упражнения Каролины или слушая, как она рассказывает урок. Невзирая на безупречность выполнения заданий, до одобрения она не снисходила никогда, поскольку считала, что похвала совершенно несовместима с высоким званием учителя, а вот порицание – неотъемлемая часть обучения. Верила, будто непрерывные нотации разной степени тяжести поддерживают авторитет учителя, и если урок Каролина отвечала без единой ошибки, то сразу получала выговор за неправильную осанку или выражение лица, за манеры или платье.

За обедом повторилась привычная сцена. Внеся блюдо в гостиную, Сара чуть не грохнула его об стол с таким выражением, будто хотела сообщить: «Подобной дряни мне подавать не доводилось, даже собаки на это не позарятся!» Несмотря на брезгливость Сары, еда оказалась довольно вкусной. Гороховый суп-пюре мадемуазель готовила сама, горько сетуя, что в дикой Англии нормального гороха не отыскать днем с огнем. Потом подали мясо: происхождения неизвестного – предположительно смесь разных сортов, – мелко порубленное, перемешанное с хлебными крошками и как следует приправленное, затем запеченное в форме – блюдо хотя и непривычное, но съедобное. К нему полагались овощи с зеленью, нарезанные весьма странным образом. Обед завершил пирог с фруктами, приготовленный по рецепту, который мадемуазель Жерар Мур унаследовала от своей *grand'mère*³⁸. Судя по вкусу, вместо сахара туда клали *mélasse*³⁹.

Каролина не возражала против бельгийской кухни, поскольку та вносила в привычное меню некое разнообразие. И очень кстати: прояви она хоть малейшее отвращение, навек впала бы в немилость к мадемуазель, которая не простила бы ей пренебрежения к своим национальным блюдам.

Вскоре после обеда Каролина уговорила кузину-наставницу подняться наверх, чтобы переодеться. Этот маневр требовал определенной сноровки. Ни в коем случае нельзя было даже намекнуть на то, что короткая юбочка, исподняя рубашка и папилютки неуместны для женщины ее положения, иначе мадемуазель наверняка заупрямилась бы и гордо носила их до самой ночи. Осторожно лавируя между подводными скалами и зыбучими песками, ученица под предлогом перемены обстановки увлекла свою учительницу на второй этаж, а уже в ее комнате заметила, что переодеться можно и сейчас, чтобы больше к этому не возвращаться. Пока та читала нотацию о тщетности погони за модой и превозносила свои заслуги в пренебрежении к нарядам, Каролина быстренько стянула с нее нижнюю рубашку, помогла надеть приличное платье, прикрепила воротничок, привела в порядок прическу и придала своей кузине вполне презентабельный вид. Увы, о финальных штрихах Гортензия позаботилась сама: туго обвязала горло шейным платком и напялила длинный черный фартук, как у прислуги. Без *fichu*⁴⁰ даме появляться неприлично, а фартук отличает хорошую хозяйку от неряхи. Видимо, она была уверена, что с помощью этих двух предметов помогает брату сохранить значительную часть его доходов. Гортензия собственноручно пошила два подобных приспособления и для Каролины, и это стало причиной единственной ссоры между кузинами, которая оставила в душе старшей из них горький осадок, потому как младшая наотрез отказалась от этих выгодных и элегантных подарков.

³⁸ Бабушка (*фр.*).

³⁹ Патока (*фр.*).

⁴⁰ Фишб (*фр.*) – тонкий треугольный или сложенный по диагонали квадратный платок из легкой ткани или кружев, прикрывавший шею и декольте.

– У меня платье под горло и воротничок, – пояснила Каролина, – в платке я буду задыхаться. Короткие переднички тоже вполне меня устраивают. Я предпочла бы ничего не менять.

Настырная Гортензия наверняка заставила бы ее поменять наряд, но тут вмешался Мур и заявил, что переднички Каролины вполне годятся, к тому же, насколько он может судить, она еще не взрослая и обойдется без фишю, учитывая, что локоны у нее длинные и закрывают шею. Против мнения Роберта было не поспорить, поэтому сестре пришлось уступить, однако она крайне осуждала утонченные наряды Каролины, подчеркивающие ее женственность. Добротную и невзрачную одежду Гортензия считала *beaucoup plus convenable*⁴¹.

Вторую половину дня кузины занимались рукоделием. Мадемуазель, как и большинство бельгиек, иголкой владела весьма искусно. Она ничуть не считала пустой тратой времени посвящать бесконечные часы вышивке, портить глаза плетением кружев или вывязыванием узоров на спицах, но превыше всего ценила штопку. Гортензия могла спокойно потратить целый день на пару дырочек в дырявом чулке и с гордостью полагать, что достойно выполнила свой женский долг. После французской грамматики это была вторая горесть, омрачавшая жизнь Каролины, которой приходилось осваивать и нелегкую иностранную науку, требовавшую скрупулезно класть стежок за стежком, искусно подражая оригинальному плетению нитей. Изнурительное занятие, почитаемое Гортензией Жерар и многими поколениями ее предшественниц наипервейшим долгом женщины! Когда сама она еще носила детский чепчик на маленькой черноволосой головке, мать тоже вручила ей иголку, нитку и пугающе драный чулок; свидетельство ее *hauts faits*⁴² стало достоянием публики прежде, чем Гортензии исполнилось шесть лет. Обнаружив, что Каролина абсолютно несведуща в важнейшем из искусств, ее кузина едва не заплакала от жалости при виде столь запущенного случая.

Она отыскала пару чулок без малейших признаков пяток и усадила невежественную англичанку за работу. Миновало несколько лет, а чулки по-прежнему обитали в корзинке для рукоделия Каролины. Она делала пару стежков каждый день – в виде наказания за грехи. Починка жутких обносков была тяжким бременем, и она с радостью бросила бы их в камин. Однажды Мур увидел, как кузина сидит и вздыхает, и предложил устроить тайную кремацию у себя в конторе. Каролина хорошо знала, что соглашаться неразумно: в результате она получит очередную пару чулок – вероятно, в еще худшем состоянии. Она решила из двух зол выбрать более знакомое и привычное.

После обеда леди сидели и шили до тех пор, пока не устали глаза и пальцы, а одна из них окончательно не пала духом. Небо потемнело и снова разразилось проливным дождем. В сердце Каролины начал закрадываться страх, что Сайксу или Йорку удастся убедить Роберта задержаться в Уиннбери, чтобы переждать непогоду, которой, казалось, конца не будет. Прошло пять, из туч лило как из ведра. В стропилах гулко шумел ветер, наступал вечер. В сгустившихся сумерках огонь в камине пылал ярко-красным.

– Распогодится не раньше, чем луна взойдет, – изрекла мадемуазель Мур, – поэтому я убеждена, что брат задержится. Было бы досадно, вздумай он поступить иначе. Выпьем же кофе и не станем дожидаться Роберта понапрасну.

– Я устала. Можно мне отложить работу, кузина?

– Да, при таком свете от нее все равно толку мало. Сложи и убери шитье в сумочку, потом иди в кухню и прикажи Саре накрывать к *goûter*, или к чаю, как вы его называете.

– До шести время есть! Он еще может приехать.

– Говорю тебе: нет. Я слишком хорошо знаю своего брата и умею предвидеть любые его перемещения.

⁴¹ Намного более подходящей (фр.).

⁴² Героический поступок (фр.).

Все мы знаем, как утомительно ожидание и каким горьким бывает разочарование. Каролина послушно поплелась в кухню. На столе Сара кроила себе платье.

– Тебя просят принести кофе, – тихо произнесла юная леди, облокотившись о каминную полку и опустив голову.

– Вы совсем сникли, мисс! И все из-за того, что кухня заставляет вас столько работать. Как же ей не стыдно!

– Ну что ты, Сара, дело не в этом, – возразила Каролина.

– Еще как в этом! Вы чуть не плачете, и все из-за того, что просидели сиднем целый день. Даже котенок загрустит, если не пускать его на улицу.

– Сара, твой хозяин часто возвращается с рынка пораньше, если идет дождь?

– Никогда такого не было, сегодня – другое дело!

– То есть?

– Он уже вернулся. Я сама видела минут пять назад Мергатройда с хозяйской лошастью в поводу, когда бегала за водой на задний двор. Думаю, мистер Мур сейчас в конторе с Джо Скоттом.

– Ты ошибаешься!

– Уж я-то хозяйскую лошадь знаю.

– Но самого хозяина не видела?

– Зато слышала. Он объяснил Джо Скотту про новые станки, насчет которых договорился на следующую неделю, и про четырех солдат из Стилбро для надежности.

– Сара, ты платье кроишь?

– Да. Красивое, правда?

– Чудесное! Приготовь кофе, а я помогу тебе выкроить рукав и дам чего-нибудь для отделки. У меня есть узкая атласная ленточка, которая подойдет сюда по цвету.

– Вы очень добры, мисс!

– Будь умницей, поторопись! И поскорее поставь хозяйские туфли к огню, чтобы ему сразу переобуться в теплое. Вот и он идет!

– Мисс, вы не там режете!

– Ой, и правда! Ну да ничего, не успела испортить.

Дверь открылась, вошел Мур – промокший и замерзший. Каролина на мгновение отвлеклась от кройки, потом снова опустила голову. Она тщетно пыталась успокоиться и придать лицу бесстрастное выражение. Наконец встретившись с Муром взглядом, Каролина радостно просияла:

– Мы тебя и ждать перестали! Все уверяли, будто ты не приедешь.

– Я же обещал, что вернусь скоро. Ты-то надеялась?

– Нет, Роберт, не в такую непогоду. Ты промок и замерз! Иди переодеваться. Если ты простудишься, я... то есть мы с твоей сестрой не простим себе этого!

– Плащ у меня непромокаемый, так что нужно только переобуться в сухое. До чего приятно постоять у огня после ветра с дождем!

Мур стоял у очага рядом с Каролиной, наслаждался теплом и рассматривал начищенную медную посуду. Затем Мур увидел взволнованное личико Каролины, обрамленное шелковистыми локонами, и сияющие от счастья ясные глаза. Сара ушла с подносом в гостиную и задержалась, выслушивая отповедь хозяйки. Мур обнял юную кухню за плечи, склонился и поцеловал в лоб.

– Ах! – воскликнула она, будто поцелуй вернул ей дар речи. – Я так боялась, что ты не приедешь! Зато теперь я счастлива! А ты счастлив, Роберт? Тебе нравится возвращаться домой?

– Да. По крайней мере, сегодня.

– Ты уж не переживаешь из-за своих станков, дел и войны?

– Сейчас нет.

– Дом у лощины больше не кажется тебе слишком тесным и унылым?

– Уже – нет.

– Тебе больше не досадно, что богатые и сильные мира сего про тебя позабыли?

– Довольно! Зря ты думаешь, что мне есть до них дело. Я лишь хочу заработать денег и добиться положения в обществе.

– С твоими способностями и добродетелями это будет несложно! Ты рожден, чтобы стать сильным мира сего, и ты им станешь!

– Если ты говоришь от чистого сердца, то как, по-твоему, мне добиться успеха? Впрочем, я прекрасно знаю, что ты посоветуешь. Вот только сработает ли? Эх, Лина, ты совсем не знаешь жизни!

– Зато я хорошо знаю тебя.

– Вот уж нет!

– Ты лучше, чем я думаю?

– Гораздо хуже!

– Нет, лучше! Я знаю, что ты хороший.

– С чего ты взяла?

– Я вижу, что ты хороший, и чувствую это.

– Чувствуешь?

– Да, всем сердцем!

– Лина, ты судишь меня сердцем, а нужно – рассудком.

– И рассудком тоже, поэтому я тобой очень горжусь. Роберт, ты даже не догадываешься, сколько я о тебе думаю!

Смуглое лицо Мура залилось краской, крепко сжатые губы сложились в улыбку. В глазах заплескали искорки, однако он изогнул бровь с самым серьезным видом.

– Напрасно ты придерживаешься столь лестного мнения, Лина, – заявил Мур. – Мужчины вообще-то те еще мерзавцы. Причем ты даже не представляешь насколько! Мне ни к чему претендовать на то, что я лучше собратьев.

– Иначе я не питала бы к тебе столько уважения! Благодаря скромности я и считаю тебя человеком наидостойнейшим.

– Пытаешься мне льстить? – резко обернулся он, пристально вглядываясь ей в лицо.

– Нет, – мягко ответила Каролина, посмеиваясь над его внезапным порывом. Оправдываться далее она не сочла нужным.

– Тебе безразлично, что я думаю?

– Да.

– Ты так тверда в своих намерениях?

– Видимо, да.

– И в чем же они заключаются, Каролина?

– Я лишь хочу высказать то, что думаю, и сделать так, чтобы ты ценил себя больше.

– Уверив меня, что моя кузина – мой самый искренний друг?

– Вот именно. Роберт, я твой искренний друг!

– А я... Впрочем, поживем – увидим, Лина.

– Надеюсь, хотя бы не враг?

В кухню ворвались Сара со своей хозяйкой, и Роберт не ответил. Женщины заспорили из-за *café au lait*⁴³, который Сара обозвала полным бредом и переводом даров Всевышнего,

⁴³ Кофе, сваренный на молоке (фр.).

«поскольку кофе надо варить в воде», на что мадемуазель возразила, что это *un breuvage royal*⁴⁴ и что Сара из-за своей невежественности не способна оценить его.

Прежние обитатели кухни потихоньку выскользнули в гостиную. До того, как Гортензия к ним присоединилась, Каролина успела лишь повторить свой вопрос: «Надеюсь, хотя бы не враг?» – на что Роберт с дрожью в голосе воскликнул: «Разве я смог бы?» Затем он расположился у стола и усадил ее рядом.

Каролина едва заметила бурное негодование мадемуазель, когда та к ним присоединилась; ее длинная тирада на тему *conduite indigne de cette méchante créature*⁴⁵ прозвучала ничуть не более вразумительно, чем звяканье фарфоровой посуды. Роберт немного посмеялся над бедами Гортензии – впрочем, весьма сдержанно, – потом вежливо попросил ее успокоиться и предложил в качестве утешения выбрать себе в служанки любую девушку с его фабрики. Однако выразил сомнение, что сестру устроит подобный выбор, поскольку большинство из них не имеют ни малейшего понятия о работе по дому, и дерзкая своенравная Сара, при всех ее недостатках, ничуть не хуже прочих представительниц своего класса.

Мадемуазель признала справедливость этого довода: по ее словам, *ces paysannes anglaises étaient tout insupportables*⁴⁶. Что она только не отдала бы за *bonne cuisinière anversoise*⁴⁷ – в высоком чепце, короткой юбочке и скромных *sabots*, приличествующих ее классу, – куда как лучше, чем дерзкая вертихвостка в платье с оборками и с непокрытой головой! Видимо, Сара не разделяла мнения святого Павла, что женщине ходить с непокрытой головой неприлично, и придерживалась противоположной точки зрения, наотрез отказываясь заключать в льняной или муслиновый чепец роскошные золотистые волосы, которые любила закалывать гребнем на затылке, а по воскресеньям завивала в кудри.

– Может, поищем для тебя девушку из Антверпена? – предложил Мур, который на людях держался строго, к своим же домашним был очень добр.

– *Merci du cadeau!*⁴⁸ – раздалось в ответ. – Девушка из Антверпена не протянет здесь и десяти дней, ведь над ней станут насмехаться все твои фабричные *soquinas*⁴⁹. – Гортензия немного смягчилась. – Ты очень добр, дорогой брат! Прости, что вышла из себя. Мои житейские испытания действительно суровы – видимо, так уж суждено. Помню, как мучилась наша покойная матушка, хотя к ее услугам были лучшие девушки Антверпена. Похоже, прислуга везде испорченная и расхлябанная!

Мур также помнил о мучениях матушки с прислугой. Матерью она была хорошей, и он чтит ее память, однако прислуге в Антверпене она частенько задавала жару, как и его преданная сестрица в Англии. Поэтому он промолчал и, когда со стола убрали, решил потешить Гортензию, достав ноты и гитару. Вручив инструмент сестре и перекинув ей ленту через шею с самой нежнейшей заботой, Мур попросил ее исполнить любимые песенки их матушки. Это нехитрое средство неизменно приводило Гортензию в прекрасное настроение.

Ничто не облагораживает нас так, как любовь. Семейный разлад уродует душу, семейное единение – возвышает. Довольная и благодарная Гортензия преобразилась, едва коснувшись струн гитары, сделавшись почти грациозной и красивой. От привычной раздражительности не осталось и следа, на смену ей пришла *sourire plein de bonté*⁵⁰. Она пела с глубоким чувством, ведь эти песни напоминали ей и о матери, к которой испытывала глубокую привязанность, и об ушедшей юности. Гортензия заметила, что Каролина слушает с интересом, и это прибавило

⁴⁴ Королевский напиток (фр.).

⁴⁵ Недостойного поведения дрянной девчонки (фр.).

⁴⁶ Англичанки рабочего класса просто невыносимы (фр.).

⁴⁷ Хорошую антверпенскую кухарку (фр.).

⁴⁸ Спасибо за подарок! (фр.)

⁴⁹ Плутовки (фр.).

⁵⁰ Улыбка, полная доброты (фр.).

ей благодушия, а восклицание: «Хотела бы я петь и играть, как Гортензия!» – окончательно решило дело и растопило ее сердце на весь вечер.

Разумеется, без небольшой нотации о тщете желаний и необходимости упорного труда не обошлось. Гортензия напомнила кузине, что как Рим строился не за один день, так и свое образование мадемуазель Жерар Мур получила вовсе не за неделю и не только благодаря одному желанию стать умной. Это выдающееся достижение стоило ей огромных усилий. Она всегда отличалась упорством и трудолюбием, учителя неизменно восхищались ею и сходились в одном: редко можно встретить талант такой силы в сочетании с прилежностью, и так далее и тому подобное. Говорить о своих заслугах мадемуазель могла часами.

Наконец Гортензия достигла состояния блаженного самодовольства, утихла и взялась за вязание. Опущенные шторы, ярко пылающий камин, мягкий свет лампы придали маленькой гостиной особое вечернее очарование. Вполне вероятно, что его ощущают все трое присутствующих. Вид у них счастливый.

– Чем займемся теперь, Каролина? – спросил Мур, снова сев рядом с кузиной.

– И чем же, Роберт? – задорно воскликнула она. – Выбирай!

– В шахматы играть не будем?

– Нет.

– В шарады и триктрак тоже?

– Нет-нет! Мы оба терпеть не можем тихие игры, в которые играют лишь бы занять руки!

– Пожалуй. Тогда, может, посплетничаем?

– О ком же? Вряд ли нам интересен кто-нибудь настолько, чтобы разбирать его по косточкам.

– Тонко подмечено. Я вынужден отказаться по той же причине.

– Вот именно! Странно, что нам вовсе не нужен третий... то есть четвертый, – поспешно добавила она, оглянувшись на Гортензию, – мы столь самодостаточны в своем счастье и не желаем делить его ни с кем из ныне живущих, однако приятно было бы обратиться к прошлому, услышать голоса тех, кто уже много поколений спит в могилах, давно ставших садами и полями, поговорить с ними, узнать их мысли и чувства.

– Кому же мы станем внимать? На каком языке? На французском?

– Роберт, твоим французским предкам несвойственно вещать ни столь благозвучно, ни столь возвышенно и в то же время метко, как твоим английским прародителям. Сегодня ты станешь чистокровным англичанином! Ты будешь читать английскую книгу.

– Старинного английского автора?

– Да, и ты его очень любишь. А я выберу произведение, которое тебе созвучно. Оно пробудит твою натуру, искусной рукой коснется струн сердца и заставит их зазвенеть. Роберт, твое сердце подобно лире, однако твое бремя – плохой менестрель, и струны слишком часто молчат! Пусть Шекспир пробудит их ото сна! Увидишь, как он всколыхнет дремлющую в твоём сердце силу и заставит его зазвучать по-английски!

– Я должен читать Шекспира?

– Ты должен воскресить его дух, услышать голос в своем сердце, обрести частичку его души!

– С расчетом на то, чтобы я стал лучше? Вроде как после проповеди?

– Он тебя взбудоражит, подарит новые ощущения. Благодаря Шекспиру ты почувствуешь себя живым, откроешь в своем сердце не только достоинства, но и пороки и душевные изъяны!

– *Dieu! que dit-elle?*⁵¹ – воскликнула Гортензия, которая сосредоточенно считала петли, не обращая внимания на разговор. Однако последние слова оскорбили ее слух.

⁵¹ Боже! О чем она говорит? (фр.)

– Не обращай внимания, сестра. Сегодня пусть говорит все, что хочет. Каролина порой любит накидываться на твоего брата. Меня это забавляет.

Каролина, взобравшись на стул, шарила на верхних полках шкафа. Наконец она вернулась с книгой.

– Вот Шекспир, а вот «Кориолан». Теперь читай, и сразу узнаешь, насколько ты ничтожен и насколько велик!

– Тогда садись со мной рядом и поправляй, если ошибусь.

– Значит, я буду учителем, а ты учеником?

– *Ainsi, soit-il!*⁵²

– Шекспир станет нашей наукой?

– Наверное.

– И ты обещаешь не вести себя как француз, не быть скептическим и не насмехаться? Перестанешь воображать, будто отказ восхищаться Шекспиром – проявление мудрости?

– Не знаю.

– Если так, я заберу у тебя книгу, обижусь, надену шляпку и уйду домой!

– Садись, я начинаю.

– Будь добр, подожди минутку, брат, – вмешалась мадемуазель. – Когда джентльмен читает в кругу семьи, леди всегда рукодельничают. Каролина, дитя мое, берись за вышивание. Может, ты успеешь вышить целых три веточки за вечер.

Каролина ужаснулась:

– При свете лампы ничего не видно, глаза устали, и я не могу делать две вещи одновременно! Если буду вышивать, то ничего не услышу, а если буду слушать, то не смогу рукодельничать.

– *Fi, donc! Quel enfantillage!*⁵³ – воскликнула Гортензия.

Мур, как всегда учтиво, вмешался:

– Позволь Каролине забыть про вышивку сегодня. Мне потребуется все ее внимание, чтобы она следила за моим произношением, а для этого она должна смотреть в книгу.

Томик Шекспира он положил между собой и кузиной, руку закинул на спинку ее стула и начал читать.

Первая же сцена «Кориолана» доставила Муру истинное наслаждение, и он быстро вошел во вкус. Кичливую речь Кая Марция голодающим гражданам Мур прочитал с выражением, и хотя не одобрил вслух его безрассудной гордыни, явно был с ним солидарен. Каролина с улыбкой посмотрела на Роберта.

– Вот тебе и первый изъяс, – заметила она. – Ты сочувствуешь горделивому патрицию, который презирает своих голодных сограждан и оскорбляет их. Читай дальше.

Мур продолжил чтение. Военные сцены его не вдохновили, он заявил, что они давно устарели и проникнуты духом варварства, однако бой Кориолана с Туллом Авфидием восхитил его. Увлечшись, Мур позабыл про критику: он явно оценил мощь и жизненность трагедии Барда; вырвавшись из узкой колеи личных предрассудков, он принялся упиваться масштабным изображением человеческой природы и подмечать, как оживают персонажи, говорящие с ним со страниц книги.

Комические сцены давались ему не очень хорошо, и Каролина прочитала их сама. В ее исполнении они наполнились смыслом, и Муру понравилось. Каролина вкладывала в них душу, в эти минуты ее было просто не узнать – будто в ней внезапно открылся дар декламатора. Следует отметить, что в тот вечер ее речи, будь они серьезные или шуточные, печальные или веселые, звучали непринужденно и порывисто, им была присуща неуловимая прелесть,

⁵² Да будет так! (фр.)

⁵³ Фу! Что за ребячество! (фр.)

которая проглядывает в проблеске метеора на темном небе, в сверкании росы, в расцветке или в очертаниях облаков на закате, в мерцании игристой ряби бегущего ручейка.

Кориолан в блеске славы, Кориолан в пору невзгод, Кориолан в изгнании – образы следовали один за другим подобно грандиозным теням. Похоже, изгнание Кориолана потрясло Мура до глубины души. Он словно перенесся к очагу в пиршественном зале Авфидия и увидел перед собой воочию легендарного патриция, в своем унижении еще более великого, чем в дни былой славы. Мур воображал его «грозный облик», мрачное лицо, на котором «читается привычка к власти», ему был виден из-под «изодранных снастей корабль могучий». Месть Кая Марция нашла у Мура горячее сочувствие и не вызвала ни малейшего возмущения. Каролина прошептала: «И снова я вижу изъян двух родственных душ».

Поход на Рим, мольбы матери, длительное сопротивление, окончательная победа над темными страстями, присущая личности благородной, ярость Авфидия на то, что он счел слабостью своего союзника, смерть Кориолана, печаль его великого врага – все сцены были написаны с такой поэтической мощью и жизненностью, что всецело увлекали ум и сердце и чтеца, и слушателя.

– Ну как, прочувствовал Шекспира? – спросила Каролина, после того как Мур закрыл книгу.

– Похоже на то.

– Узнал в себе какие-нибудь черты Кориолана?

– Возможно.

– Он ведь обладал и достоинствами, и изъянами!

Мур кивнул.

– И в чем же его вина? Почему Кориолана возненавидели сограждане? Что заставило их отправить его в изгнание?

– А как думаешь ты?

– Спрашиваю снова:

Быть может, в том была повинна гордость,
Которая нас портит в дни успеха,
Иль вспыльчивость, которая мешает
Использовать разумно цепь удач,
Иль то, что от рождения ему
Присущи непреклонность и упорство,
Из-за которых на скамьях сената
Он шлема не снимал и оставался
В дни мира столь же грозен, как в бою...⁵⁴

– Я послушаю твой ответ, сфинкс.

– В этом и суть! Ты не должен кичиться перед своими рабочими, тебе нужно проявлять к ним внимание и заботу, и еще не должен быть с ними таким суровым, ведь ты любую просьбу превращаешь в приказ!

– Вот, значит, какую мораль ты вывела из пьесы. Откуда в твоей головке берутся подобные мысли?

– Их диктует мне забота о твоём благе и безопасности, дорогой Роберт, а также страх. В последнее время многие считают, что ты попадешь в беду.

– Кто именно?

⁵⁴ Шекспир У. Кориолан. Акт IV, сцена 7.

– К примеру, мой дядя. Он восхищается твоей твердостью духа, целеустремленностью, презрением к недругам и отказом «угождать толпе».

– А ты полагаешь, что я должен ей угождать?

– Нет, ни за что на свете! Я не хочу, чтобы ты унижался, и в то же время мне кажется несправедливым мешать всех бедных рабочих в одну кучу, обзывать толпой и относиться к ним свысока.

– Каролина, а ты демократка! Что бы на это сказал твой дядя, доведись ему узнать?

– С дядей я разговариваю редко и вовсе не на такие темы. Все, что не касается шитья и кухни, он считает выше женского понимания.

– Думаешь, ты достаточно разбираешься в этих темах, чтобы давать мне советы?

– Я разбираюсь во всем, что касается тебя. Было бы гораздо лучше, если бы рабочие тебя любили, чем ненавидели, и я точно знаю, что доброта покорит их сердца скорее, чем гордость. Если бы ты держался гордо и холодно с Гортензией и со мной, разве бы мы любили тебя? Порой ты бываешь со мной холоден, и разве я рискую быть ласковой в ответ?

– Ладно, Лина, я получил урок и по языку, и по этике с налетом политики, теперь твоя очередь. Гортензия говорит, что тебя впечатлило какое-то стихотворение, которое ты учила наизусть – вроде бы бедного Андре Шенье, – «*La Jeune Captive*»⁵⁵. Ты еще его не забыла?

– Едва ли.

– Тогда рассказывай. Не торопись и следи за произношением!

Каролина начала декламировать тихим, чуть дрожащим голосом, но постепенно обрела уверенность. Последние строфы Шенье она передала особенно хорошо:

Прекрасный путь начав едва,
Сойду с дороги, где листва
Зеленых вязов вдаль манит.
На жизни пир сейчас попала
И чуть коснулась я бокала,
А смерть уж сердце леденит.

Хочу я увидеть не только весну,
Во всякую пору я солнце люблю,
Свой год хочу прожить до конца.
Застала лишь первый проблеск зари,
Сверкнул он росой на бутонах моих,
Свой день хочу прожить до конца!

Мур слушал, опустив голову, а потом украдкой взглянул на кузину. Он откинулся на спинку кресла и стал незаметно наблюдать за Каролиной. Щеки ее покраснелись, глаза заблестели, на лице появилось такое выражение, которое придало бы прелести даже невзрачным чертам. Впрочем, в ее случае об этом изъяне не могло быть и речи. Солнце роняло лучи вовсе не на бесплодную почву – оно ласкало цветущую юность. Все ее контуры преобразились, смотреть на девушку было одно удовольствие. В данный момент оживленную и растроганную прекрасными строками Каролину, пожалуй, можно было даже назвать красивой. Подобное лицо привлекает к себе не только спокойные чувства вроде уважения и некоторого восхищения, но и более нежные, теплые и глубокие – дружбу, симпатию и даже влечение. Закончив декламировать, Каролина повернулась к Муру.

⁵⁵ «Юная пленница» (фр.).

– Ну как, хорошо я рассказывала? – спросила она, улыбаясь словно счастливый послушный ребенок.

– Даже не знаю.

– Как это – не знаешь? Разве ты не слушал?

– И слушал, и смотрел. Значит, ты – любительница поэзии, Лина?

– Если мне попадается истинная поэзия, я не успокоюсь, пока не выучу стихотворение наизусть и оно не станет частью меня!

Мур долго хранил молчание. Пробило девять. Вошла Сара и сообщила, что за Каролиной явилась служанка мистера Хелстоуна.

– Вот и завершился наш вечер, – вздохнула Каролина. – Пройдет немало времени, прежде чем нам удастся повторить его.

Гортензия давно дремала над вязаньем и ничего не ответила.

– Ты не против бывать здесь почаще?

– Я люблю к вам приходить, но не хочу навязываться. Пойми меня правильно, Роберт, я вовсе не набиваюсь на приглашение!

– Прекрасно тебя понимаю, девочка. Порой ты читаешь мне морали за то, что я хочу разбогатеть, однако, будь я богат, мой дом стал бы твоим, где бы я ни жил.

– Это было бы чудесно, а если бы ты был беден – еще беднее, чем сейчас, – еще чудеснее! Доброй ночи, Роберт.

– Я обещал тебя проводить.

– Знаю, только я думала, что ты забудешь, и не решалась напомнить. Захочется ли тебе выходить из дому в такой холодный вечер? Фанни уже здесь, так что не стоит утруждаться.

– Вот твоя муфта. Тише, не разбуди Гортензию! Пойдем.

Полмили до дома приходского священника они преодолели быстро. Расстались в саду без поцелуя, едва пожав друг другу руки, и все же после ухода Роберта его кузина пребывала в радостном возбуждении. В тот день он был так добр к ней, причем не на словах, а на деле: доброта сквозила в его взгляде, в ласковом и дружелюбном поведении.

Что касается самого Мура, то он вернулся домой мрачным и приунывшим. Постоял в лунном свете, прислонившись к садовой калитке, посмотрел на опустевшую, темную фабрику, оглядел окруженную холмами долину и отрывисто воскликнул:

– Так не пойдет! Моя слабость все погубит! Впрочем, – проговорил он тише, – помешательство скоро отступит. Я прекрасно это знаю, так бывало и раньше. Завтра все закончится.

Глава 7. Кураты за чаем

Каролине Хелстоун восемнадцать лет, и в этом возрасте повесть жизни еще только начинается. До восемнадцати мы внимаем чудесной сказке – порой восхитительной, временами печальной и почти всегда бесконечно далекой от реальности. Наш зачарованный мир населен сказочными героями – полубогами и полудемонами, цветы пахнут слаще, фрукты неудержимо манят, пейзажи иллюзорны. Леса слишком дремучи, горы чересчур высоки, небеса несоизмеримо ярче, моря и реки гораздо опаснее, пустыни засушливее, просторы залиты более ярким солнцем, чем бывает в природе. Что за луна нам светит! Как трепещут наши сердца при виде ее неопишуемой красоты! Что же до нашего солнца, то оно – пылающие небеса, где обитают боги.

В восемнадцать лет к границам страны грез, нашей волшебной страны, подступают берега реальности. Они еще неблизко и так мягко, нежно голубеют вдаль, что манят нас с неодолимой силой. При солнечном свете в лазури проглядывает зелень весенних лугов, поблескивают серебром воды бегущих рек. Нам кажется, будто – стоит достичь той земли – не придется больше испытывать ни жажды, ни голода, хотя, прежде чем вкусить истинного блаженства, предстоит встретить на пути опасные дебри, гибельные омуты и реки печали, ледяные и черные как сама смерть. Радостей жизни приходится добиваться, о чем знает лишь тот, кто долго боролся за счастье. Красной испариной выступает на челе кровь сердца, прежде чем над ним зашелестит лавровый венок победителя.

В восемнадцать лет все это неведомо. Когда надежда улыбается и обещает счастье прямо завтра, мы верим ей безоговорочно. Когда любовь стучится в дверь, словно заблудший ангел, мы стремимся ее приветить и обласкать. Колчан мы пока не замечаем; если ее стрелы и проникают в наше сердце, то лишь будят в нем предвкушение новой жизни. Мы не боимся ни яда, ни зазубрин в ранах, которых не исцелить никакому лекарю. И эта пагубная страсть, что в иные моменты превращается в муку, для кого-то даже в бесконечную пытку, безоговорочно считается нами благом. В общем, в восемнадцать лет школу опыта только предстоит пройти и усвоить ее сокрушительно-тягостные, но при этом очищающие и закаляющие душу уроки.

Увы, опыт! Наставник с изможденным, застывшим ликом, в одеждах черных и с розгой в руках, с какой суровостью ты заставляешь новичка усваивать уроки, направляя его железным перстом. Лишь благодаря твоим урокам люди отыскивают верный путь в жизненных дебрях, а если их нет, то бредут наугад, постоянно сбиваясь с дороги. В какие проклятые земли они вторгаются, в какие глубокие пропасти срываются...

Расставшись с Робертом, Каролина не испытывала ни малейшего желания провести остаток вечера с дядюшкой. Комната, где он сейчас сидел, считалась его святая святых, и она редко осмеливалась туда вторгаться. Каролина тихонько ушла к себе и спустилась лишь после того, как позвонили к молитве. В доме мистера Хелстоуна неизменно проводилась вечерняя служба. Он монотонно читал требник, громко и четко выговаривая слова. После окончания обряда племянница по обыкновению подошла к нему пожелать доброй ночи.

– Где же ты болталась целый день – и в гости ходила, и обедала не дома?

– Я была у Муров.

– Уроки сделала?

– Да.

– А рубашку пошила?

– Почти.

– Что ж, и то хорошо. Почаще держи в руках иголку, учись шить рубашки и платья, печь пироги, и когда-нибудь станешь хорошей хозяйкой. Теперь иди спать. Мне нужно еще поработать над одной брошюрой.

Каролина ушла в свою спальню, заперла дверь на ключ, надела белый домашний халат и распустила волосы. Утомившись расчесывать локоны, она подперла подбородок рукой и задумчиво уставилась в пол, поглощенная теми чудными видениями, которые оживают перед нашим мысленным взором в восемнадцать лет.

Каролина с улыбкой прислушивается к этим видениям и даже отвечает им. Погруженная в приятные размышления, она сейчас особенно хороша, и еще прекраснее витающий в комнате дух юной надежды. Если верить этой сладкоголосой пророчице, то больше Каролине не придется испытывать холода разочарований, поскольку она вошла в пору летнего рассвета – для нее забрезжила не тусклая ложная заря, а истинное пробуждение солнца ее жизни, – и это солнце поднимается быстро. У нее и мысли нет, что ожидания могут оказаться ложными, ведь они покоятся на столь прочном фундаменте.

«Когда люди влюбляются, они непременно женятся, – рассуждает Каролина. – Я люблю Роберта и чувствую, что он любит меня! Раньше я об этом только догадывалась, сегодня же поняла окончательно. Прочитав стихотворение Шенье, я посмотрела ему в лицо (о, какие у Роберта красивые глаза!), и мне открылись его истинные чувства. Порой мне даже заговорить с ним боязно, ведь я боюсь разоткровенничаться и показаться навязчивой – о, сколько раз я сожалела о поспешности и опасалась, что скажу больше, чем следует, и он сочтет меня нескромной! Сегодня Роберт держался ужасно мило, и я могла говорить о чем угодно! Как он был добр, провожая меня до дому! Не льстил, не болтал глупостей. Его ухаживания – то есть проявления дружеских чувств, ведь я пока не считаю Роберта своим поклонником, хотя и надеюсь, что когда-нибудь он им станет, – ничуть не похоже на то, о чем я читала в книгах, оно несравнимо лучше и гораздо оригинальнее, в них ощущается спокойствие, мужественность, искренность. Роберт мне очень нравится, и если мы поженимся, то я стану прекрасной женой: буду указывать ему на недостатки (ведь у него их немало!) и при этом окружу заботой и нежностью, постараюсь сделать его счастливым. Я уверена, что завтра Роберт не будет холоден и наверняка либо придет сюда, либо пригласит меня к себе».

Каролина снова принялась расчесывать длинные волосы. Повернув голову, она посмотрелась в зеркало. Людей невзрачных собственное отражение отрезвляет: не видя в нем ни малейшего очарования, они понимают, что и на других оно не произведет никакого впечатления. Люди красивые приходят к иному выводу: лицо в зеркале очаровательно и, значит, должно очаровывать. Каролина рассмотрела свою фигурку, радостное личико и прикинула, что если написать портрет, то выйдет просто прелестно. Она получила лишнее подтверждение надеждам и легла спать в самом радостном расположении духа.

На следующее утро Каролина проснулась все в том же хорошем настроении. Войдя в утреннюю столовую дядюшки, она столь весело пожелала ему доброго утра, что даже этот суровый, словно вылитый из бронзы человечек заметил, что племянница становится «девушкой видной». Как правило, по утрам Каролина держалась тихо и робко, почти не поддерживая беседы, однако сегодня, вопреки обыкновению, ей хотелось поговорить о многом. Между собой дядя с племянницей касались только общих тем, потому как с женщиной – тем более с девушкой – мистер Хелстоун иначе не мог. Каролина успела прогуляться по саду и сообщила, какие цветы начинают всходить, осведомилась, когда придет садовник и приведет в порядок дорожки, рассказала про скворцов, что надумали вить гнезда на колокольне (церковь в Брайрфилде расположена рядом с домом приходского священника), и спросила, не отпугнет ли их колокольный звон.

Мистер Хелстоун полагал, что скворцов ничуть это не смутит, как и любых других дураков, которые быстро перестают замечать внешние неудобства, найдя себе пару. Благодаря радостному расположению духа Каролина расхрабрилась и позволила себе замечание, какое при иных обстоятельствах вряд ли отважилась бы высказать перед своим преподобным родичем.

– Дядя, почему-то вы всегда отзываетесь о браке с презрением. Не считаете ли вы, что жениться вообще не следует?

– Самое разумное – оставаться одиноким, особенно женщинам. Тут и говорить нечего!

– Неужели все браки неудачны?

– Почти все, только мало кто в этом признается.

– Вы неизменно досадуете, когда вам приходится венчать. Почему же?

– Брак – безумие чистой воды, и мне глубоко противно быть к этому причастным.

Судя по готовности отвечать на любые вопросы, мистер Хелстоун явно обрадовался случаю прочитать нравоучение юной племяннице. Ободренная видимой безнаказанностью, Каролина решила зайти еще чуточку дальше.

– Неужели обязательно безумие? Если двое любят друг друга, почему бы им не вступить в брак и не жить вместе?

– Совместная жизнь прискучит уже через месяц. Супружество – ярмо, а не веселый пикник!

На следующее замечание Каролину вдохновила вовсе не наивность, а чувство противоречия и желание возразить тому, кто придерживается настолько неприятных взглядов.

– Можно подумать, что вы никогда не были женаты, дядя. Рассуждаете, словно старый холостяк!

– На деле так оно и есть.

– Но ведь у вас была жена! Зачем же тогда вы вступили в брак?

– Наверное, нашло затмение. С кем не бывает!

– Значит, вам прискучила моя тетушка, вы прискучили ей, и вместе вы страдали?

Мистер Хелстоун цинично выпятил губу, нахмурился и усмехнулся.

– Она вам не подошла? У нее оказался тяжелый характер? Вы не приноровились друг к другу? Разве вам было не жаль, когда она умерла?

– Послушай, Каролина, – произнес мистер Хелстоун, медленно подняв руку и резко хлопнул по столу, – путать общее с частным – проявление дурного вкуса и ребячество! В каждом случае есть правило и есть исключение. Твои расспросы глупы и наивны. Если ты уже позавтракала, позвони служанке – пусть убирает со стола.

Покончив с завтраком, дядюшка и племянница обычно проводили время врозь и до обеда не встречались, но сегодня Каролина осталась в комнате и села в нише у окна. Мистер Хелстоун недоуменно покосился на нее пару раз, будто тяготился ее присутствием, однако она смотрела в окно и не обращала на него внимания. Он продолжил читать утреннюю газету, сегодня особенно интересную благодаря новостям с Пиренейского полуострова: новые продвижения войск и пространные донесения генерала Веллингтона. Вряд ли дядя догадывается, что за мысли бродят в голове племянницы, – мысли, которые утренняя беседа пробудила к жизни, хотя отнюдь не была причиной их возникновения. Сейчас они гудят, словно пчелы в растревоженном улье, однако зародились в ее сознании они уже много лет назад.

Каролина пытается осмыслить натуру дядюшки в свете его воззрений на брак. Она задумывалась об этом и прежде, поражаясь, насколько они отличаются от ее собственных взглядов, и всегда на краю разделяющей их пропасти ей видится зловещий призрак, маячащий позади него, – призрак ее отца, Джеймса Хелстоуна, брата Мэтьюсона Хэлстоуна.

До нее доходили слухи о нраве отца, в том числе намеки старых слуг, и она знала по себе, что он не был хорошим человеком и обращался с ней плохо. Каролина помнила пару недель, проведенных в каком-то большом городе, – что за мрачные воспоминания! Никто о ней не заботился, она сидела взаперти на чердаке, в комнатке с голым полом и почти без мебели, на кровати без полога; отец уходил рано утром и часто забывал покормить ее в течение дня, возвращался ночью и вел себя то как буйный безумец, то как безучастный недоумок, что пугало еще сильнее. Потом Каролина заболела, и однажды он ворвался в ее комнатку и завопил, что

убьет ее, ведь она для него обуза. На крики сбежались люди, и после своего спасения Каролина увидела отца лишь раз, уже в гробу.

Таким был ее отец. Мать у нее тоже была, однако мистер Хелстоун никогда о ней не заговаривал, и сама Каролина ее не помнила, хотя знала, что та жива. Итак, она вышла замуж за пьяницу. Каким же был этот брак? Каролина отвела взгляд от скворцов в саду и тихо промолвила:

– Наверное, вы считаете брак несчастьем, потому что видели, как жили вместе мои родители. Если моей матери довелось вынести от отца то же, что и мне, то жизнь у нее была ужасная!

Мистер Хелстоун резко повернулся и потрясенно уставился на племянницу поверх очков. Ее родители! С чего это ей взбрело в голову вспоминать родителей, о которых за последние двенадцать лет жизни в его доме она не слышала ни разу? Мистер Хелстоун представить не мог, что мысль эта появилась у Каролины не внезапно, что она вообще о них помнит или думает.

– Твои родители? Кто тебе говорил о них?

– Никто, просто я вспомнила папу, и мне стало жаль маму. Где она сейчас?

Этот вопрос готов был сорваться с губ Каролины сотни раз, однако прежде она не осмеливалась задать его.

– Откуда мне знать, – пожал плечами мистер Хелстоун, – мы были едва знакомы, и я не слышал о ней много лет. Где бы она сейчас ни находилась, до тебя ей дела нет: она никогда не пыталась о тебе разузнать. Вряд ли она вообще захочет с тобой увидеться... Разве кузина тебя не заждалась? Уже пробило десять.

Вероятно, Каролина спросила бы еще что-нибудь, но тут вошла Фанни и сообщила мистеру Хелстоуну, что пришли церковные старосты. Он поспешил к ним, а племянница отправилась на урок.

Дорога от дома приходского священника к дому у лошины тянулась под гору, и Каролина преодолела почти весь путь бегом. Прогулка на свежем воздухе, предвкушение встречи с Робертом или хотя бы возможность побыть в его доме быстро разогнали мрачные мысли. Завидев беленые стены и услышав фабричный грохот и шум воды, она сразу заметила у садовой калитки самого Мура. Он стоял в подпоясанной полотняной куртке и легком кепи в тон, и эта повседневная одежда ему очень шла. Мур смотрел на дорогу, только вовсе не в ту сторону, откуда спешила его кузина. Каролина остановилась, отступила за иву и принялась его разглядывать.

«Нет ему равных, – размышляла она. – Он красив так же, как и умен. И до чего пронителен! Какое у него одухотворенное лицо – художавое, серьезное и при этом изящное! Мне нравится в нем все. Роберт лучше этих пронырливых куратов, да и прочих мужчин вместе взятых! Ах, мой милый Роберт!»

И она бросилась к «милому Роберту» со всех ног, однако, завидев кузину, тот смутился. Будь он призраком, непременно уклонился бы от встречи. Увы, будучи человеком из плоти и крови, причем роста немаленького, ускользнуть Мур не смог. Он приветствовал ее сухо: как кузен, как брат, как друг – только не как возлюбленный. Очарование прошлого вечера не оставило на нем и следа: перед Каролиной предстал совсем другой человек, точнее – человек с другим сердцем. Какое жестокое разочарование! Сначала пылкая Каролина просто обомлела. Как трудно выпустить его руку, не дождавшись хотя бы легкого дружеского пожатия, как тяжело отвести от него взгляд, не приметив в глазах чего-то большего, чем простая вежливость...

Испытав подобное крушение надежд, влюбленный мужчина требует объяснений, влюбленная женщина не способна и слова сказать, иначе стыд ей и позор за несдержанность, за измену своей природе. Расплата последует неминуемо: рано или поздно презрение к себе пронзит ее словно молния. Женщина должна принять все как есть: ни вопросов, ни возражений, – это самое мудрое решение. Ты ждала хлеба, а получаешь камень... Так сломай же о него зубы и не кричи от боли! Переваришь и это, как страус переваривает проглоченный камень. Ты

протянула руку за яйцом, судьба же вложила в нее скорпиона. Не выказывай испуга: сомкни пальцы вокруг ее дара, пусть скорпион жалит. Не обращай внимания: со временем, хотя ладонь и рука опухнут и задрожат от невыносимой пытки, смятая тварь умрет, и ты усвоишь великий урок, научишься страдать без слез. Всю оставшуюся жизнь (если, конечно, выживешь) будешь сильнее, мудрее и менее восприимчивее. Сейчас ты этого не понимаешь и не в силах набраться мужества во имя надежды на будущее. Впрочем, в подобных случаях природа – твой лучший друг, ведь она налагает на твои уста печать молчания, требуя изображать безмятежность, поначалу носить веселую и беззаботную маску, на смену которой приходят печаль и бледность, а после остается лишь твердость духа с привкусом горечи.

Привкус горечи! Разве это правильно? Да, так и должно быть: горечь придает сил и вдохновения ожесточает. Страдание вовсе не делает человека ласковым и мягким – на это нечего надеяться! Порой он впадает в равнодушие и апатию. Если энергия и остается, то он становится опасен и особенно беспощаден, когда сталкивается с несправедливостью.

Кто-нибудь слышал старинную шотландскую балладу о бедняжке Мэри Ли, написанную бог знает в какие времена и бог знает кем? С Мэри обошлись жестоко, возлюбленный ее обманул. Она не жалуется, лишь сидит одна-одинешенька посреди метели и размышляет. Мысли у нее вовсе не типичные для идеальной героини в подобных обстоятельствах, ведь она простая крестьянская девушка, предающаяся горю и вспоминая обиды. Гнетущая тоска погнала ее прочь из теплого родного дома в засыпанные снегом, скованные льдом холмы. Мэри припала к земле под холодным сугробом и представляет самые страшные ужасы: желтобрюхую саламандру, косматого аспида, пса, воющего на ущербную луну, кислые сливы, жабье молоко. Их она ненавидит, но пуще всего ей ненавистен Робин Ри:

Счастливо жила на цветущем лугу,
 Ни горя, ни бед не зная.
 Теперь же рыдаю в холодном снегу,
 Робина Ри проклиная.
 Мороз пробирает меня до костей,
 В кронах корявых воют ветра,
 В снегу задохнуться хочу поскорей,
 Чтоб солнце забыло меня навсегда.
 О, пусть никогда не растают сугробы,
 Что станут мне скоро могилой!
 И спрячут меня от насмешек и злобы
 Злодеев как Робин постылый!

Впрочем, эта баллада никак не связана ни с чувствами Каролины Хелстоун, ни с ее отношением к Роберту Муру. Роберт не сделал ей ничего плохого, не сказал ни слова лжи; виновата лишь она сама, если вообще стоит искать виноватого. Всю горечь разочарования ей придется излить на свою голову. Ее незваная любовь осталась без ответа, что порой случается, и привела к страданиям.

Порой Каролине казалось, будто Роберт влюблен в нее, однако теперь она поняла, что виной тому было ее обаяние, которому он поддавался вопреки доводам рассудка. И вот Роберт захотел прервать их тесное общение, опасаясь увязнуть в запутанных любовных отношениях или, того хуже, в невыгодном для себя браке. Как же быть ей? Дать волю чувствам или одержать над ними верх? Если она слаба духом, то выберет первое и в результате утратит его уважение и вызовет лишь неприязнь. Если поведет себя разумно, то подчинит и обуздает свои смятенные чувства. Научится смотреть на жизнь здраво, усвоит ее суровые уроки и станет выходить из сложных ситуаций без малейшего ущерба.

Похоже, немного здравого смысла у Каролины нашлось, потому что она рассталась с Робертом без жалоб или расспросов, лицо ее не дрогнуло, глаза остались сухими. Позанимавшись с Гортензией до обеда, она отправилась домой.

Пообедав, Каролина покинула дядюшку в столовой за бокалом портвейна и, очутившись в одиночестве в гостиной, задумалась, как же ей пережить этот тягостный день. Прежде она надеялась провести его так же, как и вчерашний – в приятном обществе Роберта, – утром осознала свою ошибку, однако утешиться не смогла, поскольку теперь считала, что больше никогда не пойдет в гости в дом у лощины и лишится общества Мура.

Вечерами он иногда заглядывал на часок к дядюшке. Неожиданно звенел колокольчик, в коридоре слышался знакомый голос, и входил кузен Роберт. Пару раз ему случалось зайти после того, как накануне он держался чрезвычайно холодно. И хотя в присутствии дядюшки Роберт заговаривал с Каролиной редко, он усаживался напротив ее рабочего столика, постоянно бросал проникновенные взгляды и на прощание с большой теплотой желал ей доброй ночи. «Возможно, Роберт придет и сегодня», – подала голос ложная надежда. Каролина почти не верила ее шепоту, однако прислушивалась.

Она пыталась читать, но не могла сосредоточиться; хотела заняться шитьем – каждый стежок навевал невыносимую скуку; принялась за сочинение по французскому – и наделала ошибок в каждой строчке.

Вдруг раздался пронзительный звонок, и сердце Каролины подпрыгнуло. Она бросилась к двери в гостиную, тихо отворила ее и выглянула в щелочку. Фанни впускала гостя – высокого джентльмена ростом примерно с Роберта. На мгновение Каролина возликовала, потом горько разочаровалась – спросивший мистера Хелстоуна голос принадлежал не Роберту. Ирландский акцент – значит, это курат Мэлоун. Его проводили в гостиную, где он, несомненно, тут же помог хозяину опустошить графин.

Следует отметить, что, в какой бы дом в Брайрфилде, Уиннбери или Наннели ни заглянул перекусить, пообедать или попить чаю один курат, следом за ним появлялся второй, а чаще всего и третий. Нет, они не назначали друг другу встречи заранее, скорее отправлялись с визитами в одно и то же время, и когда Донн, к примеру, не заставал Мэлоуна дома, то выспрашивал у квартирной хозяйки, куда тот пошел, и неся за ним. Аналогичным образом происходило и со Свитингом. Так и получилось, что после обеда слух Каролины трижды терзали звонки в дверь и незваные гости: за Мэлоуном явился Донн, вслед за Донном – Свитинг. Служанка металась между погребом и столовой. Мистер Хелстоун не приветствовал, когда кураты бражничали у себя на квартирах, однако за своим столом он любил на правах старшего угостить их вином из лучших запасов. Сквозь закрытые двери раздавались взрывы хохота и беззаботная болтовня. Каролина боялась, что они останутся на чай, и не имела ни малейшего желания обслуживать эту троицу. Какими разными бывают люди! Все трое молоды, образованны, как и Мур, однако насколько разительно от него отличаются! Общество куратов навевало на Каролину невероятную скуку, общество же Мура дарило наслаждение.

Сегодня Каролине суждено «насладиться» не только обществом куратов: судьбе угодно наградить ее еще четырьмя гостями – точнее, гостями. Со стороны Уиннбери к дому священника с изрядной натугой катит фаэтон, в котором восседает солидная леди с тремя пышнотелыми дочерьми, пожелавшими по-дружески навестить Каролину, как это принято между соседями в Йоркшире. Колокольчик звякает в четвертый раз! Фанни входит в гостиную и торжественно объявляет:

– Миссис Сайкс и три мисс Сайкс!

Принимая гостей, Каролина обычно нервно сжимала руки, краснела и поспешно выбегала навстречу, мечтая очутиться где-нибудь на другом краю света. К сожалению, в такие кризисные моменты ей отчаянно не хватало светских манер, хотя она и провела целый год в школе-

пансионате. Соответственно, на сей раз Каролина снова растерялась и стояла, нервно потирая маленькие белые ладошки, в ожидании семейства Сайкс.

В комнату с гордым видом прошеествовала высокая, желчного вида особа, славящаяся своим неумным благочестием, не вполне, кстати, напускным, и радушным гостеприимством по отношению к курам. Следом вплыли три ее дочери – все статные и более-менее приятной наружности.

Проживающим в английской глубинке дамам присуща одна общая черта. Независимо от возраста, степени привлекательности и темперамента они неизменно носят на лице такое выражение, будто хотят сказать: «Я-то себе цену знаю, я – пример того, какой должна быть леди, и пусть все вокруг глядят в оба. Если они отличаются от меня в одежде, манерах, взглядах, принципах или поступках, то глубоко неправы!»

Миссис и мисс Сайкс вовсе не представляют собой исключения из этого правила, скорее напротив: яркая к нему иллюстрация. Мисс Мэри – хорошенькая, благонравная и добродушная девушка – несет свое самодовольство не без грации, хотя и выказывает его с изрядной непринужденностью. Мисс Гарриет – красавица – стибается под его бременем, выглядит надменной и холодной. Мисс Ханна – особа спесивая и напористая – пестует свое самодовольство сознательно и неприкрыто. Их мать несет его со сноровкой, вполне соответствующей ее возрасту и благочестивой репутации.

Как всегда, Каролина с трудом справлялась с приемом гостей. Она пробормотала, что рада их видеть (явная выдумка), выразила надежду, что они здоровы и кашель не так мучает миссис Сайкс (надо заметить, что кашель не проходит у миссис Сайкс уже лет двадцать), что здоровы также и другие мисс Сайкс, оставшиеся дома. На это три юных леди, усевшись на стульях напротив вращающегося табурета, на который после колебаний опустилась Каролина, не зная, куда усадить миссис Сайкс, пока та не избавила ее от тягостных раздумий, расположившись в большом кресле, ответствовали дружным кивком, исполненным величавости. Возникла пауза. После такого важного кивка молчать следует минут пять, что, собственно, и произошло. Затем миссис Сайкс осведомилась о мистере Хелстоуне: не разыгрался ли у него ревматизм, не слишком ли утомляют его две воскресные проповеди и способен ли он еще проводить церковные службы в полном объеме, на что Каролина ответила, что вполне способен, и четыре гостя хором выразили мнение, что для своих лет он удивительно здоров и крепок.

Последовала вторая пауза.

Пытаясь поддержать беседу, Мэри поинтересовалась, присутствовала ли Каролина на собрании Библейского общества в Наннели в прошлый четверг. Правдивость натуры Каролины вынудила ее дать отрицательный ответ (тот вечер она просидела дома за чтением романа, которым ее снабдил Роберт), и раздался дружный возглас удивления из уст четырех леди.

– Мы все там были, – заявила мисс Мэри, – и мама, и даже папа! Ханна настояла. Впрочем, он клевал носом и уснул, слушая мистера Лангвайлига, немецкого священника из Моравской церкви. Мне сделалось за него так стыдно!

– И еще там был доктор Бродбент! – вскричала Ханна. – Прекрасный оратор! По виду и не скажешь – прямо чистый дикарь.

– Зато такой душка! – заметила Мэри.

– И добрый христианин, – добавила ее матушка.

– Слишком уж он смахивает на мясника, – усмехнулась горделивая красавица Мэри. – Смотреть на него невыносимо, поэтому я слушала с закрытыми глазами.

Каролина ощутила себя невежей. Не зная доктора Бродбента, она не могла высказать своего мнения. Наступила третья пауза, во время которой Каролина в полной мере прочувствовала, что вела себя как мечтательная дурочка, понятия не имеет о реальной жизни и совершенно неспособна жить в обществе. Теперь она осознала, что всецело сосредоточила свои помыслы на доме у ложины, сделав одного из его обитателей центром Вселенной. Каролине

хватило здравого смысла заметить свою ошибку и сообразить, что рано или поздно ей придется измениться. Вряд ли она решила уподобиться этим леди, однако захотела стать лучше, чтобы больше не робеть в присутствии столь важных особ.

Единственным средством оживить заглохшую беседу, которое пришло Каролине в голову, было пригласить леди на чай, что она и сделала скрепя сердце. Миссис Сайкс принялась отказываться, но тут в гостиную снова заглянула Фанни.

– Джентльмены решили задержаться, мэм, – передала она послание от мистера Хелстоуна.

– Какие джентльмены? – оживилась миссис Сайкс.

Услышав имена, она обменялась с дочерьми многозначительными взглядами. В отличие от Каролины к куратам они относились с большой теплотой и энтузиазмом. Мистер Свитинг был всеобщим любимцем, да и Мэлоуна они ценили – ведь он являлся служителем церкви.

– Как мило, что у вас собралось столь достойное общество! Думаю, мы тоже останемся. Что может быть лучше вечера в приятной компании?

И тогда Каролине пришлось отправиться с гостями наверх, чтобы они смогли привести себя в порядок, снять шали и поправить прически; затем препроводить их обратно в гостиную, раздать им книги с гравюрами и безделушки из «еврейской корзинки». Покупать вещички ей тоже приходилось, однако неприятнее всего было вносить посильный вклад в ее наполнение. Будь у бедняжки Каролины много денег, она скорее скупила бы все сразу, чем сшила хотя бы одну игольницу для этого кошмара наяву.

Для тех, кто не слишком сведущ в таинствах «еврейской корзинки» и «миссионерской корзинки», поясню: сей предмет обихода плетется из ивовых прутьев, по размеру достигает бельевой корзины на большую семью и предназначен для того, чтобы переносить из дома в дом громадную коллекцию игольниц, булавоочниц, чехольчиков для карт, сумочек для рукоделия, чепчиков и пинеток для младенцев и тому подобных поделок, изготовленных добровольно или нехотя праведными прихожанками, чтобы в принудительном порядке продавать варварам-мужчинам за неприлично большие деньги. Вырученные таким образом средства идут на обращение в христианство евреев, на поиски десяти исчезнувших колен Израилевых либо на духовное возрождение наиболее занятых народов небелой расы по всему миру. Каждая участница хранит у себя «корзинку» в течение месяца, пополняет сшитыми собственноручно предметами и пытается сбавить ее содержимое всячески отлынивающим от покупок мужчинам. В этом-то и заключается самое увлекательное! Женщинам энергичным и деловитым нравится заставлять суровых ткачей с натруженными руками раскошелиться, приобретая с накруткой в четыреста или пятьсот процентов вещи совершенно для них бесполезные; другим же предпочтительнее узреть на своем пороге князя тьмы во плоти, чем обнаружить там утром «корзинку» «с наилучшими пожеланиями от миссис Роуз, ведь теперь ваша очередь, мэм».

Исполнив обязанности хозяйки скорее с волнением, нежели с радостью, Каролина поспешила в кухню, чтобы держать тайный совет с Фанни и Элизой насчет угощения к чаю.

– До чего же их много! – воскликнула Элиза, кухарка. – А я-то решила ничего сегодня не печь, потому что хлеба вполне хватило бы до утра. И что теперь делать?

– Кексы есть? – спросила юная хозяйка.

– Осталось три и булка хлеба. Лучше бы эти дамы и джентльмены сидели по домам и ждали приглашения, а я бы спокойно украсила свою шляпку!

– Тогда пусть Фанни сбегает в Брайрфилд, – предложила Каролина, ощутив в критической ситуации внезапный прилив сил, – и купит булочек, лепешек и печенья. Не сердись, Элиза, по-другому не получится.

– Какой сервис прикажете доставать?

– Пожалуй, самый лучший. Я пока возьму серебро. – Она помчалась наверх, к шкафу, с посудой и принесла заварочный чайник, сливочник и сахарницу.

– Воду греть?

– Конечно, и побыстрее, потому что чем быстрее мы подадим чай, тем скорее они нас покинут, – по крайней мере, я на это надеюсь!

Эх, вот бы они ушли, – вздохнула Каролина, возвращаясь в гостиную, и, помедлив у двери, подумала: – Вот бы пришел Роберт! Насколько легче мне было бы развлекать этих гостей! Он говорит умные вещи (хотя в компании чаще молчит, чем говорит), да и я бы не смущалась. До чего же скучно слушать эти пустые разговоры или участвовать в них самой! Войдут кураты, и дамы начнут трещать без умолку. До чего утомительно! Впрочем, я веду себя как эгоистичная дурочка. К дядюшке наведались уважаемые люди, и мне следует гордиться их расположением. Я вовсе не думаю, что они хуже меня – ничего подобного! – просто другие».

Каролина вернулась в гостиную.

В те дни йоркширцы любили пить чай не спеша, удобно устроившись за столом красного дерева. Необходимым считалось уставить всю его поверхность тарелками со всевозможными видами хлеба и масла. В центре этого изобилия водружалась стеклянная вазочка с джемом. Среди кушаний непременно должны были находиться творожные кексы и сладкие пирожки. Тем лучше, если подавалась также и тарелка с тонко нарезанной розовой ветчиной, украшенная веточкой петрушки.

К счастью, Элиза, кухарка священника, знала свое дело. Увидев столько незваных гостей, она осерчала, но потом взяла себя в руки и обрела привычную жизнерадостность, благодаря чему к чаю накрыли вовремя и на красиво сервированном столе появились и ветчина, и пирожки, и мармелад.

Приглашенные к сей обильной трапезе кураты радостно ринулись в столовую, однако, завидев леди, о чьем присутствии их не известили, замерли на пороге. Мэлоун, возглавлявший шествие, остановился и попятился, едва не сбив с ног следовавшего за ним Донна. Тот в свою очередь сделал три шага назад и толкнул малютку Свитинга в объятия старика Хелстоуна. Кураты заспорили, захихикали. Мэлоуна попросили не метаться и не задерживать остальных, и наконец он двинулся вперед, залившись сизо-лиловым румянцем. Хелстоун отодвинул застенчивых куратов в сторонку и радушно поприветствовал прекрасных гостей, пожимая им руки и обмениваясь шутками. В итоге он уютно расположился между красавицей Гарриет и бойкой Ханной, а мисс Мэри попросил сесть напротив, чтобы он мог ее видеть, если уж нет возможности сидеть с ней рядом. С юными леди хозяин обращался совершенно непринужденно и любезно, благодаря чему пользовался у них большим успехом; в глубине же души прекрасный пол он ничуть не любил и нисколько не уважал, а те представительницы, которым довелось узнать его близко, питали к нему скорее страх, нежели любовь.

Куратов бросили на произвол судьбы. Свитинг, как наименее застенчивый из них троих, нашел себе прибежище подле миссис Сайкс, которая любила его почти как родного сына. Донн, отвесив развязный поклон присутствующим дамам, назойливо проверещал: «Как поживаете, мисс Хелстоун?» – и плюхнулся на стул рядом с Каролиной, к ее нескрываемому раздражению, поскольку был ей особенно несимпатичен по причине незыблемого чванства и неизлечимой узости ума. По ее другую руку расположился бессмысленно улыбающийся Мэлоун. Таким образом, Каролина очутилась в обществе сразу двух кавалеров, ни один из которых не годился абсолютно ни на что: ни поддержать беседу, ни передать чашку или блюдо. Малютка Свитинг, несмотря на малый рост и ребячливость, стоил пары десятков таких, как они.

Мэлоун, трещащий без умолку в мужском обществе, в присутствии женщин терялся. Однако у него имелся свой набор готовых фраз:

Первая: «Вы уже гуляли сегодня, мисс Хелстоун?»

Вторая: «Вы давно виделись с кузеном Муром?»

Третья: «Как проходят ваши занятия в воскресной школе?»

После того как Мэлоун выдал свои вопросы и получил на них ответы, между ним и Каролиной повисло тягостное молчание.

От назойливого и несносного Донна так просто избавиться не удалось. В запасе у него имелся целый ряд тем для разговора, все, как одна, банальные и вздорные: нападки на жителей Брайрфилда и хула на всех йоркширцев как таковых, сетования на нехватку светского общества и отсталость провинции, ропот на непочтительное обращение простолюдинов-северян с джентльменами и насмешки над местным образом жизни, повальное отсутствие вкуса и элегантности. Создавалось впечатление, будто сам Донн привык вращаться исключительно среди аристократов, о чем отнюдь не свидетельствовали ни его грубые манеры, ни неряшливый внешний вид. Подобное критиканство, видимо, имело целью поднять его в глазах мисс Хелстоун и прочих барышень, однако Каролину, и саму выросшую в Йоркшире, оно возмущало до глубины души и вызывало неимоверное презрение к жалкому болтуну. Она долго терпела, потом не выдерживала и резко возражала, что отнюдь не добавляло ей привлекательности в его глазах. Заявляла, что обвинять в вульгарности других – признак дурного тона, и добрый пастырь не должен постоянно охаивать свою паству. Каролина вопрошала, зачем он вообще стал служителем церкви, если вечно жалуется, что приходится часто посещать убогие хижины и проповедовать беднякам, – неужели принял духовный сан лишь затем, чтобы рядиться в пышные одежды и восседать во дворцах? Подобные вопросы все трое куратов считали дерзкими и нечестивыми.

Чай пили долго и обстоятельно, гости болтали без умолку, как и опасалась Каролина. Мистер Хелстоун пребывал в превосходном настроении, да и как могло быть иначе в обществе прекрасных дам? Мрачное молчание он хранил лишь в узком семейном кругу, а вот с сидящими по обе стороны от него гостями блистал красноречием и остроумием, не обходя вниманием также и мисс Мэри, хотя из трех сестер она была наиболее здравомыслящей и кокетничала меньше всех, из-за чего пожилой вдовец не особо к ней благоволил. В глубине души он терпеть не мог умных женщин. То ли дело пустоголовые глупышки, тщеславные и ветреные. Над ними можно потешаться сколь душе угодно и обращаться как с существами низшими, с куклами, с которыми в свободное время играешь, а потом забрасываешь куда подальше.

Ханна была его любимицей. Гарриет, несмотря на красоту, самомнение и самодовольство, привлекала Хелстоуна меньше. За облаком ложной гордости в ней проглядывали лучи неподдельного самоуважения, и хотя уста ее не изрекали непреложных истин, детский лепет ей тоже не был свойствен. Она не позволяла обращаться с собой как с куклой, ребенком, игрушкой – требовала, чтобы ей поклонялись словно королеве.

Ханна, напротив, жаждала не преклонения, а комплиментов. Стоило поклонникам назвать ее ангелом, она позволяла обращаться с собой как с полной дурочкой. Ханна была так доверчива и легкомысленна, так глупела от повышенного внимания, стоило лишь как следует похвалить ее и повосхищаться ею, что порой мистер Хелстоун соблазнялся идеей нового брака и на полном серьезе рассматривал кандидатуру второй подруги жизни. К счастью, спасительное воспоминание о тяготах совместного существования, во время которого у него словно жернов висел на шее, служили серьезным препятствием для нежных чувств, подавляли готовый сорваться с губ вздох, распиравший его железные легкие, и удерживали мистера Хелстоуна от нашептывания Ханне предложения руки и сердца.

Вероятно, что она и вышла бы за него замуж, если бы он предложил; ее родители наверняка одобрили бы этот союз. Для них не представляли препятствий ни его преклонные годы, ни загрубелость сердца, и поскольку он служил приходским священником, жил в хорошем доме и якобы владел собственностью (хотя тут все ошибались: каждый пенни из пяти тысяч фунтов наследства, доставшегося от отца, мистер Хелстоун потратил на постройку и материальное обеспечение новой церкви в родной деревушке в Ланкашире, поскольку был натурой широкой и, если результат его устраивал, никогда не сомневался в необходимости великодушной

жертвы), родители с удовольствием поручили бы Ханну его нежным заботам и щедрым милостям без малейшего колебания. И тогда уже вторая миссис Хелстоун повторила бы в обратном порядке тот же цикл жизни насекомых: весь медовый месяц порхала бы восхитительно яркой бабочкой, а остаток своих дней ползала бы убогой раздавленной гусеницей.

Малютка Свитинг расположился напротив блюда с пирожками, между миссис Сайкс и мисс Мэри, которые наперебой подкладывали ему то джем, то сдобные лепешки. Он чувствовал себя на седьмом небе и казался счастливее короля. Свитингу нравились все мисс Сайкс сразу, и они все любили его. Он считал их бесподобными девицами, достойными составить счастье порядочному джентльмену. Благодатный момент омрачало лишь одно: мисс Дора сегодня отсутствовала, а ведь именно ее он втайне надеялся когда-нибудь назвать «миссис Свитинг» и мечтал отправиться с молодой супругой на чинные прогулки, ведя ее по деревушке Наннели словно королеву. Если принимать во внимание только размеры, то пышнотелую Дору вполне можно было считать королевой: со спины она выглядела как упитанная леди лет сорока, – зато личико имела доброе и миловидное.

Чаепитие близилось к завершению. Оно закончилось бы гораздо раньше, если бы Донн не продолжал упрямо сидеть над остывшим чаем, в то время как остальные давно все допили и доели, да и сам он успел отдать должное угощению. Гости нарочито вздыхали, выражая нетерпение, отодвигали стулья от стола, беседа начала иссякать и вскоре прекратилась. Тщетно Каролина переспрашивала, не хочет ли Донн горячего чая, ведь его напиток давно остыл: он и не допивал его, и не желал оставлять. Вероятно, ему казалось, будто таким образом он придает себе важности, что быть последним – почетно, а заставлять других ждать может лишь важная персона. Поэтому Донн тянул, пока разговор не стих совсем. Под конец не выдержал даже сам хозяин, до сих пор слишком увлеченный приятной беседой с Ханной, и нетерпеливо воскликнул:

– Кого же мы ждем?

– Наверное, меня, – беспечно заметил Донн, довольный тем, что столько человек зависят от его прихотей.

– Еще чего не хватало! – вскричал Хелстоун, поднялся и объявил: – Давайте же возблагодарим Господа!

Все покинули стол, однако Донн ничуть не смутился и просидел еще минут десять, хотя мистер Хелстоун позвонил служанке, чтобы прибрала. Курату пришлось опорожнить чашку и поступиться ролью, которая придавала ему столько отрадной значимости и привлекала внимание окружающих.

И вот теперь, как и следовало ожидать (Каролина знала, что так и будет, поэтому заранее открыла фортепиано и достала ноты), гостям захотелось музыки. Настал черед Свитинга показать себя во всей красе, к чему он с радостью и приступил. Свитинг взял на себя непростую задачу уговорить юных леди развлечь компанию дивной мелодией – точнее, песней. Он принялся с нежностью убеждать, умолять, отметать отказы, сводить на нет мнимые трудности и, наконец, преуспел: мисс Гарриет позволила отвести себя к инструменту. Свитинг извлек из кармана разобранный флейту, которую вечно носил с собой завернутой в носовой платок, и скрутил. Тем временем Мэлоун и Донн перешептывались и посмеивались, однако малютка Свитинг и бровью не повел, лишь покосился на них через плечо. Он был убежден, что их сарказм проистекает исключительно из зависти. В отличие от него они не умели ухаживать за леди, и он уже предвкушал свое торжество.

И торжество началось. Мэлоун, опечаленный превосходной игрой Свитинга, тоже захотел отличиться хоть чем-нибудь и внезапно решил изобразить влюбленного пастушка (в предыдущие раз или два, когда это пришло ему в голову, его усилия, как ни странно, вовсе не оценили по достоинству), направился к дивану, уселся рядом с мисс Хелстоун и принялся развлекать ее беседой, сопровождая свои слова совершенно неописуемыми ухмылками и ужимками. Пыта-

ясь произвести впечатление, Мэлоун разжился двумя длинными подушками и одной квадратной; покрутив их в руках неизвестно зачем, он умудрился воздвигнуть барьер между собой и объектом своего внимания. Воспользовавшись первым же удобным предложением, Каролина прошла в противоположный конец комнаты, устроилась около миссис Сайкс и спросила у сей уважаемой леди совета, как вязать новый модный узор. Та с удовольствием принялась объяснять, и Питер Огаст остался ни с чем.

Сидя в одиночестве на огромном диване с тремя подушками в руках, он помрачнел как туча. Дело в том, что Мэлоун серьезно настроился на близкое знакомство с мисс Хелстоун, поскольку наряду со всеми прочими считал, что у ее дядюшки водятся деньги, а раз детей у него нет, то, вероятно, со временем капитал перейдет к его племяннице. Жерар Мур на сей счет не заблуждался: он видел симпатичную церковку, обязанную своим появлением фанатизму и щедрости приходского священника, и не раз проклинал в глубине души расточительную блажь старика, из-за которой ему пришлось поступиться своими надеждами.

Кое-кому из присутствующих вечер казался очень долгим. Каролина откладывала вязанье, закрывала глаза, опускала голову и погружалась в дрему – так убаюкивало ее бессмысленное гудение, в которое сливались нестройные аккорды фортепиано, визгливые и одышливые звуки флейты, радостный смех дядюшки, Ханны и Мэри, непонятно чему радующихся, ведь беседа не была ни забавной, ни веселой, и, наконец, льющаяся нескончаемым потоком прямо ей в ухо болтовня миссис Сайкс, касавшаяся четырех тем: собственного здоровья и самочувствия многочисленных членов ее семьи, «миссионерской» и «еврейской корзинки» и их содержимого, предыдущего собрания Библейского общества в Наннели и собрания на следующей неделе, уже в Уиннбери.

Утомившись до предела, Каролина дождалась, пока мистер Свитинг подойдет к миссис Сайкс поговорить, и тихонько выскользнула из комнаты, чтобы побыть в одиночестве. Она отправилась в столовую. Камин почти догорел, со стола давно убрали, стулья расставили по местам. Присев в дядюшкино кресло, Каролина смежила веки и дала себе отдых – по крайней мере, своему телу, чувствам, слуху, зрению, утомленным скучной болтовней и пустыми людьми. Мысленно она перенеслась в лощину. Каролина представила себя на пороге гостиной в беленом домике, потом метнулась в контору, гадая, какое из этих мест освящено присутствием Роберта. Но Роберта не было ни там, ни там: он находится в миле от обоих мест и гораздо ближе к Каролине, чем могут предположить ее блуждающие где-то далеко мысли. Он как раз идет по церковному двору, приближаясь к дому, – конечно, вовсе не для того, чтобы увидеть свою кузину: ему нужно кое-что сообщить приходскому священнику.

Да, Каролина, ты снова слышишь звон дверного колокольчика, в пятый раз за сегодняшний день. Вздрагиваешь и теперь точно знаешь, что это именно тот, о ком ты грезила. Откуда же такая уверенность? Причин для нее нет, ты просто знаешь, и все. Ты подаешься вперед, внимательно прислушиваясь к тому, как Фанни отворяет дверь. Действительно он! Тот самый голос – низкий, с легким акцентом, но такой дорогой сердцу! Ты привстала. «Фанни скажет ему, что мистер Хелстоун занимается гостями, и тогда Роберт уйдет». О нет! Нельзя дать ему уйти просто так! Наперекор себе и доводам рассудка Каролина крадется к дверям, готовая выбежать, если заслышит, что шаги его удаляются, однако он проходит в дом. «Раз уж хозяин занят, проводи меня в гостиную. Принеси перо и чернила. Я напишу ему записку».

Услышав его слова и приближающиеся шаги, Каролина жалеет, что в гостиной нет второй двери, через которую можно выскользнуть незамеченной. Она чувствует себя в ловушке и опасается, что ее неожиданное присутствие рассердит Роберта. Мгновением раньше ей хотелось броситься ему навстречу, однако порыв быстро миновал и теперь она мечтает удрать. Только вот бежать некуда. В гостиной одна дверь, через которую входит кузен. На лице его появляется выражение удивления (иного Каролина и не ждет), и тут он берет себя в руки. Каролина лепечет слова оправдания:

– Я просто вышла на минутку из гостиной, чтобы побыть в тишине.

Оправдание звучит столь робко и удрученно, что печальную перемену заметил бы любой: веселый нрав Каролины угас. Вероятно, Мур помнит, как радостно, пылко и доверчиво спешила кухня навстречу ему прежде. Теперь он понимает, что утренняя проверка сработала. Сейчас ему представилась прекрасная возможность опробовать новую линию поведения и довести ее до совершенства. Похоже, при дневном свете, во дворе своей фабрики, посреди многочисленных забот практиковаться легче, чем в тихой гостиной, в часы вечернего досуга... Фанни зажигает свечи на столе, приносит письменные принадлежности и покидает комнату. Каролина собирается последовать за ней. Согласно принятому накануне решению Муру нужно позволить ей уйти. Он стоит в дверях, преграждая путь. Он не просит Каролину остаться, но и уйти не дает.

– Надо ли мне сообщить дядюшке о твоём приходе? – тихо спрашивает Каролина.

– Нет, я могу сказать все, что нужно, тебе. Будешь моей вестницей?

– Да, Роберт.

– Тогда передай ему, что я выследил по крайней мере одного из тех, кто разломал мои станки. Он принадлежит к той же шайке, которая напала на склады Сайкса и Пирсона, и я надеюсь, что завтра смогу взять его под стражу. Запомнила?

– Да! – печально восклицает Каролина, удрученно качает головой и вздыхает. – Ты отдашь его под суд?

– Несомненно.

– Не надо, Роберт!

– Почему?

– Потому что это окончательно настроит против тебя всю округу.

– Должен ведь я исполнить долг и защитить свою собственность! Этот малый еще тот негодяй, его необходимо обезвредить, пока он не натворил чего похуже.

– Но ведь его сообщники будут тебе мстить! Ты не представляешь, насколько злопамятны жители этой страны! Многие хвастаются тем, что могут носить камень в кармане семь лет, потом перевернуть его, подождать еще семь лет и, наконец, нанести удар.

Мур расхохотался:

– Громкое заявление, которое как нельзя лучше характеризует твоих любезных йоркширских друзей! Не бойся за меня, Лина. С нашими простодушными соотечественниками я постоянно настороже. Тревожиться обо мне не следует.

– Чем же я могу тебе помочь? Ведь ты мой кузен, и если что-нибудь случится...

– Лина, ничего не произойдет. Говоря твоими словами, на все воля Божья. Разве нет?

– Верно, дорогой мой Роберт. Да хранит тебя Господь!

– И если от молитв есть толк, то твои мне точно помогут. Ты ведь молишься за меня хотя бы иногда?

– Разумеется, Роберт! Я постоянно поминаю в своих молитвах и тебя, и Луи, и Гортензию.

– Так я и думал. Когда я ложусь в постель, усталый и сердитый, словно безбожник, другая душа просит прощения за мои грехи и молит даровать мне спокойный сон. Вряд ли подобное заступничество сильно поможет, но ведь мольбы исходят из уст невинных и искренних. Несомненно, они должны сработать, как и жертва Авеля, особенно если предмет их заслуживает прощения.

– Отбрось сомнения! Ты напрасно на себя наговариваешь.

– Если человека растили единственно для заработка денег, и живет он только ради этого и ни для чего более, и дышит лишь воздухом фабрик и рынков, то немного странно шептать имя его в молитвах или поминать суетные помыслы среди благочестивых дум. Удивительно, что о нем преданно заботится доброе, чистое сердце! Если бы я мог направлять это великодушное сердце, то повелел бы ему исторгнуть того, у кого нет более высокой цели в жизни,

чем залатать бесчисленные дыры в траченном молью капитале и стереть со своего мещанского щита позорное пятно банкротства.

Намек, хотя и был сделан мягко и сдержанно, как показалось Каролине, поразил ее в самое сердце.

– Я думаю... или буду думать о тебе как кузина, – промолвила она. – Роберт, теперь я знаю жизнь лучше, чем когда ты только приехал в Англию, гораздо лучше, чем на прошлой неделе или даже вчера. Ты пытаешься достичь успеха и не можешь позволить себе никакой романтики. Однако не пойми меня превратно в будущем – я лишь пытаюсь проявлять дружелюбие. Ведь сегодня утром ты понял меня превратно, не так ли?

– Что заставляет тебя так считать?

– Твой взгляд, твое поведение.

– Ну же, посмотри на меня...

– О, теперь ты ведешь себя по-другому. Я даже осмеливаюсь с тобой разговаривать.

– И все же я прежний, разве что Мур-делец остался на фабрике. Сейчас перед тобой стоит твой родственник.

– Да, мой кузен Роберт, а не мистер Мур.

– Вот именно. Каролина...

В соседней комнате послышался шум – гости двинулись к выходу. Дверь открылась: приказали подать экипаж, дамам понадобились их шали и шляпки. Мистер Хелстоун позвал племянницу.

– Роберт, мне нужно идти.

– Да, тебе лучше отправиться к ним, или же они войдут сюда. Чтобы не встречаться с этой компанией в коридоре, я покину дом через окно. К счастью, оно открывается как дверь. Погаси свечу, и доброй тебе ночи, Каролина. Я целую тебя, потому что мы родня и между кузинами поцелуи вполне допустимы. Доброй ночи!

Глава 8. Ной и Моисей

На следующий день Мур поднялся до рассвета и успел съездить в Уиннбери прежде, чем его сестра сварила кофе на молоке и нарезала бутерброды к завтраку. Подробности поездки он делиться не стал, а Гортензия и не допытывалась, поскольку не имела обыкновения вмешиваться в дела брата или спрашивать отчета о его перемещениях. Свои коммерческие операции, довольно сложные и подчас малоприятные, он хранил в тайне, надежно укрыв в сердце, разве что иной раз пугал ими Джо Скотта или заграничного собеседника по переписке. Видимо, торгашеская привычка к скрытности в важных вопросах была у Мура в крови.

Позавтракав, он отправился в контору. Генри, сынишка Джо Скотта, принес почту. Мур сел за стол, распечатал конверты и просмотрел письма. Все они были короткими и, вероятно, не очень приятными – скорее досадными, поскольку, дочитав последнее, он воинственно раздул ноздри и усмехнулся. Вслух Мур не сказал ничего, но глаза у него вспыхнули так, что того и гляди сам дьявол явится из преисподней и утащит с собой всех причастных к этому делу. Выбрав перо и яростно сорвав с него опушку, Мур настроил несколько писем, запечатал их и вышел пройтись по фабрике, а вернувшись, принялся за чтение газеты.

Газета его не особо заинтересовала, он не раз клал ее на колено и посматривал на часы – похоже, что-то обдумывал. Вероятно, Мур размышлял о погоде, которая в то утро выдалась на удивление ясная и теплая, и мечтал погулять по полям. Дверь конторы стояла распахнутая настежь, внутрь проникали ветерок и солнечный свет, однако первый из этих залетных гостей приносил на своих крылышках вовсе не весенние ароматы, а запах гари от черного дыма, клубившегося над высокой фабричной трубой.

На пороге возник темно-синий призрак (Джо Скотт только что покинул красильню), объявил о приходе посетителя и исчез. Мур поднял голову от газеты. В контору вошел крупный широкоплечий мужчина в костюме из бумазеи и серых шерстяных гетрах. Хозяин кивнул и предложил ему сесть, гость так и сделал, потом снял шляпу (весьма поношенную) и сунул под стул, вытер лоб носовым платком и заметил, что для февраля жарковато. Мур буркнул в ответ нечто невразумительное. Посетитель аккуратно поставил в угол явно казенную дубинку и посвистел, видимо, желая показать, что чувствует себя вполне свободно.

– Надеюсь, вы захватили с собой все необходимое? – спросил Мур.

– Еще бы!

Он снова принялся посвистывать, а Мур вернулся к газете. Читать стало интереснее. Вскоре Мур потянулся к буфету и спокойно достал бутылку темного стекла (ту же самую, из которой угощал Мэлоуна), стакан и графин, разместил их на столе и обратился к гостю:

– Вот, угощайтесь, вода – в кувшине в углу.

– Кто бы мог подумать, что с утра так в горле пересохнет, – произнес джентльмен, смешивая себе напиток. – Сами-то будете? – спросил он, отхлебнув из стакана и с довольным видом откинувшись на спинку стула.

Скупой на слова Мур покачал головой.

– Это вы зря, – продолжил посетитель, – уж больно хорошо восстанавливает силы. Отменный джин! Наверное, заграничный?

– Угу.

– Последуйте моему совету и попробуйте стаканчик. Как парни придут, так начнутся разговоры-переговоры. Подкрепиться не помешает.

– Вы видели Сайкса сегодня? – спросил Мур.

– Да, минут пятнадцать назад. Он сказал, что собирается сюда, и я подумал, не пожалует ли и сам старик Хелстоун. Проезжая мимо его дома, я видел, как он седлает свою коняжку.

Посетитель словно в воду глядел: минут через пять зацокали подковы, и раздался знакомый гнусавый голос, велевший мальчишке (вероятно, Гарри Скотту) отвести лошадь в конюшню. Хелстоун вошел строевым шагом, как всегда прямой, проворный и загорелый. Вид у него был энергичный и оживленный.

– Прекрасное утро, Мур! Как дела, мой мальчик? Ага! И кто тут у нас? – Священник повернулся к посетителю с дубинкой. – Сагден! Неужели? Решили взяться за дело? Честное слово, времени не теряете. А я пришел за объяснениями. Послание получил, и хочу спросить: вы уверены, что взяли верный след? Какие собираетесь предпринять шаги? Ордер на арест уже есть?

– Да, Сагден принес.

– Тогда нужно отправляться на поиски. Я с вами!

– Сэр, не стоит утруждаться – он придет сам. Сажу вот и жду.

– Кто же он? Один из моих прихожан?

Джо Скотт вошел незамеченным, и теперь стоял, облокотившись о стол, словно устрашающий призрак, поскольку перепачкался краской индиго с головы до ног. Мур молча улыбнулся, и тогда Джо с лукавым видом тихо произнес:

– Мистер Хелстоун, это ваш приятель – джентльмен, о котором вы часто упоминаете.

– Неужели? Джо, как его имя? Ну и видок у тебя сегодня.

– Преподобный Моисей Барраклау, вы еще называете его любителем вешать с бочки.

– А! – воскликнул священник, вынимая табакерку и насыпая себе хорошую понюшку. – Кто бы мог подумать! Сей богоугодник никогда на вас не работал, Мур. По профессии он портной.

– Тем хуже для него – не люблю, когда вмешиваются в мои дела и настраивают против меня моих же бывших рабочих.

– Неужели Моисей присутствовал при битве под Стилбро лично? Он же калека с деревянной ногой!

– Ну да, сэр, – отозвался Джо, – поехал верхом, чтобы ногу никто не заметил. Был во главе отряда и закрыл лицо маской. Остальные просто вымазались сажей.

– Как же вы его вычислили?

– Сейчас расскажу. Хозяин не очень-то любит болтать, зато я не прочь языком потрепать. Моисей ухаживал за Сарой, служанкой мистера Мура, но что-то у них пошло не так – то ли деревянная нога ее не устраивала, то ли распознала в нем притворщика. Прежде-то она его поощряла (женщины – народ странный, скажу я вам, раз уж мы тут в чисто мужской компании), невзирая на ногу и лживость, просто, чтобы время скоротать. Многие так поступают, и красавицы и скромницы – видел я юных созданий, свеженьких, опрятных и невинных, что твоя ромашка, а потом выясняется, что жалят не хуже крапивы.

– Джо у нас парень разумный, – заметил Хелстоун.

– В общем, имелся у Сары и запасной вариант: глянулась она Фреду Мергатроиду, одному из наших парней. Женщины судят мужчин по лицу, у Фреда же оно вполне сносное в отличие от страшилы Моисея, вот Сара и закрутила с ним. Месяца два или три назад, в воскресенье, Мергатройд и Моисей вздумали явиться к ней сразу оба – хотели пригласить барышню на прогулку. Сначала поссорились, потом подрались, и нашему Фреду не повезло: сам-то он молодой да мелкий, а Барраклау, хоть и с одной ногой, почти так же силен, как присутствующий здесь Сагден. Послушать, как он ревет быком на своих службах, так сразу поймешь – никакой он не слабак.

– Джо, ты невыносим! – вмешался Мур. – Нудишь почище, чем Моисей в своих проповедях. Короче говоря, Мергатройд приревновал к Барраклау, и прошлой ночью, укрываясь с приятелем от дождя в каком-то сарае, он видел Моисея в компании сообщников. По их разговору стало понятно, что он возглавлял шайку не только на пустоши под Стилбро, но и при нападении

дении на собственность Сайкса. Более того, они собирались наведаться сегодня утром сюда и самым что ни на есть мирным и благочестивым образом убедить меня выкинуть проклятые машины. Я съездил в Уиннбери, разыскал констебля, раздобыл ордер, и вот теперь собираюсь оказать заслуженный прием моему другу портному. Смотрите-ка, уже и Сайкс пожаловал. Мистер Хелстоун, вам придется подбодрить его. Уж очень он робеет при мысли, что дело нужно довести до суда.

Во дворе загремела двуколка. Вошел Сайкс – тучный мужчина лет пятидесяти, с приятной внешностью, только характером слабоват. Вид у него был встревоженный.

– Они уже приходили? Вы его арестовали? Все закончилось?

– Пока нет, – бесстрастно ответил Мур. – Как раз ожидаем.

– Никто не придет – уже почти полдень! Не надо с ними связываться! Последствия могут быть ужасными – мы восстановим против себя всю округу.

– Оставайтесь в тени. Я встречу их во дворе, вы побудете здесь.

– Но на суде же всплывет и мое имя! У меня ведь семья, мистер Мур, ради жены и детишек я обязан быть осторожным!

Мур брезгливо поморщился:

– Как угодно. Я и сам управляю. Только учтите: если вы покоритесь, это ничуть не поможет. Ваш партнер Пирсон проявил покорность и отказался действовать – и что же? Его все равно едва не застрелили в собственном доме!

– Дорогой мой, выпейте немного вина с водой, – предложил мистер Хелстоун.

Вместо вина в бутылке оказался джин, как выяснил мистер Сайкс, смешав напиток и опрокинув стаканчик. Преображение заняло всего пару минут: он разругался и обрел храбрость, по крайней мере на словах. Сайкс объявил, что не позволит черни и дальше помыкать им, больше не потерпит наглости рабочих; все обдумал и решил идти до конца. Сколько бы не потребовалось денег и силы духа на подавление мятежа – он готов! Мистер Мур может действовать как ему угодно, но он-то – Кристофер Сайкс – потратится до последнего пенни на суды, если потребуется, и непременно усмирит эту шайку.

– Выпейте еще стаканчик, – кивнул Мур.

Сайкс не возражал. Утро выдалось холодное (Сагден, наоборот, счел его слишком теплым), в это время года следует побережиться от сырости, а то у него кашель (в подтверждение сего факта он покашлял); подобное лекарство (он потряс бутылку) подходит как нельзя лучше (он щедро плеснул себе джина), и хотя принимать по утрам не в его обыкновении, иногда разумная предосторожность не помешает.

– Еще как разумная, угощайтесь на здоровье, – кивнул Мур.

Теперь Сайкс обратился к Хелстоуну, который стоял у камина, не сняв широкополой шляпы, и многозначительно смотрел на него.

– Вы, сэр, как священнослужитель, наверное, считаете неуместным присутствовать при подобных событиях – суетных, тревожных и, я бы даже сказал, опасных. Вряд ли ваши нервы достаточно для них крепки. Вы – человек миролюбивый, сэр, но мы, фабриканты, живем в миру, где царит вечный хаос, и потому поневоле должны быть воинственными. Сама мысль об опасности будоражит кровь и заставляет сердце биться чаще! Миссис Сайкс каждую ночь боится, что в наш дом вломятся и все разгромят, зато я прямо-таки впадаю в азарт. Словами мои чувства не описать, сэр. Действительно, если кто-нибудь отважится к нам сунуться – ну, воры или еще кто похуже, – я только обрадуюсь этому маленькому приключению, такой уж я человек!

Священник издал короткий смешок, ничуть, впрочем, не оскорбительный. Мур настоял бы и на третьем стаканчике для героического владельца фабрики, однако священник, который никогда не злоупотреблял сам и другим не позволял преступать границ благочестия в своем присутствии, остановил его.

– Хорошего понемножку. Верно, мистер Сайкс? – произнес он.

Тот поддакнул, с усмешкой сел и с сожалением проводил глазами бутылку, которую Джо Скотт убрал по знаку Хелстоуна. Мур развлекался от души. Что сказала бы Каролина, доведись ей увидеть своего любимого, дорогого, замечательного кузена, ее Кориолана, теперь? Смогла бы она признать в этом насмешливом саркастичном обличье того, на кого вчера смотрела с любовью и кто льнул к ней с такой нежностью? Неужели это тот же человек, который мирно провел вечер в кругу семьи, был обходителем с сестрой и ласков с кузиной, читал вслух Шекспира и внимал лирике Шенье?

Да, это был тот же человек, только в другом ракурсе – еще неизвестном Каролине, хотя она и обладала достаточной проницательностью, чтобы догадаться о его существовании. Несомненно, у нее тоже имелась обратная сторона, как и у любого человека. Значит, и сама она тоже весьма несовершенна и наверняка простила бы Муру его слабости. Любовь способна простить все, кроме подлости. Подлость убивает любовь и ослабляет родственные чувства; без уважения истинной любви не бывает. Несмотря на свои слабости, Мур заслуживает уважения, потому что в нем нет ни душевного изъятия, ни неисправимой скверны – к примеру, склонности ко лжи, – да и рабом своих страстей его назвать нельзя. Деятельная жизнь, для которой он был рожден и выпестован, вовсе не превратила его в ничтожного охотника за легкими удовольствиями. Мур – ярый приверженец разума, а не чувств. То же самое можно сказать и о Хелстоуне. Ни один из них не опустился бы до лжи, ни один из них не питает ни малейшей склонности к содержимому бутылки темного стекла, которую только что убрали. Оба могли бы с гордостью назвать себя венцом творения, поскольку над ними не властны низменные страсти; на таких, как бедняга Сайкс, оба имеют полное право взирать сверху вниз.

Со двора донеслись возня и шарканье шагов, потом все затихло. Мур подкрался к окну, Хелстоун – за ним. Высокий Мур встал позади низенького священника, чтобы тому тоже было видно. Они посмотрели наружу, обменялись понимающими взглядами и скептически усмехнулись.

Кто-то принялся красноречиво раскашливаться, наверное, готовясь произнести речь, загудели голоса, потом кто-то прищелкнул, требуя тишины. Мур приоткрыл створку, чтобы лучше слышать.

– Джо Скотт, – обратился гундосый голос к Скотту, стоявшему на часах у двери конторы, – мы хотим узнать, на месте ли ваш хозяин и можно ли с ним поговорить.

– На месте, – невозмутимо отозвался Джо.

– Не будете ли вы тогда столь любезны передать, что его ожидают двенадцать джентльменов?

– А с какой целью? Говорите сразу, чтобы два раза не ходить.

– С благой целью.

Джо вошел.

– Сэр, там двенадцать джентльменов желают вас видеть «с благой целью».

– Спасибо, Джо. Я к их услугам... Сагден, появись, как только я свистну.

Мур вышел и приблизился к делегации, держа одну руку в кармане, другую заложив за жилет, кепи надвинул на презрительно поблескивающие глаза. Посреди двора стояли двенадцать рабочих в простых рубашках и синих фартуках. В авангарде маячили две подозрительные фигуры: франтоватый курносый коротышка, исполненный собственной важности, и широкоплечий крепыш – личность весьма приметная не столько из-за чопорного лица и лисьего взгляда, сколько из-за деревянной ноги и прочного костыля. На губах его замерла ухмылка: он словно над кем-то или над чем-то тайком посмеивался.

– Доброе утро, мистер Барраклау, – вежливо обратился к нему Мур.

– Да будет мир вам! – прозвучало в ответ, и Барраклау сузил свои и без того прищуренные глазки.

– Премного обязан. Мир – штука великолепная, больше мне и желать нечего. Впрочем, вряд ли вы явились сюда просто пожелать мне мира. Подозреваю, ваша «благая цель» заключается не только в этом?

– Что касается нашей цели, – начал Барраклау, – то ушам вроде ваших она может показаться странной и даже нелепой, поскольку «сыны века сего догадливее сынов света в своем роде»⁵⁶.

– Будьте добры, ближе к делу. Выкладывайте, что там у вас.

– Сейчас выложим, сэр. Если я сам не справлюсь, эти одиннадцать ребят мне помогут. Цель у нас всеблагая, и, – тут он перешел от ерничанья к нытью, – цель эта – самого Го-о-оспода нашего!

– Собираете средства на новую молельню, мистер Барраклау? Иначе к чему тут ваше присутствие?

Тот сорвал с головы шляпу и протянул ее нарочито просительным жестом, при этом нагло ухмыльнувшись.

– Если я дам шестипенсовик, вы его непременно пропьете.

Барраклау заплотшно всплеснул руками и притворно закатил глаза.

– Ну вы даете, – сухо заметил Мур. – Ничуть не боитесь, что я сочту вас гнусным притворщиком и аферистом. Думаете позабавить меня своей клоунадой, а сами тем временем предаете тех, с кем явились сюда.

Моисей погрустнел: понял, что зашел слишком далеко. Пока он собирался с ответом, вперед выступил второй вожак, которому надоело оставаться на заднем плане. Вероломством от него и не пахло, хотя держался он чересчур самоуверенно и кичливо.

– Мистер Мур, – произнес он зычным гнусавым голосом, тщательно выговаривая каждое слово, будто давая слушателям сполна насладиться высоким слогом, – вероятно, целью нашей было не столько пожелать вам мира, сколько воззвать к вашему здравому смыслу. Если же вы не последуете мирным увещаниям, то мой долг – предупредить вас, весьма строго и доходчиво, что мы будем вынуждены принять меры... Нам придется положить конец вашему неблагоразумию – да что там, глупости! – которая, видимо, и заставляет вас вести коммерческие дела в промышленной части нашей страны. Сэр, осмелюсь напомнить, что поскольку вы иностранец, то есть родом из дальних стран, с другого полушария, можно сказать, выброшенный на славные берега – на скалы Альбиона, то ровно ничего не понимаете, как у нас тут все устроено и что способствует благу рабочего класса, а что идет ему во вред. Если поточнее, то покиньте эту фабрику поскорее и отправляйтесь туда, откуда явились! Так будет лучше всем... Что скажете, парни? – повернулся он к остальным членам делегации, и те дружно воскликнули:

– Твоя правда!

– Браво, Ной О'Тимз! – воскликнул Джо Скотт, стоявший позади Мура. – Моисею до тебя далеко. Скалы Альбиона и другое полушарие! Ну конечно! Хозяин, вы что – из Антарктиды к нам прибыли? Моисеева карта теперь бита!

Сдаваться так просто Моисей не собирался, поэтому еще раз решил попробовать свои силы. Бросив негодующий взгляд на Ноя, он тоже разразился тирадой и на сей раз взял серьезный тон, отказавшись от сарказма, которого никто не оценил.

– Пока вы не раскинули свой шатер среди нас, мистер Мур, мы жили в мире и тишине – да, можно сказать, прямо-таки в дружбе и любви. Я еще не старик, зато помню, как лет двадцать назад ручной труд ценился и был глубоко уважаем, и ни один смутьян не осмеливался внедрять тут свои вредоносные станки. Сам-то я не ткач, а портной. Однако сердце у меня не каменное: человек я чуткий, и если вижу, что братьев моих притесняют, как было во времена моего великого тезки пророка, то встаю на их сторону. Об этом я и пришел сегодня погово-

⁵⁶ Евангелие от Луки, 16:8.

рить лично, и теперь советую вам немедленно расстаться с дьявольскими станками и нанять побольше рабочих!

- Что будет, если я не последую вашему совету, мистер Барраклау?
- Госпо-о-одь да простит вас! Госпо-о-одь да смягчит ваше сердце!
- Вы вроде бы принадлежите к методистской церкви, мистер Барраклау?
- Хвала Всевышнему! Да святится имя его!

– Что ни в коей мере не мешает вам быть пьяницей и прохиндеем. На прошлой неделе я видел вас мертвецки пьяным в придорожной канаве, когда возвращался с рынка в Стилбро. И пока вы тут на словах проповедуете мир, на деле сеете раздоры. Терпящим нужду беднякам вы сочувствуете ничуть не больше, чем мне. Заставляете бунтовать их ради собственных нечистых целей, и то же самое делает так называемый Ной О’Тимз. Вы оба – неприкаянные баламуты и бессовестные прохвосты, и руководствуетесь лишь корыстными мотивами! Позади вас стоят честные, хотя и запутавшиеся рабочие, а вот вы – отпетые негодяи!

Барраклау попытался возразить.

– Тихо! Вы свое сказали, теперь моя очередь. Что касается ваших требований, то я ни за что не подчинюсь ни Джеку, ни Джиму, ни Джонатану! Вы хотите, чтобы я покинул страну, требуете, чтобы я избавился от своих станков. В противном случае угрожаете мне силой. Я не отступлюсь! Я остаюсь, от фабрики отказываться не собираюсь и снабжу ее лучшими станками, которые способны создать изобретатели. Самое большее, на что способны вы – а на это вы вряд ли отважитесь, – сжечь мою фабрику, разгромить ее и пристрелить меня. И что дальше? Представим, что здание лежит в руинах, я мертв – и что тогда будет с вами, с рабочими, попавшими на крючок к двум прохвостам? Полагаете, это остановит изобретателей и убьет науку? Ничуть! На руинах старой фабрики возведут новую и лучшую, вместо меня явится еще более оборотистый делец. Послушайте! Я буду изготавливать сукно так, как хочу, и сделаю все в меру своих возможностей. На свою фабрику я буду нанимать столько рабочих, сколько понадобится. Сунетесь в мои дела – придется отвечать по закону. И вот наглядное подтверждение тому, что я настроен серьезно!

Мур громко и пронзительно свистнул. Настал черед Сагдена появиться с дубинкой и ордером.

Фабрикант резко повернулся к Барраклау.

– Вы орудовали под Стилбро, – заявил он, – и у меня есть тому доказательства. Вы были на болоте в маске, ударили одного из моих людей – вы, проповедник Слова Божьего! Сагден, арестуйте его!

Моисея схватили. Он завопил и попытался вырваться; Мур вынул из кармана правую руку и достал спрятанный пистолет.

– Оба ствола заряжены, – предупредил он. – Я настроен серьезно! Ни с места!

Мур попятился, не спуская глаз с врага, и препроводил того в контору. Он приказал Джо Скотту зайти вместе с Сагденом и арестованным и запереть дверь изнутри. Сам же принялся расхаживать вдоль фасада фабрики, задумчиво глядя в землю и небрежно держа в опущенной руке пистолет. Одиннадцать оставшихся посовещались шепотом, затем один из них подошел к Муру. Он сильно отличался от двух прежних делегатов: черты лица у него были грубые, но честные и мужественные.

– Я не очень-то верю Моисею Барраклау, – произнес он, – и кое-что скажу вам от себя лично, мистер Мур. Я пришел не со злым умыслом, просто хочу разобраться, ведь дела обстоят совсем неважно. Нам приходится очень туго – семьи наши голодают. Из-за этих станков мы остались без работы и никуда не можем устроиться. Как нам быть? Стерпеть обиду, лечь и помереть? Нет уж, хоть я говорить красиво не приучен, мистер Мур, только я нутром чую: негоже христианину опускать руки и помирать с голоду как тупому барану! Я так не могу. И кровь проливать тоже не хочу: не буду ни убивать, ни калечить людей, да и фабрики жечь и

станки ломать не стану, потому как вы правы – такими средствами прогресс не остановить... Все, что я могу, – поднять шум, и уж тут-то я молчать не стану. Наверное, прогресс – это хорошо, да только беднякам приходится голодать. Пусть правительство подумает, как нам помочь, примет новые указы. Вы скажете: это не так просто. Значит, чем громче мы будем шуметь, тем быстрее бездельники в парламенте возьмутся за дело!

– Шумите себе на здоровье, – пожал плечами Мур, – только учтите: приставать к владельцам фабрик – бессмысленно, и лично я этого не потерплю.

– Жестокий вы человек! – воскликнул рабочий. – Неужели вы не можете дать нам хотя бы немного времени? Неужели нельзя подождать с этими станками?

– Разве я в ответе за всех фабрикантов Йоркшира?

– Нет...

– Я отвечаю лишь за себя. И если остановлюсь на мгновение, то другие фабриканты сразу ринутся вперед и растопчут меня. Сделай я, как вы хотите – обанкрочусь за месяц. Разве мое банкротство накормит ваших голодных детей? Уильям Фаррен, я не подчинюсь ни вам, ни кому-либо другому. Хватит уже разговоров! Я поступлю так, как мне угодно. Завтра придут новые станки. Если вы их сломаете, я закажу еще. Я не сдамся никогда!

Фабричный колокол пробил полдень. Настало время обеда. Мур отвернулся от делегации и ушел в контору.

Его последние слова оставили неприятное впечатление: увы, Мур не воспользовался шансом, который сам плыл ему в руки. Если бы он поговорил по-доброму с Фарреном – человеком честным, не завистливым и не озлобившимся в отношении тех, кому повезло в жизни больше, чем ему, и вовсе не считавшим зазорным добывать пропитание трудом, готовым довольствоваться малым, лишь бы работа имела, – то приобрел бы друга. Совершенно непонятно, как он мог отвернуться от такого человека, не выразив ему ни сочувствия, ни дружелюбия! Вид у бедняги был изможденный, словно он прожил в страшной нужде уже много недель и даже месяцев, однако не выказал ни злобы, ни ярости, держался спокойно, несмотря на подавленность и уныние. Как смог Мур отвернуться от него со словами: «Я не сдамся никогда!» – вместо того, чтобы проявить расположение, обнадежить или предложить помощь?

Об этом и размышлял Фаррен по дороге к своему домику, знававшему лучшие времена, и все же чистому и опрятному, хотя и очень теперь тоскливому, потому что в нем поселилась нужда. Он пришел к выводу, что иностранец-фабрикант – человек своекорыстный и черствый, а вдобавок еще и дурак. При таком хозяине только и оставалось, что собрать вещи и уехать куда подальше, но средств на переезд у него не было. Фаррен совсем пал духом.

Дома жена подала ему и детям скудный ужин – немного пустой овсянки. Некоторые из младших, быстро управившись со своими порциями, запросили добавки, что встревожило Уильяма. Пока жена их успокаивала, он встал из-за стола и направился к двери. Фаррен принялся насвистывать веселый мотивчик, что вовсе не мешало паре капель (больше похожих на первые капли дождя, чем на те, что сочатся из раны гладиатора) собраться в уголках глаз и упасть на крыльцо. Он утер лицо рукавом, и на смену слабости пришло ожесточение.

Фаррен все еще стоял, погруженный в тягостные размышления, и тут появился джентльмен в черном – по виду священник, только это не был ни Хелстоун, ни Мэлоун, ни Донн, ни Свитинг. Лет сорока, ничем не примечательный, смуглый и рано поседевший. Во время ходьбы он слегка сутулился. Вид у него был задумчивый и мрачный, но едва он подошел к Фаррену и поднял голову, как серьезное и озабоченное лицо его засветилось добротой.

– Ты ли это, Уильям? Как поживаешь? – спросил он.

– С середины на половинку, мистер Холл. А вы как? Зайдете к нам передохнуть?

Мистер Холл служил священником в приходе Наннели, где раньше проживал Фаррен и откуда уехал три года назад, чтобы поселиться в Брайрфилде – поближе к фабрике Мура, на которой получил тогда работу. Войдя в домик и поприветствовав хозяйку и детишек, священ-

ник принялся бодро рассказывать о переменах, произошедших в приходе за время их отсутствия, ответил на несколько вопросов о своей сестре Маргарет, затем стал задавать вопросы сам, торопливо оглядывая голую комнату сквозь очки – да, мистер Холл был близорук и носил очки – и с тревогой рассматривая голодные, исхудалые лица детишек, стоявших позади отца с матерью. Потом внезапно спросил:

– Ну, как вы тут? Справляетесь?

Следует отметить, что мистер Холл, хотя и человек ученый, разговаривает с сильным северным акцентом и порой свободно переходит на местный диалект.

– Плохо, – ответил Уильям, – остались мы без работы. Продали все, что могли, как видите, и не известно, как жить дальше.

– Мистер Мур тебя уволил?

– Еще как уволил, а потом показал себя во всей красе – теперь я не вернусь к нему, даже если позовет!

– Это на тебя не похоже, Уильям.

– Сам себя не узнаю. Ладно бы, не жена и детки, но они до того исхудали...

– Ты тоже исхудал. Тяжелые настали времена, куда ни глянь – повсюду нужда. Присядь, Уильям, и ты тоже, Грейс. Давайте поговорим.

Чтобы поговорить спокойно, мистер Холл усадил к себе на колено самого младшего из Фарренов и положил руку на головку ребенка постарше. Детишки принялись радостно галдеть, и он строго на них прищипнул, потом внимательно посмотрел на очаг, в котором дотлевали последние угольки.

– Тяжкие настали времена, и теперь это надолго. На все воля Божья. Он испытывает нас до последнего... – Священник помолчал. – Значит, денег у вас нет и продать больше нечего?

– Нет. Я продал и буфет, и часы, и этажерку из красного дерева, и красивый чайный поднос жены, и сервиз, который купили к свадьбе.

– А если кто даст тебе фунт или два в долг, ты сможешь использовать их с умом? Не хочешь ли ты заняться каким-нибудь делом?

Фаррен не ответил, а жена его быстро закивала:

– Ну конечно, конечно, он сможет, сэр! Наш Уильям способный парень. Если у него будет фунт или два, он сумеет заняться торговлей.

– Правда, Уильям?

– Бог даст, – уверенно произнес Уильям, – накуплю бакалеи, всякой тесьмы, ниток и прочих нужных вещей и буду торговать.

– Знаете, сэр, – продолжила Грейс, – Уильям не станет ни пить, ни бездельничать, ни транжирить деньги! Он мой муж, и я не могу его не хвалить, только скажу вам вот что: во всей Англии не сыскать такого трезвого и честного человека!

– Я поговорю с друзьями и наверняка одолжу фунтов пять – разумеется, в виде займа, не просто так. Уильяму нужно будет эти деньги вернуть.

– Понимаю, сэр.

– Вот тебе несколько шиллингов, Грейс, чтобы продержаться до тех пор, пока торговля не наладится. А вы, детишки, становитесь в ряд и рассказывайте катехизис. Мать тем временем пусть сбегает за едой в лавку, потому что сегодня вы вряд ли ели досыта, как я погляжу. Начинай ты, мой мальчик. Как тебя зовут?

Мистер Холл дождался прихода Грейс и поспешно ушел, пожав руки Фаррену и его жене. На пороге он обратился к ним с кратким наставлением и искренним утешением. Они тепло расстались, обменявшись фразами «Да хранит вас Бог, сэр!» и «Да хранит вас Бог, друзья мои!»

Глава 9. Брайрменс

Спровадив рабочих, Мур вернулся в контору. Хелстоун и Сайкс принялись шутить и превозносить его мужество и твердость. Он был хмур словно туча и выслушал похвалы с таким мрачным видом, что священник, посмотрев ему в лицо, взял менее догадливого, чем он, Сайкса за локоть и произнес:

– Пойдемте, сэр, нам по пути. Не лучше ли проделать его вместе? Пожелаем Муру доброго утра и оставим предаваться приятным размышлениям, в которые он так погружен.

– Где Сагден? – спросил Мур, поднимая голову.

– Ха! – радостно воскликнул Хелстоун. – Пока вы были заняты, я тоже не бездельничал! Решил вам немного помочь и славно потрудились. Подумал, что время терять не стоит, и, пока вы вели переговоры с тем удрученным человеком – вроде бы его зовут Фаррен, – отворил заднее окошко, позвал Мергатройда, который ждал на конюшне, и велел подогнать двуколку Сайкса. Потом тайком выпихнул Сагдена с братом Моисеем в проем и проследил, как они усядутся в повозку (разумеется, не без разрешения нашего доброго друга Сайкса). Сагден взялся за вожжи – он заправский возница, – и уже через четверть часа Барраклау прибудет в каталажку Стилбро.

– Отлично, благодарю вас и желаю хорошего дня, джентльмены, – промолвил Мур, вежливо проводил их до дверей и проследил, как они покинули фабрику.

Остаток дня Мур был молчалив и серьезен, даже в шутивную перепалку с Джо Скоттом не вступал. Джо, в свою очередь, говорил только по делу, искоса поглядывая на хозяина, заходил помешать угли в камине и по окончании короткого дня (из-за затишья в торговле фабрика работала вполсилы), явившись запирать контору, заметил, что вечер прекрасный и не худо бы мистеру Муру прогуляться по лошине.

На это замечание тот усмехнулся и поинтересовался, к чему такая забота и не принимают ли его за женщину или неразумное дитя, выхватил у Джо ключи и вытолкал взащей. Однако не успел тот дойти до ворот, как Мур его окликнул.

– Джо, ты знаешь этих Фарренов? Полагаю, с деньгами у них неважно?

– Откуда у них деньги, если Уильям уж месяца три без работы? Сами видели, как он исхудал. Они с женой продали почти все.

– Он хороший работник?

– Лу чшего у вас не бывало, сэр.

– А как насчет его семейства – порядочные ли они люди?

– Порядочные! Жена у него умница и чистюля, с полу в доме хоть кашу ешь. Они ужасно нуждаются! Вот бы Уильяму удалось устроиться садовником – он в этом хорошо смыслит. Говорят, жил у одного шотландца, и тот его научил всем премудростям.

– Ладно, можешь идти, Джо. Нечего тут стоять и глаза пялить.

– Значит, приказов больше не будет?

– Только один: дуй отсюда поскорее.

Что Джо и сделал.

Весенние вечера часто бывают холодными и сырыми, и, хотя денек выдался солнечный и теплый, после заката посвежело, землю сковал морозец, коварно прихватив молодую траву и распускающиеся почки. Он выбелил дорогу перед Брайрменсом (особняком мистера Йорка), нанес серьезный урон нежным росткам в саду и зазеленевшей лужайке. Что же касается огромного дерева с толстым стволом и раскидистой кроной, растущего у ближней к дороге стены, то оно проигнорировало мороз всеми своими голыми ветвями, как и безлистая рощица грецких орехов позади дома.

В безлунной, но звездной ночи окна светятся ярко. Дом не выглядит ни темным, ни одиноким. Брайрменс находится возле дороги. Построен он давно, еще до того, как ее проложили: в те времена к нему вела лишь узкая тропа, выходящая по полям. Поместье Брайрфилд лежит всего в какой-нибудь миле; оттуда доносится шум и виден свет. Невдалеке возвышается методистская молельня – большое новое, неотделанное здание; даже в сей поздний час в ней проходит служба, из окон на дорогу падают широкие полосы света и по окрестностям эхом разносится гимн такого содержания, что любой квакер, услышав его, сразу пустился бы в пляс, движимый Святым Духом. Отдельные фразы слышны вполне отчетливо. Вот тебе, читатель, пара цитат для примера, поскольку поющие радостно, легко и непринужденно переходят от гимна к гимну, от мелодии к мелодии:

Зачем на нас пали
Страданья и боль?
За что мы попали
В скорби юдоль?

Чума, война, цунами,
Потоп и недород –
Все Иисуса славит
Божественный приход!

На каждую битву –
С огнем и мечом,
Грянем молитву –
И враг побежден.

Воина радость –
Бойня и кровь,
Веры мы благодать
Несем и любовь.

Сделаем перерыв на шумную молитву, во время которой раздавались пугающие стоны. Громкий голос возопил: «Я обрел свободу!» – к нему присоединились другие прихожане: «Доуд О’Билл обрел свободу!» – и следом грянул еще один гимн:

О, какая благодать –
Мне во мраке не блуждать,
В паству Божью войти
И с народом Твоим
Стать целым одним,
И блаженство навек обрести!

Милость Божья велика:
Я спасусь наверняка!
Поднял Он презренный прах,
Чтобы знамя мог я нести
И с улыбкой на устах
Объявлять Благою Весть.

О, безмерная любовь!
Одарил меня Господь
И направил Весть нести
С посохом под небосклон
Через горы и ручьи.
Глядь, а нас уж легион!

Кто, спрошу я изумленно,
Породил те легионы?
И откуда ни возьмись
Голос тут раздался:
Подними же очи ввысь,
Славь Отца и Агнца!

В затянувшемся промежутке между гимнами раздались крики, восклицания, иступленные вопли, неистовые стоны, и последний гимн паства проревела с особенным пылом:

Спали мы в плену грехов,
В логове среди волков.
Ад раскинул свою пасть,
А Господь Христос нас спас!

С ним не будет нам вреда,
Плоть мертва, душа жива.
Через море вброд пойдем
Вслед за Господом Христом!

Ужасный, режущий уши вопль прорезал ночную тишь, и последний куплет уже не пели, а кричали:

Пуще пламя, громче песнь –
Нам пришла Благая Весть!
Мы очистимся в огне,
И воскреснем во Христе!

Странно, но крыша молельни не слетела от воплей, что свидетельствует о ее превосходном качестве.

Впрочем, оживленно в этот вечер не только в молельне, но и в особняке Брайменс, хотя его обитатели ведут себя не в пример тише. Светятся окна нижнего этажа, выходящие на лужайку, створки открыты настежь; шторы наполовину задернуты, заслоняя убранство комнат и горящие свечи, однако они не вполне приглушают голоса и смех. Нам с тобой, читатель, выпала честь войти через парадную дверь и проникнуть в святая святых этого дома.

В жилище мистера Йорка так весело вовсе не из-за гостей – в доме находятся только он и члены его семьи, заняв дальнюю комнату справа, малую гостиную, предназначенную для домашнего пользования.

Семья собирается здесь каждый вечер. При дневном свете читатель увидел бы, что в окна вставлены великолепные витражи цвета пурпура и янтаря, сверкающие вокруг темных медальонов по центру каждого; в одном – изящный профиль Шекспира, в другом – благодостный профиль Мильтона. На стенах висят живописные пейзажи Канады – зеленые леса и синие

озера, среди них – ночной вид извержения Везувия, чьи огненные потоки резко контрастируют с прохладной лазурью водопадов и сумраком лесных чащ.

Если ты южанин, читатель, вряд ли тебе часто доводится видеть камин, столь ярко пылающий. Хозяин топит жарко в любую погоду, даже летом. Он расположился у огня с книгой в руках, у локтя стоит свеча на небольшой круглой подставке, но он не читает – мистер Йорк наблюдает за своими детьми. Напротив него сидит супруга, описывать которую я не имею ни малейшего желания. Отмечу лишь, что это крупная особа чрезвычайной серьезности, согбенная лежащим на ее плечах грузом забот, причем забот не то чтобы непосильных или неизбежных – нет, мелкие повседневные хлопоты она исполняет по большей части добровольно и даже охотно, однако с такой мрачной миной, словно видит в этом свой долг. Увы, миссис Йорк неизменно мрачна и днем, и ночью, и горе тем злополучным беднякам, особенно женского пола, которые осмеливаются в ее присутствии выказывать жизнерадостность. Веселье и бодрость духа она считает проявлениями легкомысленности и вульгарности, не делая исключений ни для кого. При этом умудряется быть хорошей женой и заботливой матерью, постоянно пекущейся о детях и искренне привязанной к мужу, однако, будь ее воля, миссис Йорк не дала бы своему супругу общаться вообще ни с кем на свете, кроме себя самой. Всех его друзей-приятелей и родню она считает личностями несносными и держит их на почтительном расстоянии.

Мистер Йорк и супруга прекрасно ладят, хотя по своей природе он человек общительный и радушный, ратуящий за единство семьи, а в молодости, как уже было сказано, предпочитал женщин исключительно веселых и жизнерадостных. Почему он выбрал ее, как умудрились они ужиться друг с другом – поистине загадка, хотя и не такая уж неразрешимая, если вникнуть в подробности. Достаточно сказать, что у Йорка наряду со светлой стороной характера есть и темная; вот она-то и обрела взаимное понимание и родство с неизменно мрачной натурой супруги. В остальном же миссис Йорк вполне здравомыслящая женщина, чуждая слабостям и банальностям, взглядов на общественный порядок придерживается строгих и демократических, зато на человеческую природу смотрит скептически: считает себя верхом правильности и благоразумия, в то время как остальной свет в корне не прав. Главный ее недостаток – угрюмое и упорное недоверие к людям, вероучениям и политическим партиям, которое неизменно застилает туманом взор и навязывает ей ложные ориентиры.

Можно предположить, что у такой пары и дети вряд ли будут обычными и ничем не примечательными, и это действительно так. Читатель, перед тобой шестеро ребятишек. Самый младший – младенец на руках у матери. Пока он совершенно беспомощен, миссис Йорк еще не начала в нем сомневаться, подозревать во всех грехах и осуждать, ведь дитя зависит от нее целиком и полностью, льнет к ней и любит ее больше всего на свете. В этом она вполне уверена, ведь дитя при ней, иначе и быть не может, поэтому она тоже его любит.

Далее по возрасту идут две девочки, Роза и Джесси; сейчас обе стоят около отца; к матери почти не подходят, если в том нет особой нужды. Розе, старшей, двенадцать лет, и она очень похожа на отца – больше остальных детей, – однако благодаря мягкости черт и красок ее можно назвать копией, вырезанной из слоновой кости, в отличие от высеченного из гранита сурового отцовского профиля. Впрочем, красотой Роза не блещет – у нее милое простое личико с румяными щечками, а вот взгляд серых глаз далеко не детский, и в нем светится духовная сила большой мощи; если тело будет жить, то она еще и разовьется, и тогда по силе духа превзойдет и отца, и мать. Унаследовав черты обоих, однажды Роза станет лучше их, гораздо чище и целеустремленнее. В данный момент она девочка спокойная и немного упрямая. Мать хочет сделать из нее вторую себя – женщину мрачную, живущую исполнением своего тяжелого долга; у Розы же формируется особый склад ума с множеством убеждений, о которых мать понятия не имеет. Видеть, как часто ими пренебрегают и не придают им значения, для нее тяжело. Роза еще ни разу не шла наперекор родителям, но если они станут слишком на нее давить, она взбунтуется, и тогда уже выйдет из повиновения навсегда. Отца Роза обожает: он не держит

ее в ежовых рукавицах и обращается с ней мягко. Порой он боится, что дочь уйдет из жизни рано – так ярко сияет в глазах ее острый ум, так отточены и разумны слова, – поэтому часто в обращении с ней проскальзывает нежная отцовская грусть.

Он и не подозревает, что умрет рано не Роза, а веселая шалунья и затейница Джесси, которая сейчас радостно щебечет. Джесси вспыхивает, если ее задеть, и отзывчива на ласку, временами бывает тиха, временами балуется. Она то смирная, то шумная, неизменно требовательная и щедрая, вдобавок бесстрашная – к примеру, ничуть не боится матери, чьи до абсурда строгие правила Джесси частенько игнорирует и при этом доверчиво тянется к любому, кто ей поможет. Благодаря озорному личику, способности легко вступать в разговор и приятным манерам, Джесси просто создана быть всеобщей любимицей, и действительно у отца ходит в любимицах. Даже удивительно, до чего эта милая куколка похожа на мать – до мельчайших черточек, как Роза похожа на отца; при этом выражение лица Джесси совершенно иное.

Дорогой мистер Йорк, если бы вам показали в волшебном зеркале ваших дочерей через двадцать лет, что бы вы подумали? Зеркало – перед вами, посмотрите и узнайте их судьбы. Давайте начнем с вашей любимой малютки, Джесси.

Знакомо ли вам это место? Нет, вы никогда не бывали тут прежде, но кроны деревьев узнаете сразу – кипарис, ива и тис. Каменные кресты с потускневшими венками из бессмертника вы тоже узнаете. Вот и мраморное надгробие на зеленом дерне. Под ним спит Джесси. Она прожила весну своей жизни, любящая и всеми любимая. За свою краткую жизнь Джесси часто проливала слезы – на ее долю выпали многие печали; улыбалась она тоже немало, радуя тех, кто ее знал. Она умерла тихо и счастливо в объятиях Розы, которая была ее опорой и защитой во всех невзгодах; обе девушки встретили тот час одни на чужбине, и чужая земля стала для Джесси могилой.

Теперь давайте посмотрим на Розу через пару лет. Хотя кресты и венки смотрелись странно, горы и леса этой местности выглядят еще необычнее. Незнакомые берега, поросшие буйной растительностью, так далеки от Англии. Перед нами девственная природа – порхают неизвестные птицы, несет свои воды незнакомая европейцу река, на берегу которой сидит погруженная в раздумья Роза. Тихая йоркширская девушка теперь одинокая иммигрантка где-то в Южном полушарии. Вернется ли она когда-нибудь домой?

Трое старших детей мальчики – Мэтью, Марк и Мартин. Они сидят в углу и заняты какой-то игрой. Посмотрите на их склоненные головы: на первый взгляд все трое кажутся одинаковыми, но при ближайшем рассмотрении понимаешь, как резко они отличаются друг от друга. Темноволосые, черноглазые, румяные, черты мелкие, что типично для англичан, и сходные с родительскими, зато выражение лица у каждого свое, неповторимое.

Я не стану много говорить о Мэтью, первенце Йорков, хотя лицо его неизменно приковывает взгляд и заставляет гадать, что за душевные качества оно скрывает или, наоборот, показывает. Внешность у Мэтью небезынтересная: черные как смоль волосы, белый лоб, румяные щеки, живые темные глаза – в общем, внешних достоинств у него хватает. Как ни странно, сколько ни глядите, в гостинной есть лишь один предмет, который навеивает мысли о сходстве с этим мальчиком: картина извергающегося ночью Везувия. Пламя и мрак кажутся неотъемлемой частью его души, в ней нет места ни яркому солнечному свету, ни даже тусклому лунному. С виду Мэтью типичный англичанин, однако по духу совсем иной – я сравнила бы его с итальянским стилетом в британских ножнах. В игре ему не везет – посмотрите, как он хмурится. Мистер Йорк это тоже замечает, и что же он делает? Тихо вызывает к младшим сыновьям: «Марк и Мартин, не злите брата!» Таким голосом с детьми разговаривают оба родителя. В принципе они осуждают любую пристрастность и ни за что бы не потерпели в своем доме права первородства, однако никому не дозволяется противоречить Мэтью: родители стремятся оградить его от провокаций со стороны других детей, как оберегали бы от огня бочонок с порохом. «Уступать и примирять» – вот их девиз в отношении старшего сына. Республиканцы быстро

взращают тирана из своей плоти и крови. Младшие отпрыски всё замечают и внутренне бунтуют против подобной несправедливости. Родительских побуждений им не понять, они видят лишь разницу в обращении. Зубы дракона уже посеяны между юными оливами мистера Йорка, и когда-нибудь он пожнет семейный разлад.

Марк – настоящий красавчик, среди всех Йорков у него самые правильные черты. Он чересчур невозмутим, на губах играет злобная улыбка, и самые язвительные колкости Марк говорит равнодушным тоном. Несмотря на внешнее спокойствие мальчика, выдающийся лоб свидетельствует о гневливости и напоминает о том, что в тихой воде омуты глубоки. Кроме того, Марк слишком безучастен и флегматичен, чтобы быть счастливым. Жизнь не принесет ему радостей. К двадцати пяти годам он уже будет удивляться, как люди вообще способны смеяться, и станет считать всех весельчаков глупцами. Марк не сумеет оценить красоту поэзии ни в литературе, ни в жизни; ее лучшие строки будут звучать для него пустым вздором и тарабарщиной. Ни к чему на свете он не испытает неподдельного восхищения, а к энтузиастам своего дела станет относиться с презрением. Марк лишен юности: несмотря на цветущий вид, в свои четырнадцать лет в душе он степенный тридцатилетний мужчина.

Мартин, самый младший из братьев, обладает иной натурой. Неизвестно, сколько суждено ему прожить, но ясно одно: жизнь его будет блистательной. Он станет обольщаться ее иллюзиями, насладится ими сполна и затем отринет. Этот мальчик некрасив – по крайней мере, по сравнению с братьями. На вид Мартин довольно обычен и носит невидимый панцирь, который сбросит ближе к двадцати годам. Вот тогда он расцветет в полную силу и избавится от своих по-мальчишески грубоватых манер как от неприятного домашнего халата – из кокона выпорхнет бабочка, надо лишь дожидаться подходящего момента. Сначала Мартин обратится в тщеславного юнца, жаждущего удовольствий и всеобщего восхищения, хотя с меньшей готовностью будет стремиться и к знаниям. Захочет получить от этой жизни все, что она сможет ему предложить, и станет пить из ее чаши жадными глотками. Что будет, когда он удовлетворит свою жажду? Не знаю. Из Мартина вполне получилась бы личность выдающаяся. Провидица не может с уверенностью сказать, произойдет это или нет: будущее Мартина от нее пока скрыто.

Если рассматривать семейство мистера Йорка в совокупности, то на шесть юных голов приходится столько оригинальности, жизненной силы и интеллектуальной мощи, что ее с успехом можно было бы разделить между дюжиной заурядных детей, и даже тогда каждому достанется больше среднего умственных и иных способностей. Мистер Йорк это знает и гордится отпрысками. Посреди холмов и пустошей Йоркшира порой встречаются подобные семейства – колоритные, хороших кровей, недюжинного ума, полные кипучей энергии, непокорные благодаря осознанию своей природной силы; манерам их не мешает немного лоску и предупредительности, зато они – личности цельные, горячие и благородные, как орел на утесе, как вольная лошадь в степи.

В дверь гостиной негромко стучат. Мальчики так расшумелись, а Джесси так сладко поет отцу шотландскую песенку – мистер Йорк обожает шотландские и итальянские песни, лучшим из которых и научил свою музыкальную дочь, – что дверного звонка никто не слышал.

– Войдите, – произносит миссис Йорк по обыкновению натянутым и торжественным голосом, который она вечно сводит к похоронной мрачности независимо от того, отдает ли распоряжения насчет пудинга в кухне, велит сыновьям повесить шляпы в холле или зовет дочерей заняться шитьем.

И в гостиную входит Роберт Мур.

Всегдашняя серьезность Мура, как и его воздержанность (во время вечерних визитов этого гостя графины со спиртными напитками не подаются никогда), настолько расположили миссис Йорк в его пользу, что она ни разу не попрекнула мужа этим знакомством. Также пока не обнаружила тайной любовной связи, препятствующей его браку, и не узнала доподлинно,

что он волк в овечьей шкуре. Подобные открытия о друзьях холостяках мистера Йорка она сделала в самом начале своего супружества и отказала им всем от дома. Кстати, подобная твердость характера порой приносит не только вред, но и пользу.

– Кого же я вижу? – восклицает хозяйка, когда Мур подходит и протягивает руку. – Почему вы бродите в сей поздний час? В такое время нужно сидеть дома.

– Мадам, разве у холостяка может быть дом?

– Вздор! – усмехается миссис Йорк, презиравшая светские условности не меньше мужа и всегда говорящая то, что думает, благодаря чему у иных вызывает восхищение, хотя чаще страх. – При желании уютный дом может обрести всякий. Скажите, разве сестра не создает вам семейный уют?

– Вряд ли, – вступает в беседу мистер Йорк. – Гортензия – женщина добродетельная, однако когда я был в возрасте Роберта и жил с пятью или шестью сестрами, не менее достойными и славными, чем она, это вовсе не мешало мне присматривать себе невесту.

– И тем сильнее было разочарование после женитьбы на мне, – добавляет миссис Йорк, любящая подшучивать над брачными узами, даже в ущерб себе. – Он до того раскаялся в своем решении, что надел власяницу и посыпал голову пеплом, и поверить в это несложно, стоит лишь взглянуть на постигшее его наказание. – Она указала на своих детей. – Кто в здравом уме станет обременять себя таким выводком шалопаев? Ведь их нужно не только произвести на свет, хотя это тоже непросто, их еще надо прокормить, приодеть, воспитать и пристроить в жизни. Молодой человек, если вы прельститесь идеей брака, вспомните наших четверых сыновей и двух дочерей и дважды подумайте, прежде чем совать голову в петлю.

– Идея брака меня совсем не прельщает. Вряд ли нынешние времена подходят для женитьбы.

Это скорбное умонастроение, разумеется, получило горячее одобрение миссис Йорк. Она кивнула и со вздохом согласилась, однако вскоре добавила:

– Вряд ли следует доверять эдакой соломоновой мудрости в ваши-то годы – ее сведет на нет первая же влюбленность. А пока нечего стоять столбом. Полагаю, разговаривать вы можете и сидя?

Такова свойственная ей манера пригласить гостя сесть. Мур подчинился ей не раньше, чем малютка Джесси спрыгнула с отцовского колена и помчалась прямо к нему, с готовностью вытянувшему руки в объятия.

– Ты вот говоришь тут о женитьбе, – с негодованием обратилась она к матери, поудобнее усаживаясь на коленях гостя, – а он ведь уже женат, точнее, – почти женат. Прошлым летом, увидев меня в белом платье с синим пояском, мистер Мур пообещал, что я стану его суженой! Помнишь, отец? (Дети Йорков не привыкли называть родителей «мама» и «папа», поскольку их мать терпеть не может сюсюканья.)

– Да, моя девочка, еще как обещал, и я тому свидетель. Ну-ка попроси его повторить свое обещание, а то знаю я этих лживых мальчишек.

– Никакой он не лживый! Он красавчик, а значит, хороший, – заявила Джесси, глядя на своего милого снизу вверх и ничуть не сомневаясь в его преданности.

– Красавчик! – вскричал мистер Йорк. – Вот потому-то он прохвост!

– У него слишком скорбный вид, чтобы быть лживым, – раздался из-за хозяйского кресла тихий голосок. – Если бы он всегда смеялся, то забывал бы свои обещания слишком скоро, а мистер Мур не смеется.

– Ваш сентиментальный красавчик – первый плут из всех, Роза, – заметил мистер Йорк.

– Ничуть он не сентиментальный, – возразила девочка.

Удивленный Мур обернулся к ней с улыбкой:

– Откуда ты знаешь, что я не сентиментален, Роза?

– Я слышала, как одна леди сказала это про вас.

– *Voilà, qui devient intéressant!*⁵⁷ – воскликнул мистер Йорк, подвигая кресло ближе к огню. – Леди! Тут за милую веет романтикой. Интересно, кто бы это мог быть? Роза, шепни отцу на ушко, чтобы Роберт не слышал.

– Роза, тебе следует быть скромнее, – вмешалась миссис Йорк в своей обычной брюзгливой манере, – да и Джесси тоже. В присутствии взрослых дети должны помалкивать, особенно это касается девочек.

– Зачем нам тогда вообще нужны языки? – задорно воскликнула Джесси, а Роза посмотрела на мать с таким видом, будто хотела сказать, что запомнит эту истину и поразмыслит над ней на досуге.

Через пару минут напряженных раздумий Роза спросила:

– Почему же это особенно касается девочек?

– Во-первых, потому что я так сказала; во-вторых, потому что для девушки благоразумие и сдержанность – лучшие добродетели.

– Дорогая мадам, – заметил Мур, – то, что вы говорите, просто превосходно и напоминает мне соображения моей дражайшей сестры, однако вряд ли применимо к этим малюткам. Пусть Роза и Джесси разговаривают со мной, как всегда, непринужденно, иначе пропадет главное удовольствие моих визитов к вам. Я люблю, как они щебечут, и отдыхаю с ними душой.

– Ну вот видите! – воскликнула Джесси. – С нами вам гораздо лучше, чем с этими грубыми мальчишками! Наша мама и сама их так называет.

– Да, *mignonne*⁵⁸, в тысячу раз лучше! Грубых мальчишек мне хватает в течение дня, *poulet*⁵⁹.

– Многие люди, – продолжила девочка, – замечают только мальчишек. Все дядюшки и тетюшки считают племянников лучше племянниц, и когда к нам в гости приходит какой-нибудь джентльмен, то разговаривает лишь с Мэтью, Марком и Мартином, а нас с Розой даже не замечает. Мистер Мур – наш друг, и мы никому его не отдадим! Помни, Роза, что мне он больше друг, чем тебе. Он мой близкий друг! – И она предостерегающе подняла ручку.

Роза привыкла к ее предупреждениям. Она с готовностью покоряется импульсивной малютке Джесси. Та распоряжается сестрой буквально на каждом шагу. В случаях, когда можно показать себя во всей красе и развлечься, заправляет Джесси, а Роза тихо отступает на задний план, в то время как в пору неприятностей, житейских забот и лишений Роза машинально берется за дело, взваливая на свои плечи еще и ношу сестры. Джесси давно решила, что выйдет замуж, как только достаточно подрастет, Роза же должна остаться старой девой и жить с ней, приглядывая за детьми и занимаясь хозяйством. Подобные отношения не редкость между сестрами, из которых одна невзрачная, другая – красавица, но в нашем случае если и есть разница во внешних данных, то преимущество – у Розы, поскольку личико у нее более симпатичное, чем у озорной малютки Джесси. Впрочем, наряду с живостью ума и ярким темпераментом Джесси наделена обаянием, силой очаровывать всех на своем пути. Хотя Роза обладает прекрасной, благородной душой, пытливым и развитым умом, верным и преданным сердцем, она не умеет нравиться.

– Ну же, Роза, скажи мне имя той леди, которая не считает меня сентиментальным, – попросил мистер Мур.

Другая непременно воспользовалась бы случаем и подразнила беднягу, однако простодушная Роза ответила сразу:

– Не могу. Я не знаю, как ее зовут.

– Опиши эту леди! Как она выглядит? Где ты ее видела?

⁵⁷ Это становится интересным! (*фр.*)

⁵⁸ Милая (*фр.*).

⁵⁹ Курочка (*фр.*).

– Когда Кейт и Сьюзен Пирсон вернулись домой из школы, миссис Пирсон устроила у себя званый вечер, и мы с Джесси поехали на день в Уиннбери, и там какие-то взрослые дамы сидели в углу гостиной и разговаривали про вас.

– Ты знаешь кого-нибудь из них?

– Ханну, Гарриет, Дору и Мэри Сайкс.

– Отлично. Они говорили обо мне плохие вещи, Роза?

– Некоторые – да. Сказали, что вы мизантроп. Я запомнила слово и посмотрела его в словаре, когда вернулась домой. Так называют того, кто ненавидит людей.

– А еще что?

– Ханна Сайкс сказала, что вы напыщенный хлыщ.

– Уже лучше! – со смехом вскричал мистер Йорк. – Превосходно! Ханна – это которая с рыжими волосами? Красивая девушка, только умом не блещет.

– Похоже, на сей раз ей удалось блеснуть, – заметил Мур. – Надо же, напыщенный хлыщ! Роза, продолжай.

– Мисс Пирсон заявила, что вы любите обращать на себя внимание, а черные волосы и бледное лицо делают вас похожим на сентиментального сумасброда.

Мистер Йорк снова расхохотался. Даже миссис Йорк улыбнулась.

– Вот видите, как вас воспринимают в действительности, – назидательно произнесла она, – и все же мне думается, что мисс Пирсон не прочь заловить вас в свои сети. Несмотря на юный возраст, она сразу положила на вас глаз.

– Кто же ей возразил, Роза? – спросил Мур.

– Леди, которую я не знаю, потому что у нас она никогда не бывает, хотя в церковь ходит каждое воскресенье. Она сидит на скамье возле кафедры, и всякий раз я смотрю на нее, а не в молитвенник, потому что она похожа на картину в нашей столовой – на женщину с голубем в руке, – по крайней мере, у нее такие же глаза и нос тоже, такой прямой, что лицо от этого кажется вроде как ясным.

– Как ты можешь ее не знать! – удивленно воскликнула Джесси. – В этом вся наша Роза. Мистер Мур, я часто недоумеваю, в каком именно мире живет моя сестра. Уж точно не в нашем! Постоянно выясняется, что она совершенно не разбирается в том, что известно всем. Ходит в церковь каждое воскресенье, целую службу смотрит на одну и ту же леди и при этом не удосужилась выяснить, как ее зовут! Она имеет в виду Каролину Хелстоун, племянницу священника. Теперь и я вспомнила! Мисс Хелстоун сильно разозлилась тогда на Анну Пирсон и заявила: «Роберт Мур вовсе не любит обращать на себя внимание, и он не сентиментальный! Вы заблуждаетесь насчет его характера, точнее – понятия о нем не имеете». Рассказать вам теперь, какая она, эта Каролина? Я описываю людей и во что они одеваются получше, чем Роза.

– Что ж, послушаем.

– Она хорошенькая, даже красивая, шея тонкая и белая, локоны длинные и шелковистые, свободно падают на плечи, приятного каштанового цвета. Говорит тихо, четко выговаривая слова; никогда не суетится. Платья носит из серого шелка, вся чистенькая и аккуратная – одежда, обувь и перчатки сидят на ней превосходно. Настоящая леди. Когда я вырасту, то хочу быть как она. Вам ведь нравятся такие девушки? Тогда вы на мне женитесь?

Мур погладил Джесси по голове и хотел было притянуть ее к себе, но передумал и слегка отстранил.

– Ах! Вы не согласны? Почему вы меня отталкиваете?

– Джесси, тебе и самой до меня нет дела. Почему ты не навещаешь меня в лошине?

– Потому что вы не приглашаете!

Мистер Мур тут же пригласил обеих девочек к себе в гости, пообещав, что привезет им завтра из Стилбро подарки. Какие именно, не сказал, пусть придут и узнают сами. Джесси не успела ответить, как вмешался один из мальчиков:

– Знаю я эту мисс Хелстоун, о которой вы тут болтаете. Она гадкая! Терпеть ее не могу, как и всех женщин. На что они вообще нужны?

– Мартин! – возмущенно воскликнул отец. Циничный парнишка посмотрел на него с вызывающим видом. – Мартин, пока ты лишь дерзкий щенок, но когда-нибудь вырастешь в наглого и самонадеянного юнца. Запомни свои слова – нет, лучше давай я их запишу. – Старший Йорк достал блокнот в сафьяновой коже и увековечил изречение сына. – Через десять лет, Мартин, если мы оба доживем, я напому тебе об этом разговоре.

– И тогда я скажу то же самое. Всегда буду ненавидеть женщин! Они только и делают, что наряжаются в пух и прах и расхаживают с важным видом, чтобы все ими восхищались. Никогда не женюсь! Останусь холостяком.

– Стой на своем, мой мальчик, стой на своем! Эстер, в его возрасте я был убежденным женоненавистником, и вдруг к двадцати трем годам (я тогда путешествовал по Франции, Италии и еще бог знает где!) уже каждый вечер завивал волосы и носил серьгу в ухе – да что там, я и в нос продел бы кольцо, если бы того требовала мода, – и все ради того, чтобы понравиться дамам! Мартин кончит тем же.

– Я? Никогда! У меня-то мозгов побольше. Отец, представляю, каким ты был нелепым! Что касается одежды, то я ничего менять не намерен. Мистер Мур, я одеваюсь в синее с головы до ног, а в школе надо мной смеются и называют морячком. Сами-то разодеты как сороки и попугаи: сюртуки одного цвета, жилеты другого, брюки – третьего. Я всегда ношу синее и ничего, кроме синего. Разноцветные вещи унижают человеческое достоинство!

– Через десять лет, Мартин, в пестроте тканей тебе не сможет угодить ни один портной, и ни одна парфюмерная лавка не утолит твоих прихотливых заскоков.

Мартин посмотрел на него свысока, но от ответа удержался. Тем временем Марк, рывшийся в грудe книг на боковом столике, заговорил нарочито медленным, тихим голосом с непередаваемо ироничным выражением лица:

– Мистер Мур, напрасно вы думаете, будто мисс Хелстоун сделала вам комплимент, сказав, что вы вовсе не сентиментальны. Когда мои сестры передали ее слова, вы пришли в смущение, словно они вам польстили. Вы покраснели, совсем как один тщеславный парнишка в моем классе, считающий своим долгом заливать краской всякий раз, когда его похвалит учитель. Ради вашего же блага, мистер Мур, я посмотрел слово «сентиментальный» в словаре и выяснил, что оно означает «подверженный сентиментам». Дальнейшие изыскания выявили, что «сентименты» – это чувства, мысли, идеи. Таким образом, сентиментальный человек тот, кто обладает чувствами, мыслями, идеями; несентиментальный, напротив, их лишен.

Марк не стал улыбаться и ждать всеобщего восхищения. Он сказал свое веское слово и замолчал!

– *Ma foi! Mon ami*, – обратился мистер Мур к Йорку, – *ce sont vraiment des enfants terribles, que les vôtres!*⁶⁰

Роза внимательно выслушала выступление Марка и заметила:

– Чувства, мысли и идеи бывают разными – хорошими и плохими. Слово «сентиментальный», наверное, относилось к плохим, либо же мисс Хелстоун употребила его в этом значении, потому что она вовсе не обвиняла мистера Мура, а защищала.

– Вот кто моя добрая маленькая защитница! – воскликнул Мур, беря Розу за руку.

– Она за него вступилась, – повторила Роза. – На ее месте я бы сделала так же, потому что остальные леди ехидничали.

– Леди часто ехидничают, – кивнул Мартин. – Такова женская сущность.

Наконец заговорил Мэтью, впервые за вечер:

– Что за дурачок наш Мартин – вечно болтает о том, чего не понимает!

⁶⁰ Силы небесные! Друг мой, ваши детишки просто несносны! (фр.)

– Как человек свободный, я имею право рассуждать о чем угодно!

– Своим правом ты пользуешься – точнее, злоупотребляешь – до такой степени, что доказываешь: тебе следовало бы родиться рабом.

– Рабом? Сказать такое Йорку! Да как у тебя язык повернулся? Этот субъект, – добавил Мартин, вставая во весь рост и тыча пальцем в Мэтью, – забыл факт, известный каждому земледельцу в Брайрфилде: у всех Йорков такой высокий подъем стопы, что под ним свободно протекает вода, – лучшее доказательство, что в нашем роду не было рабов лет триста!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.